12 К
DK 264

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

595 К.

П. Кропоткинъ.

SD.7
K83

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЪ РУССКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ ТЮРЬМАХЪ.

IIA067.

Съ англійскаго. Переводъ **Батуринскаго**

подъ редакціей **автора.**

[redacted]

Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ.

Цѣна 1 рубль.

DK
264

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

6 5

5
К83

114067

Типографія «Сѣверъ», СПБ., Садовая 60.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе автора къ русскому изданію.	1
Введеніе.	7
Глава I.	13
Глава II: Русскія тюрьмы.	23
Глава III: Петропавловская крѣпость.	59
Глава IV: Отверженная Россія	85
Глава V: Ссыльные въ Сибири	104
Глава VI: Ссылка на Сахалинъ	134
Глава VII: Иностранцы о русскихъ тюрьмахъ	151
Глава VIII: Во французскихъ тюрьмахъ	160
Глава IX: О нравственномъ вліяніи тюремъ на заключенныхъ.	187
Глава X: Нужны-ли тюрьмы	213
Приложеніе A	237
» B	238
» C	240
» D	241

Предисловіе автора къ русскому изданію.

Книга „Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ“ составилась большею частью изъ статей, которыя я написалъ для англійскаго журнала Ninetechlh Eculary въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Въ Англіи тогда началъ пробуждаться интересъ къ русскому освободительному движенію; въ печать, долго находившуюся подъ вліяніемъ агентовъ русскаго правительства, стали проникать, наконецъ, правдивыя свѣдѣнія объ ужасахъ, которымъ подвергали въ тюрьмахъ заарестованныхъ и приговоренныхъ революціонеровъ. Меня попросили написать объ русскихъ тюрьмахъ, и я воспользовался этимъ предложеніемъ, чтобы разсказать про ужасное состояніе нашихъ тюремъ *вообще*.

— „Революціонеры“, думалъ я, ведутъ войну съ правительствомъ, и какъ бы съ ними ни обращались ихъ враги, имъ противно плакаться на свою судьбу. Они знаютъ, что они—воюющая сторона, и пощады не просятъ. Правда на ихъ сторонѣ, и они вѣрятъ въ успѣхъ своей борьбы.

„Но есть сотни тысячъ людей изъ народа, которыхъ хватаютъ каждый годъ ни за что ни про что, морятъ по острогамъ, гонятъ въ Сибирь, и надъ которыми издѣвается всякій, кто только натянетъ на себя мундиръ. Объ нихъ надо писать, думалъ я, и попытался разсказать англичанамъ и американцамъ, что́ такое эта ужас-

ная система русскихъ остроговъ, центральныхъ тюремъ, пересыльныхъ тюремъ, этаповъ и каторги, въ Сибири и на Сахалинѣ.

Сдѣлать это пришлось, конечно, вкратцѣ, такъ какъ интересъ къ русскимъ тюрьмамъ, у иностранныхъ читателей, можетъ быть только косвенный. Въ матеріалахъ тогда недостатка не было. Русская печать, пользуясь временною свободою при Лорисъ-Меликовѣ, давала много поразительныхъ данныхъ.

Весьма вѣроятно, что я ничего не сказалъ бы въ моихъ очеркахъ о томъ, какъ обращаются въ Россіи съ политическими заключенными, если бы агенты русскаго правительства не вынудили меня къ этому. Встревоженные извѣстіями, начинавшими проникать въ англійскую печать, они принялись отрицать самые твердоустановленные факты звѣрствъ, совершенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ, а Петропавловскую Крѣпость они начали выставлять, какъ образецъ самаго кроткаго, человѣчнаго обращенія со злодѣями—революціонерами. Это—какъ разъ въ то время, когда въ Алексѣевскомъ равелинѣ происходили ужасы, недавно разсказанные въ печати Поливановымъ!

Въ особенности вынудилъ меня къ этому нѣкій англійскій священникъ, Ланселлъ (Л. Н. Толстой превосходно охарактеризовалъ его въ „Воскресеніи“), промчавшійся на курьерскихъ по Сибири, ничего, конечно, не видѣвшій и написавшій преподленькую книжку объ русскихъ тюрьмахъ. Наши тюрьмы были тогда подъ управленіемъ нѣкоего Галкина-Врасскаго,—чиновника съ претензіями, который собирался созвать международный тюремный конгрессъ въ Петербургѣ, чтобы усилить свое вліяніе въ Аничковомъ Дворцѣ, и нашедшій въ Ланселлѣ нужнаго ему хвалителя его „тюремныхъ реформъ“.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Толстой, тоже покровительствовалъ этому хвалителю, и даже велѣлъ показать ему Петропавловскую Крѣпость—т.-е., конечно, не равелины, а Трубецкой бастіонъ. Когда же я разобралъ въ англійской печати книжку этого Ланселля, то отвѣтъ на мои замѣчанія былъ написанъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, въ Петербургѣ. Тотъ-же г. Галкинъ-Врасскій прислалъ отвѣтную статью, которую англійскій священникъ долженъ былъ напечатать за своею подписью—и напечаталъ въ Coutemporary Review. Мой отвѣтъ на эту статью составляетъ главу VII этой книги.

Кстати,—два слова по поводу этого отвѣта. Писалъ я его въ Ліонской тюрьмѣ. Отвѣтить Ланселлю—т.-е, русскимъ чиновникамъ—было необходимо; Сергѣя Кравчинскаго тогда еще не было въ Англіи; и я торопился написать мою отвѣтную статью, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ идти на судъ, и тотчасъ послѣ суда, покуда насъ еще не отправили отбывать наказаніе въ какую-нибудь „Централку". Статья была готова. Но первою заботою французскаго правительства было—строжайше запретить, чтобы что бы то ни было писанное мною противъ русскаго правительства выходило изъ французской тюрьмы. Мнѣ сказали, поэтому, когда я захотѣлъ послать мою статью въ Лондонъ, что это—невозможно. Надо отослать ее на просмотръ въ Парижъ, въ министерство, гдѣ ее задержатъ, если она противъ русскаго правительства.

Къ счастью, докторомъ Ліонской тюрьмы былъ г-нъ Лакассань, писатель по антропологіи, который заходилъ раза два ко мнѣ въ камеру поговорить объ антропологическихъ вопросахъ. Жена его знала хорошо по-англійски, и онъ предложилъ, чтобы она процензуровала мою статью. Директоръ тюрьмы согласился, лишь-бы его

отвѣтственность была покрыта. А госпожа Лакассань, конечно, сразу увидала, что статья—именно изъ тѣхъ, которыя не должны выйти изъ тюрьмы; а потому—взяла грѣхъ на свою душу и поторопилась на другой же день отослать мою статью въ Лондонъ.—Хоть теперь, заочно, позволю себѣ поблагодарить ее. Добрые люди вездѣ есть.

Извѣстно, что русскіе министры думали такимъ же образомъ воспользоваться американцами Кеннаномъ и Фростомъ, которыхъ послалъ одинъ американскій журналъ провѣрить на мѣстѣ состояніе русскихъ тюремъ. Но они осѣклись. Кеннанъ выучился по-русски, перезнакомился со всѣми ссыльными въ Сибири и правдиво разсказалъ то, что узналъ.

Теперь ссылка въ Сибирь—по крайней мѣрѣ, по суду—отмѣнена, и кое-гдѣ внутри Россіи понастроили „реформированныхъ“ тюремъ. По отношенію къ русскимъ тюрьмамъ моя книга имѣетъ, такимъ образомъ, интересъ преимущественно историческій. Но пусть-же она будетъ хоть историческимъ свидѣтельствомъ того, съ какой невообразимой жестокостью обращалась съ русскимъ народомъ наша бюрократія цѣлые тридцать или сорокъ лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Пусть же знаютъ всѣ, что они поддерживали, какъ они противились тридцать лѣтъ самымъ скромнымъ преобразованіямъ,—какъ попирали они всѣ самыя основныя права человѣка.

А впрочемъ,—точно ли теперешнія русскія тюрьмы измѣнились къ лучшему? Бѣлилъ, да тертаго кирпича тратятъ теперь побольше,—спора нѣтъ—въ разныхъ „Предварительныхъ“ и образцовыхъ „Крестахъ“. Но *суть*, вѣдь, осталась таже. А сколько сотенъ самыхъ

ужасныхъ старыхъ остроговъ, пересыльныхъ тюремъ и этаповъ остается по сію пору въ рукахъ всякихъ мундирныхъ злодѣевъ! Сколько тысячъ народа ссылается по-прежнему въ Сибирь—только подальше—административнымъ порядкомъ! Сколько злодѣйствъ совершается сейчасъ, въ настоящую минуту, по набитымъ до невозможности тюрьмамъ! Полы, можетъ быть, моются чище; но таже система аракчеевщины осталась, или еще стало хуже, сдѣлавшись хитрѣе, ехиднѣе, чѣмъ прежде. Кто-же завѣдуетъ этими тюрьмами, какъ не тѣ же ненавистники русскаго народа?

Одна изъ главъ этой книги посвящена описанію того, что я видѣлъ во французскихъ тюрьмахъ:—въ Ліонской, губернской и въ „Централкѣ“, въ Клерво. Тѣмъ, которые не преминутъ сказать, что тутъ, можетъ быть, есть преувеличеніе, замѣчу только, что этотъ очеркъ, переведенный въ Temps, былъ признанъ во Франціи настолько объективнымъ, что имъ пользовались какъ документомъ въ Палатѣ, въ преніяхъ о тюремной реформѣ. Во Франціи, какъ и вездѣ, вся система тюремъ стоитъ на ложномъ основаніи и требуетъ полнѣйшаго пересмотра,—честнаго, серьезнаго, вдумчиваго пересмотра со стороны общества.

Двѣ послѣднія главы моей книги посвящены, поэтому, разбору глубоко вреднаго вліянія, которое тюрьмы повсемѣстно оказываютъ на общественную нравственность, и вопросу о томъ,—нужно-ли современному человѣчеству поддерживать эти несомнѣнно зловредныя учрежденія?

Если бы мнѣ предстояло теперь написать сызнова объ этомъ послѣднемъ вопросѣ, я могъ бы доказать свои положенія съ гораздо большею полнотою, на осно-

ваніи цѣлой массы накопленныхъ съ тѣхъ поръ наблюденій и матеріаловъ, а также нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдованій, которыми обогатилась литература. Но именно обиліе наличныхъ матеріаловъ заставляетъ меня отказаться отъ мысли разработать сызнова этотъ въ высшей степени важный вопросъ. Впрочемъ, онъ настолько настоятеленъ, что несомнѣнно найдутся молодыя силы, которыя возьмутся за эту работу въ указанномъ здѣсь направленіи. Въ Америкѣ такая работа уже начата.

Бромлей. Англія.

Февраль, 1906 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сутолокѣ жизни, когда вниманіе наше поглощено повседневными житейскими мелочами, мы всѣ бываемъ склонны забывать о глубокихъ язвахъ, разъѣдающихъ общество, и не удѣляемъ имъ того вниманія, котораго онѣ въ дѣйствительности заслуживаютъ. Иногда въ печать проникаютъ сенсаціонныя „разоблаченія", касающіяся какой-либо мрачной стороны нашей общественной жизни и если эти разоблаченія успѣваютъ хоть немного пробудить насъ отъ спячки и обратить на себя вниманіе общества, — въ газетахъ, въ теченіи одного-двухъ мѣсяцевъ, появляются иногда превосходныя статьи и „письма въ редакцію" по поводу затронутаго явленія. Нерѣдко въ этихъ статьяхъ и письмахъ проявляется не мало здраваго смысла и высокой гуманности, но обыкновенно подобная, внезапно поднятая въ прессѣ и обществѣ, агитація вскорѣ замираетъ. Прибавивъ нѣсколько новыхъ параграфовъ къ существующимъ уже сотнямъ тысячъ узаконеній; сдѣлавъ нѣсколько микроскопическихъ попытокъ съ цѣлью бороться, путемъ единичныхъ усилій, съ глубоко укоренившимся зломъ, которое можно побѣдить лишь усиліями всего общества, — мы снова погружаемся въ мелочи жизни, не заботясь о результатахъ недавней агитаціи. Хорошо еще, если, послѣ всего поднятаго шума, положеніе вещей не ухудшилось.

Такова судьба многихъ общественныхъ вопросовъ, и въ особенности—вопроса о тюрьмахъ и заключенныхъ.

Въ этомъ отношеніи очень характерны слова миссъ Линды Джильбертъ (американской м-рсъ Фрай): „едва человѣкъ попалъ въ тюрьму, общество перестаетъ интересоваться имъ“. Позаботившись о томъ, чтобы арестантъ „имѣлъ хлѣба для ѣды, воды для питья и побольше работы“,—общество считаетъ выполненными всѣ свои обязанности по отношенію къ нему. Отъ времени до времени кто-либо, ознакомленный съ тюремнымъ вопросомъ, поднимаетъ агитацію по поводу сквернаго состоянія нашихъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія. Общество, въ свою очередь, признаетъ, что необходимо что-нибудь предпринять для излѣченія зла. Но всѣ усилія реформаторовъ разбиваются о косность организованной системы, такъ какъ приходится бороться съ общераспространеннымъ предубѣжденіемъ общества противъ тѣхъ, кто навлекъ на себя кару закона; а потому борцы скоро устаютъ, чувствуя себя одинокими: никто не приходитъ имъ на помощь въ борьбѣ съ колоссальнымъ зломъ. Такова была судьба Джона Говарда (Howard) и многихъ другихъ. Конечно, небольшія группы людей, обладающихъ добрымъ сердцемъ и недюжинной энергіей, продолжаютъ, не взирая на общее равнодушіе, хлопотать объ улучшеніи быта арестантовъ или, точнѣе выражаясь, объ уменьшеніи вреда, приносимаго тюрьмами ихъ невольнымъ обитателямъ. Но эти дѣятели, руководимые исключительно филантропическимъ чувствомъ, рѣдко рѣшаются критиковать самые принципы, на которыхъ покоятся тюремныя учрежденія; еще менѣе занимаются они обслѣдованіемъ тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ каждый годъ милліоны человѣческихъ существъ попадаютъ за стѣны тюремъ. Дѣятели этого типа пытаются лишь смягчить зло, но не подрѣзать его у самаго корня.

Каждый годъ около милліона мужчинъ, женщинъ и дѣтей попадаютъ въ тюрьмы одной Европы, и на содержаніе каторжныхъ и участковыхъ тюремъ тратится ежегодно около 100,000,000 рублей, не считая расходовъ на содержаніе той сложной судебной и административной машины, которая поставляетъ матеріалъ для тюремъ. А между тѣмъ, за исключеніемъ немногихъ филантроповъ и профессіонально заинтересованныхъ лицъ,— кого интересуютъ результаты, достигаемые при такихъ громадныхъ затратахъ? Оплачиваютъ ли наши тюрьмы громадную затрату человѣческаго труда, ежегодно расходуемаго на ихъ содержаніе? Гарантируютъ ли онѣ общество отъ возникновенія снова и снова того зла, съ которымъ онѣ, — какъ предполагается, — неустанно борятся?

Въ виду того, что обстоятельства моей жизни дали мнѣ возможность посвятить нѣкоторую долю вниманія этимъ важнымъ вопросамъ, я пришелъ къ заключенію, что, можетъ быть, будетъ не безполезнымъ подѣлиться съ читающей публикой, какъ моими наблюденіями надъ тюремной жизнью, такъ равно и тѣми выводами, къ которымъ меня привели мои наблюденія.

Съ тюрьмами и ссылкой мнѣ пришлось впервые познакомиться въ Восточной Сибири, въ связи съ работами комитета, учрежденнаго въ цѣляхъ реформы русской системы ссылки. Тогда я имѣлъ возможность ознакомиться, какъ съ вопросомъ о ссылкѣ въ Сибирь, такъ равно и съ положеніемъ тюремъ въ Россіи; тогда же мое вниманіе впервые было привлечено къ великимъ вопросамъ „преступленія и наказанія“. Позднѣе, съ 1874 по 1876 гг., въ ожиданіи суда, мнѣ пришлось провести почти два года въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, гдѣ я могъ наблюдать на моихъ товарищахъ

по заключенію страшныя послѣдствія одиночной системы. Оттуда меня перевели въ только что выстроенный тогда Домъ Предварительнаго Заключенія, считавшійся образцовой тюрьмой въ Россіи; наконецъ, отсюда я попалъ въ военную тюрьму при С.-Петербургскомъ военномъ госпиталѣ.

Когда я находился уже въ Англіи, въ 1881 г., ко мнѣ обратились съ предложеніемъ сообщить въ англійской печати о положеніи въ русскихъ тюрьмахъ людей, арестуемыхъ по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ; правдивое сообщеніе подобнаго рода являлось настоятельной необходимостью, въ виду систематической лжи по этому поводу, распространявшейся однимъ агентомъ русскаго правительства. Я коснулся этого вопроса въ статьѣ о русской революціонной партіи, напечатанной въ Fortnightly Revicio (въ іюнѣ 1881 г.). Хотя ни одинъ изъ фактовъ, приведенныхъ въ вышеупомянутой статьѣ, не былъ опровергнутъ агентами русскаго правительства, но въ тоже время были сдѣланы попытки провести въ англійскую прессу свѣдѣнія о русскихъ тюрьмахъ, изображавшія эти тюрьмы въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Тогда я, въ свою очередь, вынужденъ былъ въ рядѣ статей, появившихся въ „Nineleenth Century", разобрать, что такое представляютъ собою русскія тюрьмы и ссылка въ Сибирь. По возможности воздерживаясь отъ жалобъ на притѣсненія, претерпѣваемыя нашими политическими друзьями въ Россіи, я предполагалъ дать въ своихъ статьяхъ понятіе о состояніи русскихъ тюремъ вообще, о ссылкѣ въ Сибирь и о результатахъ русской тюремной системы; я разсказалъ о невыразимыхъ мученіяхъ, которыя испытываютъ десятки тысячъ уголовныхъ арестантовъ въ тюрьмахъ Россіи, на пути въ Сибирь и, наконецъ, въ самой Сибири, — этой колос-

сальной уголовной колоніи россійской имперіи. Чтобы пополнить мои личныя наблюденія, которыя могли устарѣть, я познакомился съ обширною литературою предмета, посвященною тогда, за послѣднее время, въ Россіи тюремному вопросу. Но именно это изученіе убѣдило меня, во-первыхъ, въ томъ, что положеніе вещей осталось почти такимъ же, какимъ оно было двадцать пять лѣтъ тому назадъ; во-вторыхъ, въ томъ, что, хотя русскимъ тюремнымъ чиновникамъ очень хочется имѣть подголосковъ въ Западной Европѣ, съ цѣлью распространенія изукрашенныхъ извѣстій объ ихъ якобы гуманной дѣятельности, все же они не скрываютъ суровой правды ни отъ русскаго правительства, ни отъ русской читающей публики. И въ оффиціальныхъ отчетахъ и въ прессѣ они открыто признаютъ, что тюрьмы находятся въ отвратительномъ состояніи. Нѣкоторыя изъ этихъ оффиціозныхъ признаній я привожу ниже.

Въ скоромъ времени послѣ того, какъ я писалъ о русскихъ тюремныхъ порядкахъ въ англійской прессѣ,—а именно—съ 1882 по 1886 гг.,—мнѣ пришлось провести три года во французскихъ тюрьмахъ: въ Prison Départementale въ Ліонѣ и въ Maison Centrale въ Клэрво (Clairvaux). Описаніе обѣихъ этихъ тюремъ было дано мной въ статьѣ, появившейся въ „Nineleenth Century". Мое пребываніе въ Клэрво, въ близкомъ сосѣдствѣ съ 1400 уголовныхъ преступниковъ, дало мнѣ возможность присмотрѣться къ результатамъ, получаемымъ отъ заключенія въ этой тюрьмѣ,—одной изъ лучшихъ не только во Франціи, но, насколько мнѣ извѣстно, и во всей Европѣ. Мои наблюденія побудили меня заняться разсмотрѣніемъ съ болѣе общей точки зрѣнія вопроса о моральномъ вліяніи тюрьмы на заключенныхъ, въ связи съ современными взглядами на преступность и ея причины.

Часть этого изслѣдованія послужила темой реферата, прочтеннаго мной въ Эдинбургскомъ Философскомъ Обществѣ.

Включая въ настоящую книгу часть моихъ журнальныхъ статей по тюремному вопросу, я подновилъ ихъ фактическій матеріалъ на основаніи свѣдѣній, въ большинствѣ случаевъ заимствованныхъ изъ русскихъ оффиціальныхъ изданій, а также выключивъ изъ нихъ полемическій элементъ. Вновь написанныя главы о ссылкѣ на Сахалинъ и объ одномъ эпизодѣ изъ жизни ссыльныхъ поляковъ въ Сибири служатъ дополненіемъ общаго описанія русскихъ карательныхъ учрежденій.

ГЛАВА I.

Мнѣ впервые пришлось ознакомиться съ русскими тюрьмами въ 1862 г., въ Забайкальской Области. Я тогда только что пріѣхалъ въ Иркутскъ,—молодымъ казачьимъ офицеромъ, не достигшимъ еще двадцати-лѣтняго возраста,—и, мѣсяца два спустя послѣ моего прибытія, былъ уже назначенъ секретаремъ мѣстнаго комитета, занимавшагося вопросомъ о реформѣ тюремъ. Считаю не лишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько необходимыхъ поясненій.

Образованіе мое въ то время ограничивалось курсомъ военной школы. Мы, конечно, посвящали много времени математикѣ и естественнымъ наукамъ, но еще болѣе времени уходило на изученіе военнаго искусства, искусства уничтоженія людей на поляхъ битвъ. Но мы переживали тогда въ Россіи эпоху великаго пробужденія мысли, наступившую вслѣдъ за Крымскимъ разгромомъ; немудрено поэтому, что даже на образовательномъ курсѣ военныхъ школъ отразилось вліяніе этого великаго движенія. Нѣчто, стоявшее выше милитаризма, проникало даже сквозь стѣны Пажескаго Корпуса.

Начиная съ 1859 года русская печать получила нѣкоторую свободу и со страстью отдалась обсужденію политическихъ и экономическихъ реформъ, которыя должны были сгладить слѣды тридцати-лѣтняго военнаго режима Николаевщины; отголоски напряженной интелектуальной дѣятельности, волновавшей страну, долетали и до нашихъ классныхъ комнатъ. Нѣкоторые изъ насъ много читали, стремясь пополнить свое образованіе. Вообще, мы проявляли горячій интересъ къ предполагавшейся перестройкѣ нашихъ архаическихъ учрежденій и нерѣдко,—между уроками тактики и военной

исторіи,—завязывались оживленные толки объ освобожденіи крестьянъ и объ административныхъ реформахъ. Уже на другой день послѣ обнародованія указа о давно ожидаемомъ и многократно откладываемомъ освобожденіи крестьянъ, нѣсколько экземпляровъ объемистаго и запутаннаго „Положенія“ попали въ нашу маленькую, залитую солнечнымъ свѣтомъ, библіотечную комнатку, гдѣ мы немедленно занялись усерднымъ изученіемъ и комментированіемъ „Положенія“. Итальянская опера была забыта,—мы стали посвящать свободное время обсужденію возможныхъ результатовъ освобожденія и его значенія въ жизни страны. Исторія вообще и въ особенности исторія иностранныхъ литературъ обратилась въ лекціяхъ нашихъ профессоровъ въ исторію философскаго, политическаго и соціальнаго роста человѣчества. Сухіе принципы „политической экономіи“ Ж. Б. Сея и комментаріи русскихъ гражданскихъ и военныхъ законовъ, которые прежде разсматривались, какъ предметы совершенно излишніе въ схемѣ образованія будущихъ офицеровъ, теперь, въ приложеніи къ нуждамъ страны, казалось, получили новую жизнь.

Рабство пало, и умы всѣхъ были заняты предстоящими реформами, которыя должны были увѣнчаться конституціонными гарантіями. Страна ожидала немедленныхъ и широкихъ рефомъ. Всѣ наши учрежденія требовали коренной переработки, являясь странной смѣсью законовъ, унаслѣдованныхъ отъ стараго Московскаго періода, узаконеній Петра I, пытавшагося создать военную державу путемъ указовъ изъ Петербурга, законовъ, возникшихъ по прихоти придворныхъ куртизановъ развратныхъ императрицъ и законовъ Николая I, каждая строка которыхъ была пропитана военнымъ деспотизмомъ. Мы жадно читали журналы и газеты того времени, въ которыхъ горячо обсуждалась необходимость всесторонникъ реформъ.

Но въ это время, на ряду съ общимъ оживленіемъ, начали показываться зловѣщіе признаки реакціи. Почти наканунѣ освобожденія крестьянъ Александръ II испугался собственнаго дѣла, и реакціонная партія мало по малу начала пріобрѣтать вліяніе въ Зимнемъ Дворцѣ.

Николай Милютинъ—душа крестьянской реформы въ бюрократическихъ сферахъ,—былъ внезапно удаленъ въ отставку за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія указа объ освобожденіи, и труды либеральныхъ комитетовъ были переданы для новой редакціи, болѣе благопріятной для помѣщиковъ, комитетамъ второго созыва, членами которыхъ были назначены въ большинствѣ рабовладѣльцы стараго закала, такъ называемые „крѣпостники". На прессу снова надѣли намордникъ; свободное обсужденіе „Положенія" было воспрещено; нумеръ за нумеромъ конфисковался. *День*, газета Ивана Аксакова, который тогда былъ довольно радикаленъ, проповѣдывалъ необходимость созыва Земскаго Собора и даже ничего не имѣлъ противъ отозванія русскихъ войскъ изъ Польши. Сравнительно незначительныя крестьянскія волненія въ Казанской губерніи и большой пожаръ въ Петербургѣ въ маѣ 1862 г. (приписанный полякамъ и революціонерамъ) послужили поводомъ къ усиленію реакціи. Длинный рядъ политическихъ процессовъ, сдѣлавшихся въ скоромъ времени характерной чертой царствованія Александра II, начался ссылкой въ каторжныя работы извѣстнаго поэта и публициста, Михаила Михайлова.

Реакціонная волна, поднявшаяся въ Петербургѣ съ 1861 года, еще не успѣла докатиться до Сибири. Михайлова, на пути его въ Нерчинскіе рудники, чествовалъ обѣдомъ Тобольскій губернаторъ. Герценовскій „Колоколъ" былъ широко распространенъ въ Сибири, а въ Иркутскѣ, куда я попалъ въ сентябрѣ 1862 года, культурные слои общества были еще полны оптимистическихъ надеждъ. „Реформы" были тогда на языкѣ у всѣхъ въ Иркутскѣ, и одной изъ наиболѣе горячо обсуждаемыхъ реформъ была необходимость полной реорганизаціи системы ссылки.

Я былъ назначенъ адъютантомъ къ Забайкальскому губернатору, генералу Болеславу Казиміровичу Кукелю, литвину, вполнѣ симпатизировавшему либеральнымъ идеямъ той эпохи, и, мѣсяцъ спустя, очутился въ большой сибирской деревнѣ Читѣ, которая была возведена Муравьевымъ въ чинъ главнаго города Забайкалья.

Въ Забайкальской области находятся извѣстные Нер-

чинскіе рудники. Сюда посылаютъ со всѣхъ концовъ Россіи осужденныхъ на каторжныя работы; немудрено поэтому, что вопросъ о ссылкѣ и каторгѣ часто служилъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Почти каждый обыватель или чиновникъ былъ знакомъ съ тѣми ужасными условіями, при которыхъ происходило препровожденіе арестантовъ, принуждаемыхъ совершать пѣшкомъ весь путь отъ Перми до Забайкальской области. Всѣмъ было извѣстно ужасное состояніе мѣстъ заключенія, какъ въ самыхъ рудникахъ Нерчинскаго округа, такъ и по всей Россіи. Въ виду этого Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ связи съ пересмотромъ общеимперскаго уголовнаго положенія и вопроса о ссылкѣ, намѣревалось предпринять цѣлый рядъ радикальныхъ реформъ, касавшихся положенія тюремъ въ Россіи и Сибири.

— „Мы получили циркуляръ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“—говорилъ мнѣ однажды Кукель.—„Насъ просятъ собрать всевозможныя свѣдѣнія о положеніи тюремъ и сообщить наше мнѣніе относительно необходимыхъ реформъ. Вы знаете—какая масса дѣлъ у насъ на рукахъ, за эту работу положительно некому взяться. Каторжными тюрьмами Нерчинскаго округа завѣдываетъ Горное Вѣдомство. Мы дѣлали ему запросы обычнымъ путемъ, но намъ никто ничего не отвѣчаетъ.—Не возьметесь-ли вы за это дѣло?“—Я, конечно, отвѣтилъ, что, въ виду моей молодости и полнаго незнакомства съ предметомъ работы, я не могу взяться за нее. Въ отвѣтъ на это, Кукель очень просто отвѣтилъ:

— „Конечно. Но займитесь этимъ вопросомъ, изучите его! Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ вы найдете рядъ прекрасныхъ статей о всевозможныхъ тюремныхъ системахъ. Что же касается практической стороны работы,—мы постараемся найти точныя свѣдѣнія о томъ, какъ стоитъ дѣло теперь. Обойдите тюрьмы, осмотрите ихъ. А потомъ, полковникъ Педаменко, г да Андреевъ и Ядринцевъ, а также нѣкоторые горные чиновники помогутъ вамъ. Мы обсудимъ каждую мелочь сообща съ людьми, практически знакомыми съ предметомъ; но прежде всего,—надо собрать данныя, подготовить матеріалъ для обсужденія“.

Такимъ образомъ, я нежданно—негаданно оказался секретаремъ Забайкальскаго комитета по тюремной реформѣ. Нечего и говорить, что я глубоко радовался этому и принялся за работу со всей энергіей юности. Циркуляръ министерства вдохновилъ меня. Онъ былъ написанъ въ высокомъ стилѣ. Само министерство указывало на недостатки русской тюремной системы и выражало полную готовность предпринять въ этой области радикальныя реформы самаго гуманнаго характера. Въ циркулярѣ указывались, между прочимъ, различныя системы наказаній, практикуемыхъ въ Западной Европѣ, но онѣ не удовлетворяли министерство, которое краснорѣчиво предлагало возвратиться „къ основамъ, провозглашеннымъ великою прабабкой и великимъ дѣдомъ нынѣ благополучно царствующаго монарха“. Для всякаго русскаго, болѣе или менѣе знакомаго съ исторіей его отечества, эти упоминанія о знаменитомъ „Наказѣ“ Екатерины II, написанномъ подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и о гуманитарныхъ тенденціяхъ, которыми были проникнуты первые годы царствованія Александра I, уже являлись цѣлой программой. Мой энтузіазмъ лишь удвоился послѣ прочтенія циркуляра.

Но дѣло, увы, вовсе не пошло такъ гладко, какъ я ожидалъ. Горное Вѣдомство, въ вѣдѣніи котораго находились каторжане, работавшіе въ Нерчинскихъ заводахъ, очень мало заботилось о „великихъ основахъ“, провозглашенныхъ Екатериной II и, вѣроятно, держалось того мнѣнія, что чѣмъ—меньше реформъ—тѣмъ лучше. Многократные запросы губернатора оставались безъ всякаго отвѣта,—можетъ быть, впрочемъ, потому, что Департаментъ находился въ прямомъ подчиненіи не губернатору, а „Кабинету Его Величества“ въ Петербургѣ. Долгое время Департаментъ отдѣлывался упорнымъ молчаніемъ и когда, наконецъ, прислалъ кипу „вѣдомостей“, изъ послѣднихъ нельзя было ничего извлечь, нельзя было даже опредѣлить ни величины расходовъ на содержаніе заключенныхъ, ни стоимости ихъ труда.

Къ счастью, въ Читѣ было не мало людей, хорошо знакомыхъ съ состояніемъ каторжныхъ тюремъ, и кое-какія указанія были охотно даны мнѣ нѣкоторыми гор-

ными чиновниками. Оказывалось, между прочимъ, что ни одинъ изъ серебряныхъ, а также нѣкоторые изъ золотыхъ рудниковъ, обрабатываемыхъ при помощи каторжнаго труда, не давалъ никакого дохода, и горное начальство считало необходимымъ закрыть большинство этихъ рудниковъ. Произволъ и деспотизмъ начальниковъ тюремъ не имѣлъ предѣловъ, и ходившіе по всему Забайкалью ужасающіе слухи о звѣрствахъ одного изъ нихъ,—нѣкоего Разгильдѣева,—по изслѣдованіямъ оказались вполнѣ вѣрными. Страшныя цынготныя эпидеміи ежегодно уносили арестантовъ сотнями, а изъ Петербурга въ это время слали приказанія, чтобы побольше добывалось золота; въ результатѣ,—голодныхъ людей заставляли работать сверхъ силъ. Свѣдѣнія о тюремныхъ зданіяхъ могли во-истину повергнуть въ отчаяніе: тюрьмы набивались биткомъ арестантами и насквозь прогнили отъ грязи, заведенной цѣлыми поколѣніями заключенныхъ. По словамъ отчетовъ, никакія палліативы не могли помочь, необходимы были коренныя реформы. Я лично посѣтилъ нѣсколько тюремъ и убѣдился въ справедливости отчетовъ. Забайкальское начальство настаивало поэтому, чтобы число арестантовъ, посылаемыхъ въ эту область, было сокращено, указывая на физическую невозможность найти для нихъ не только работу, но даже помѣщеніе.

Не лучше обстояло дѣло и съ пересылкою ссыльныхъ по этапу; оно было въ самомъ плачевномъ состояніи. Честный молодой чиновникъ, инженеръ по профессіи, былъ посланъ съ цѣлью осмотра всѣхъ этаповъ, и заявилъ, что всѣ они должны быть выстроены заново; многіе изъ нихъ прогнили до основанія и ни одинъ не былъ достаточно обширенъ для помѣщенія того количества арестантовъ, которое иногда скоплялось въ нихъ. Я посѣтилъ нѣсколько этаповъ, видѣлъ арестантскія партіи въ пути и могъ лишь усиленно рекомендовать полное прекращеніе всей этой ужасной системы, приносящей безцѣльное мучительство тысячамъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Когда дѣло дошло до мѣстныхъ остроговъ, служившихъ мѣстами заключенія для мѣстныхъ арестантовъ,—

мы нашли ихъ даже въ обычное время переполненными до крайности; но легко вообразить, что должно было происходить, когда въ нихъ задерживались, вслѣдствіе разлива рѣкъ или суровыхъ сибирскихъ морозовъ пересыльныя арестантскія партіи. Всѣ эти мѣстные остроги были точными копіями „Мертваго Дома“, описаннаго Достоевскимъ.

Небольшой комитетъ, составленный изъ хорошихъ людей, собиравшійся отъ времени до времени въ домѣ губернатора, дѣятельно занялся обсужденіемъ вопроса,— какимъ образомъ можно было бы поправить дѣло, не обременяя новыми расходами ни государственное казначейство, ни уже отягченный областный бюджетъ? Комитетъ единогласно пришелъ къ заключенію, что ссылка, въ ея существующей формѣ, является позоромъ для человѣчества; что она ложится тяжелымъ бременемъ на Сибирь, и что Россія можетъ сама позаботиться о своихъ арестантахъ, вмѣсто того, чтобы посылать ихъ въ Сибирь. При такой постановкѣ вопроса оказывалась необходимой не только реформа уголовнаго уложенія и судебной процедуры, обѣщанная въ министерскихъ циркулярахъ, но и введеніе въ самой Россіи новой тюремной системы.

Нашъ комитетъ набросалъ въ общихъ чертахъ планъ такой системы, главными чертами которой являлись: отмѣна одиночнаго заключенія, раздѣленіе арестантовъ на группы по 10 — 20 человѣкъ въ камерахъ, сравнительная краткосрочность заключенія, и продуктивный, хорошо оплачиваемый трудъ. Въ своемъ отчетѣ нашъ комитетъ взывалъ къ энергичной работѣ въ самой Россіи, съ цѣлью превращенія ея тюремъ въ заведенія исправительнаго характера, причемъ Забайкальская область объявлялась вполнѣ готовой приступить къ реформѣ своихъ тюремъ по указанному плану, не требуя никакихъ новыхъ затратъ со стороны казны. Въ отчетѣ указывалось на желательный характеръ работъ въ тюрьмахъ, причемъ, по мнѣнію авторовъ отчета, содержаніе тюремъ должно оплачиваться трудомъ самихъ арестантовъ, что, при правильной организаціи, является вполнѣ достижимымъ. Комитетъ высказывалъ надежду,

что новые люди, необходимые для проведенія въ жизнь подобной всесторонней реорганизаціи тюремнаго дѣла, найдутся въ достаточномъ количествѣ; въ то время, какъ при старыхъ порядкахъ трудно было найти честнаго тюремщика, новая система безъ сомнѣнія вызоветъ къ дѣятельности новыхъ честныхъ работниковъ на этомъ поприщѣ.

Я долженъ признаться, что въ то время я все еще вѣрилъ въ возможность превращенія тюремъ въ исправительныя заведенія и думалъ, что лишеніе свободы совмѣстимо съ нравственнымъ возрожденіемъ: оттого я такъ горячо излагалъ всѣ эти заключенія... Но вѣдь мнѣ тогда было всего двадцать лѣтъ! Вся эта работа заняла мѣсяцевъ восемь или девять, а реакція въ это время въ Россіи все усиливалась. Польское возстаніе явилось подходящимъ предлогомъ, чтобы реакціонеры сбросили маски и начали открытую агитацію, взывая о возвращеніи къ старому порядку, къ идеаламъ крѣпостничества. Благія намѣренія 1859 — 62 годовъ были забыты при дворѣ; возлѣ Александра II очутились новые дѣятели, которые умѣли чрезвычайно искусно запугивать его и пользоваться его слабохарактерностью. Министры разослали новые циркуляры, на этотъ разъ лишенные стилистическихъ красотъ, замѣненныхъ обычной, казенной фразеологіей; въ этихъ циркулярахъ не было и помину о реформахъ, а вмѣсто нихъ указывалось на необходимость сильной власти и дисциплины.

Въ одинъ прекрасный день губернаторъ Забайкальской области получилъ приказаніе сдать свою должность и возвратиться въ Иркутскъ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Оказалось, что на него былъ поданъ доносъ: его обвиняли въ томъ, что онъ черезчуръ хорошо обошелся съ ссыльнымъ Михайловымъ, что онъ позволилъ ему жить на частномъ рудникѣ Нерчинскаго Округа, арендованномъ его братомъ; наконецъ, что онъ выказывалъ симпатію къ полякамъ. Съ прибытіемъ въ Забайкалье новаго губернатора, намъ пришлось передѣлывать нашъ отчетъ о тюрьмахъ заново, такъ какъ губернаторъ отказывался подписать его. Мы изо всѣхъ силъ боролись, чтобы отстоять главные выводы отчета

и, пожертвовавъ формой, такъ энергично отстаивали сущность, что губернаторъ въ концѣ концовъ далъ свою подпись и отчетъ былъ отправленъ въ Петербургъ.

Какова была его судьба? Вѣроятно, онъ до сихъ поръ мирно покоится на полкахъ министерскихъ архивовъ. Въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ вопросъ о реформѣ тюремъ былъ совершенно забытъ. Затѣмъ, въ 1872 году, 1877—78 гг., и позже, были организуемы спеціальныя комиссіи для разработки этого вопроса. Всѣ эти комиссіи снова и снова критиковали устарѣвшіе порядки, всѣ онѣ создавали новыя системы, — но старый порядокъ остался несокрушеннымъ доселѣ. Болѣе того, всѣ попытки реформъ фатально заканчивались возвращеніемъ къ старому типу русскаго „острога".

Правда, за это время въ Россіи было построено нѣсколько центральныхъ тюремъ, въ которыхъ содержатся каторжане въ теченіи 4—6 лѣтъ, впредь до высылки въ Сибирь. Съ какой цѣлью введена была эта мѣра? Можетъ быть, съ цѣлью „сократить" число каторжанъ путемъ вымиранія, такъ какъ смертность въ центральныхъ тюрьмахъ достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. За послѣдніе годы выстроено семь такихъ тюремъ *): въ Вильнѣ, Симбирскѣ, Псковѣ, Тобольскѣ, Перми и двѣ въ Харьковской губерніи. Но, судя по оффиціальнымъ отчетамъ, онѣ въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ тюремъ стараго типа: „та же грязь, та же праздность арестантовъ, то же презрѣніе къ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены",—такъ характеризуетъ центральныя тюрьмы полуоффиціальный отчетъ. Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ въ 1880 г. находилось въ заключеніи 2,464 ч., т.-е. больше, чѣмъ тюрьмы могли вмѣщать, хотя въ то же время количество каторжанъ - централистовъ было незначительно, по сравненію съ общимъ числомъ каторжанъ, ежегодно ссылаемыхъ въ Сибирь. Такимъ образомъ, ко всѣмъ бѣдствіямъ, претерпѣваемымъ каторжанами, было безцѣльно прибавлено новое — суровое заключеніе въ центральныхъ тюрьмахъ; таковъ резуль-

*) Писано въ 1886 году

татъ „реформы“, поглотившей нѣсколько милліоновъ народныхъ денегъ.

Ссылка, въ общемъ, осталась такой же, какой я зналъ ее въ 1862 г., за исключеніемъ, пожалуй, одного важнаго нововведенія въ методѣ транспортировки арестантовъ. Оказалось, что вмѣсто того, чтобы посылать „пѣшимъ этапомъ“, казнѣ обойдется дешевле — перевозить ежегодно около 20,000 человѣкъ (почти двѣ трети изъ нихъ ссылаемыхъ безъ суда) отъ Перми до Тюмени, т.-е. отъ Камы до бассейна Оби, на лошадяхъ, а оттуда на баржахъ, буксируемыхъ пароходами. Одно время добываніе серебра въ Нерчинскихъ рудникахъ было почти прекращено, вслѣдствіе чего прекратилась и ссылка каторжныхъ въ эти чрезвычайно нездоровые рудники, пользующіеся (напр. Акатуй) наихудшей репутаціей. Но, по слухамъ, собираются опять начать ихъ разработку, а пока что, — создали новый адъ, хуже Акатуя: каторжанъ теперь ссылаютъ на вѣрную смерть на Сахалинъ.

Въ заключеніе, я долженъ упомянуть о новыхъ этапахъ, построенныхъ на протяженіи 3000 верстъ, между Томскомъ и Стрѣтенскомъ (на рѣкѣ Шилкѣ); передвиженіе арестантскихъ партій по этому пути до сихъ поръ производится пѣшкомъ *). Старые этапы обратились въ руины; оказалось невозможнымъ подновить эти кучи гнилыхъ бревенъ и пришлось строить новыя зданія. Они обширнѣе старыхъ, но и арестантскія партіи, въ свою очередь, стали болѣе многолюдными и вслѣдствіе этого на новыхъ этапахъ господствуетъ та же скученность и та же грязь, какъ и въ старыя времена.

На какія дальнѣйшія „улучшенія“ можно указать за эти двадцать пять лѣтъ? Я почти забылъ упомянуть о петербургскомъ „Домѣ предварительнаго заключенія“, которымъ обыкновенно хвалятся предъ иностранцами. Въ немъ имѣется 317 одиночекъ и нѣсколько камеръ большихъ размѣровъ, такъ что, въ общемъ, въ немъ можетъ быть помѣщено 600 мужчинъ и 100 женщинъ,

*) Писано въ 1886 году. Какъ извѣстно, теперь ссылка въ Сибирь прекращена.

содержимыхъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда. Вотъ, кажется, и всѣ „улучшенія“. При въѣздѣ въ любой русскій городъ вы увидите грязный, старый, мрачный „острогъ“; ничто не измѣнилось въ бытѣ этихъ остроговъ за послѣдніе 25 лѣтъ. Кое-гдѣ построены новыя тюрьмы, кое-гдѣ поправлены старыя; но тюремная система и обращеніе съ арестантами остались тѣ же: въ новыхъ зданіяхъ прочно засѣлъ духъ стараго режима, и ждать дѣйствительнаго обновленія въ тюремномъ мірѣ можно будетъ лишь тогда, когда обновится весь строй русской жизни. Въ настоящее же время всякаго рода „реформы“ нерѣдко ведутъ къ ухудшенію положенія.

Каковы ни были недостатки тюремъ въ прежнее время, все же въ 1862 г. надъ всей страной пронеслось дуновеніе широкаго гуманизма, проникавшее самыми разнообразными путями даже въ нѣдра русскихъ тюремъ. А теперь... „держите *ихъ* въ ежевыхъ рукавицахъ“, — эхомъ проносится по русскимъ тюрьмамъ.

ГЛАВА II.

Русскія тюрьмы.

Общественное мнѣніе наиболѣе просвѣщенныхъ людей Европы давно пришло къ тому заключенію, что наши карательныя учрежденія далеки отъ совершенства и, въ сущности, являются живыми противорѣчіями современнымъ теоріямъ о разумномъ способѣ обращенія съ заключенными. Нельзя больше ссылаться на старый принципъ lex talionis — права общественной мести преступнику. Мы понимаемъ теперь, что и преступники и герои—

въ равной степени являются продуктами самого общества; мы, въ общемъ, признаемъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, что, лишая преступника свободы, мы взамѣнъ должны озаботиться объ его исправленіи. Таковъ—идеалъ, но дѣйствительность является горькой насмѣшкой надъ этимъ идеаломъ. Убійцу мы, безъ дальнѣйшихъ размышленій, отдаемъ въ руки палача; человѣкъ, попавшій въ тюрьму, вмѣсто нравственнаго исправленія—выноситъ изъ нея усиленную ненависть къ обществу. Унизительныя формы подневольнаго тюремнаго труда—внушаютъ ему отвращеніе къ работѣ вообще. Испытавъ всякаго рода униженія со стороны болѣе счастливыхъ членовъ общества, умѣющихъ грѣшить не преступая законовъ, или людей, которыхъ условія жизни оградили отъ искушеній, ведущихъ къ преступленію,—преступникъ научается глубоко ненавидѣть этихъ благополучныхъ людей, унижавшихъ его, и проявляетъ свою ненависть въ формѣ новыхъ и новыхъ преступленій.

Если карательныя учрежденія Западной Европы оказались не въ силахъ—хотя бы до извѣстной степени—приблизиться къ тѣмъ идеаламъ, осуществленіе которыхъ являлось единственнымъ оправданіемъ ихъ существованія,—что же остается сказать о карательныхъ учрежденіяхъ Россіи? Невѣроятная продолжительность подслѣдственнаго, предварительнаго заключенія; отвратительная обстановка тюремъ; скучиваніе сотенъ арестантовъ въ крохотныхъ, грязныхъ камерахъ; вопіющая безнравственность тюремныхъ надзирателей, практически всемогущихъ, вся дѣятельность которыхъ сводится къ застращиванію, угнетенію и выжиманію изъ арестантовъ тѣхъ несчастныхъ грошей, которые имъ удѣляетъ казна; вынужденная отсутствіемъ работы лѣнь; совершенное невниманіе къ нравственнымъ нуждамъ арестантовъ; циническое презрѣніе къ человѣческому достоинству и развращеніе арестантовъ,—таковы характерныя черты тюремной жизни въ Россіи. Причина этихъ явленій лежитъ, конечно, не въ томъ, чтобы принципы русскихъ карательныхъ учрежденій были менѣе возвышенны, чѣмъ тѣ же начала въ Западной Европѣ. Наоборотъ, я склоненъ думать, что духъ этихъ учрежденій въ Россіи гу-

маннѣе. Несомнѣнно, что для арестанта менѣе унизительно заниматься полезнымъ трудомъ въ Сибири,чѣмъ проводить жизнь, щипая смоленый канатъ, или лазя какъ бѣлка, по вертящемуся колесу *); а если уже выбирать изъ двухъ золъ, то русская система, не допускающая смертной казни, предпочтительнѣе западноевропейской. Къ несчастью, въ бюрократической Россіи самые гуманные принципы дѣлаются неузнаваемыми, когда ихъ начинаютъ примѣнять къ дѣлу. Поэтому, разсматривая русскую тюрьму и ссылку такими, какими онѣ стали, вопреки духу закона, мы должны признать, вмѣстѣ со всѣми изслѣдованіями, дѣйствительно изучавшими русскія тюрьмы, что онѣ являются оскорбленіемъ человѣчества.

Однимъ изъ лучшихъ результатовъ либеральнаго движенія 1859—62 гг. была судебная реформа. Старые суды съ ихъ бумажной волокитой, колоссальнымъ взяточничествомъ и продажностью, отошли въ область преданія. Судъ съ присяжными, уже существовавшій въ древней Руси, но задавленный московскими царями, былъ введенъ снова. „Положеніемъ“ объ освобожденіи крестьянъ были введены волостные суды для разбора мелкихъ крестьянскихъ тяжбъ. Новый судебный уставъ, обнародованный въ 1864 году, вводилъ мировыхъ судей, въ Россіи избираемыхъ населеніемъ, а въ Польшѣ и Литвѣ назначаемыхъ короной.

Всѣ обвиненія, влекущія за собою лишеніе гражданскихъ правъ, были переданы въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ и съ разбирательствомъ при открытыхъ дверяхъ. Рѣшенія этихъ судовъ могли быть обжалованы въ апелляціонные суды, а вердикты присяжныхъ—въ суды кассаціонные. Предварительное слѣдствіе, однако, сохранило прежній, тайный характеръ; т.-е., въ противуположность англійской системѣ и въ согласіи съ французской, адвокатъ не допускается къ подсудимому во время предварительнаго слѣдствія и допроса; но въ то же время была гаран-

*) Колесо только недавно уничтожено въ Англіи; щипанье смоленаго каната осталось.

тирована независимость судебныхъ слѣдователей (вполнѣ уничтоженная позднѣйшими законами). Таковы въ немногихъ словахъ были главныя черты реформированнаго суда, согласно Судебнымъ Уставамъ 1864 года. Относительно общаго духа этого закона по справедливости можно сказать, что—за исключеніемъ процедуры предварительнаго слѣдствія—онъ вполнѣ совпадалъ съ наиболѣе либеральными идеями, бывшими тогда въ ходу въ юридическомъ мірѣ Европы.

Почти одновременно съ обнародованіемъ новаго судебнаго устава, были отмѣнены (указомъ 17 апрѣля 1863 г.) наиболѣе позорные пережитки стараго уголовнаго судопроизводства—публичное наказаніе кнутомъ и клейменіе преступниковъ. Эта отмѣна въ значительной степени была вызвана общественнымъ мнѣніемъ страны, возмущенной позорнымъ наслѣдіемъ варварской старины; это возмущеніе было настолько значительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губернаторы отказывались утверждать приговоры къ наказанію кнутомъ; а нѣкоторые губернаторы (Кукель былъ въ ихъ числѣ) предупреждали палача, что, если онъ не ограничится лишь воображаемымъ наказаніемъ, едва касаясь тѣла преступника кнутомъ (эта доходная отрасль искусства была хорошо знакома палачамъ), то онъ самъ жестоко за это поплатится. Тѣлесное наказаніе, такимъ образомъ, было отмѣнено, хотя, къ сожалѣнію, и не вполнѣ: за волостными судами все-таки было оставлено право наказанія розгами, и розга была оставлена также въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, и, вмѣстѣ съ плетью,—въ каторжныхъ тюрьмахъ. Женщины могли быть подвергаемы тѣлесному наказанію лишь въ томъ случаѣ, если онѣ предварительно были лишены всѣхъ правъ состоянія.

Но, подобно другимъ реформамъ этого періода, обѣ законодательныя реформы, о которыхъ мы говорили выше, были въ значительной степени парализованы измѣненіями, внесенными въ нихъ позднѣе, а также ихъ незаконченностью. Уложеніе о наказаніяхъ, совершенно не соотвѣтствовавшее новому духу, осталось старое. Двадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ былъ обѣщанъ пересмотръ этого Уложенія; комиссіи засѣдали одна за

другой; еще недавно въ газетахъ появилось извѣстіе, что назначенъ окончательный срокъ для пересмотра устарѣвшихъ уголовныхъ законовъ, и что варварскія узаконенія 1845 года будутъ отмѣнены. Но, пока что, уставъ, вышедшій изъ нѣдръ комиссій Николая I, все еще остается въ силѣ, и, въ исправленномъ изданіи 1857 года все еще красуется § 799, согласно которому арестанты могутъ быть наказываемы плетью въ размѣрѣ отъ 5 до 6000 ударовъ и приковываемы къ тачкамъ на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ *).

Еще печальнѣе была судьба судебной реформы: она не успѣла войти въ силу, какъ была уже задушена министерскими циркулярами. Прежде всего, она не была введена на всемъ пространствѣ имперіи и въ 38 губерніяхъ оставлена была старая система судопроизводства, благодаря чему въ нихъ продолжало господствовать старое взяточничество. До 1885 г. старая система была удержана во всей Сибири и когда, наконецъ, уставъ 1864 г. былъ введенъ въ трехъ сибирскихъ губерніяхъ, онъ былъ до того искаженъ, что потерялъ свои лучшія черты. Судъ присяжныхъ все еще остается лишь въ области мечты за Ураломъ. Литовскія губерніи, Польша, Балтійскія провинціи, а равнымъ образомъ нѣкоторыя юго-восточныя и сѣверныя губерніи (включая архангельскую) все еще остаются при старомъ судопроизводствѣ; въ Виленской и Минской губерніяхъ новый уставъ изуродованъ реакціонными тенденціями теперешняго правительства **).

Въ тѣхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ былъ введенъ уставъ 1864 г., реакціонерами были употреблены всѣ средства, чтобы, не отмѣняя устава фактически, всячески затормозить его вліяніе. Судебнымъ слѣдователямъ вовсе не было дано возможности воспользоваться независимостью, гарантированной новымъ уставомъ; это было достигнуто очень простымъ путемъ: судебные слѣдователи назначались лишь въ качествѣ „исправляющихъ должность“;

*) Старое Уложеніе о наказаніяхъ продержалось вплоть до самаго послѣдняго времени.

**) Только недавно, въ 1896 году, Судебные Уставы были распространены на Сибирь.

такимъ образомъ министерство юстиціи могло перемѣщать и увольнять ихъ, какъ ему заблагоразсудилось. Члены Окружныхъ Судовъ были поставлены все въ большую и большую зависимость отъ министра юстиціи, которымъ они назначались и по волѣ котораго они могли быть перемѣщаемы изъ одной губерніи въ другую, т.-е., напр. изъ Петербурга въ... Астрахань. Свобода защиты отошла въ область преданія и немногіе адвокаты, пытавшіеся проявить хотя бы нѣкоторую независимость въ своихъ рѣчахъ во время защиты политическихъ преступниковъ, безъ церемоній были отправляемы въ ссылку по распоряженію III-го отдѣленія. Вполнѣ независимые присяжные, разумѣется, немыслимы въ странѣ, гдѣ крестьянинъ - присяжный прекрасно знаетъ, что любой полицейскій можетъ избить его у самыхъ дверей суда. Да и самые вердикты присяжныхъ не принимаются во вниманіе, если они почему-либо не нравятся губернатору: несмотря на оправдательный вердиктъ, оправданные могутъ быть арестованы вновь, при выходѣ изъ суда, и посажены въ тюрьму по административному распоряженію. Достаточно указать хотя бы на дѣло крестьянина Борунова. Онъ явился въ Петербургъ въ качествѣ ходока отъ своей волости, съ цѣлью пожаловаться царю на несправедливость чиновниковъ и попалъ подъ судъ въ качествѣ „бунтовщика“. Судъ оправдалъ его и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ снова арестованъ на подъѣздѣ суда и высланъ въ Колу. Подобный же характеръ носитъ ссылка раскольника Тетенова и массы другихъ. Вѣрѣ Засуличъ, оправданной присяжными, грозилъ новый арестъ при выходѣ изъ зданія суда и, несомнѣнно, она была бы арестована, если бы ея товарищи не успѣли увезти ее, причемъ одинъ изъ ея освободителей былъ убитъ въ происшедшей при этомъ схваткѣ съ полиціей.

Третье отдѣленіе, придворная знать и губернаторы смотрѣли на новые суды, какъ на своего роду язву и относились къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ. Масса дѣлъ разсматривается въ административномъ порядкѣ при закрытыхъ дверяхъ, ибо судебные слѣдователи, судьи и присяжные, очевидно, являлись бы лишь „помѣхой“

административному правосудію. Предварительное слѣдствіе во всѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ подозрѣвается „политическій элементъ“, производится жандармскими офицерами, иногда въ присутствіи прокурора, сопровождающаго жандармовъ при обыскахъ и допросахъ. Этотъ прокуроръ, присоединенный къ жандармамъ въ голубыхъ мундирахъ, внутренно презираемый своими сотоварищами, выполняетъ своеобразную миссію: подъ видомъ охраненія закона, онъ помогаетъ беззаконію тайной полиціи. Придаетъ ея дѣйствіямъ якобы законный характеръ. Приговоръ по политическимъ дѣламъ и размѣръ наказанія зависитъ цѣликомъ отъ администраціи или отъ Департамента Государственной Полиціи (видоизмѣненное наименованіе бывшаго III отдѣленія); такимъ образомъ тяжелыя наказанія — вродѣ ссылки въ полярныя области Сибири, иногда на всю жизнь, налагаются лишь на основаніи донесеній жандармовъ. Вообще русское правительство прибѣгаетъ къ административной ссылкѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ ни малѣйшей возможности достигнуть осужденія обвиненнаго, даже при помощи давленія на судѣ. „Вы ссылаетесь административнымъ порядкомъ въ Сибирь, *потому что* васъ невозможно предать суду, въ виду полнаго отсутствія доказательствъ преступленія“,—въ такой циничеcкой формѣ объявляется арестованному о его участи. „Вы должны радоваться, что отдѣлались такъ дешево“— прибавляютъ чиновники. И людей ссылаютъ на пять, десять, пятнадцать лѣтъ въ какой-нибудь городишко въ 500 жителей, гдѣ-нибудь возлѣ полярнаго круга. Такимъ образомъ расправляются не только съ „политическими“, съ членами тайныхъ обществъ, но и съ религіозными сектантами и вообще, съ людьми, имѣющими смѣлость выказать неодобреніе дѣйствіямъ правительства, писателями, которыхъ произведенія считаютъ „опасными“, со всѣми „политически-неблагонадежными“; съ рабочими, проявившими черезчуръ большую дѣятельность во время стачекъ; со всѣми, оскорбившими словесно „священную особу Его Величества, Государя Императора (а такихъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ 1881 года насчитывалось 2500 человѣкъ)... Вообще, къ

административной ссылкѣ правительство прибѣгаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, выражаясь казеннымъ слогомъ, при судебной процедурѣ можно было бы ожидать „возбужденія общественнаго мнѣнія".

Что же касается процессовъ политическаго характера, то лишь революціонныя общества ранняго періода подпали подъ законъ 1864 года. Позднѣе, когда правительство убѣдилось, что судьи вовсе не расположены приговаривать къ каторжнымъ работамъ людей, подозрѣваемыхъ лишь въ знакомствѣ съ революціонерами, политическіе процессы были переданы въ вѣдѣніе особыхъ судовъ, судьи которыхъ назначались правительствомъ спеціально для этой цѣли. Исключеніемъ изъ этого правила былъ процессъ Вѣры Засуличъ. Какъ извѣстно, она была судима судомъ присяжныхъ и оправдана. Но, по словамъ профессора Градовскаго въ „Голосѣ" (позднѣе закрытомъ), „всѣмъ въ Петербургѣ было извѣстно, что дѣло Засуличъ попало на судъ присяжныхъ лишь благодаря ссорѣ между градоначальникомъ съ одной стороны, и третьимъ отдѣленіемъ и министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ—съ другой; лишь эти jalousies de métier, столь характерныя для настоящаго положенія, даютъ намъ возможность хоть изрѣдка вздохнуть". Говоря проще, придворная камарилья поссорилась между собой; нѣкоторые изъ ея членовъ рѣшили, что наступилъ удобный моментъ для дискредитированія Трепова, который тогда пользовался громаднымъ вліяніемъ у Александра II, и министру юстиціи удалось получить дозволеніе императора передать дѣло Засуличъ суду присяжныхъ. Онъ, конечно, никакъ не расчитывалъ на ея оправданіе, но онъ зналъ, что публичность суда сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Трепова на посту петербургскаго градоначальника.

Опять-таки, вѣроятно, благодаря jalousie de métier, получило огласку путемъ суда скандальное дѣло тайнаго совѣтника Токарева, генералъ-лейтенанта Лошкарева и ихъ сообщниковъ: завѣдывающаго государственными имуществами въ Минской губерніи, Севастьянова, и исправника Капгера. Эти господа (Токаревъ былъ минскимъ губернаторомъ, а Лошкаревъ—чиновникомъ ми-

нистерства внутреннихъ дѣлъ „по крестьянскимъ дѣламъ“) просто-на-просто украли 2000 десятинъ земли, принадлежавшей крестьянамъ Логишина, небольшого села Минской губерніи, купивъ эту землю отъ казны за номинальную сумму 14.000 руб., съ разсрочкой платежа на 20 лѣтъ, по 700 р. въ годъ. Ограбленные крестьяне пожаловались въ сенатъ и послѣдній, признавъ за ними права на землю, издалъ указъ о возвращеніи захваченнаго участка; но сенатскій указъ „затерялся“... а управляющій государственными имуществами сдѣлалъ видъ, что ему ничего неизвѣстно о распоряженіи сената. Между тѣмъ, губернаторъ уже началъ взыскивать съ Логишинскихъ крестьянъ 5474 арендной платы за годъ; (самъ уплачивалъ лишь 700 рублей за эту землю). Крестьяне отказались платить и отправили въ Петербургъ „ходоковъ“, но ихъ жалобы въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ Лошкаревъ былъ „персоной“, повели лишь къ высылкѣ ихъ изъ столицы, какъ „бунтовщиковъ“. Несмотря на это, крестьяне все-таки отказывались платить и тогда губернаторъ Токаревъ потребовалъ войска, чтобы, съ ихъ помощью, выжать деньги изъ крестьянъ. Другъ Токарева, генералъ Лошкаревъ, былъ немедленно, по распоряженію министра, посланъ во главѣ военнаго отряда, съ цѣлью — „возстановить порядокъ“ въ Логишинѣ. При содѣйствіи баталліона пѣхоты и 200 казаковъ, онъ сѣкъ всѣхъ жителей села, пока они не заплатили „арендную плату“, и вслѣдъ затѣмъ торжественно донесъ въ Петербургъ, что онъ „усмирилъ волненіе въ одной изъ губерній Сѣверо-Западнаго Края“. Болѣе того, онъ ухитрился за эту „военную экспедицію“ выхлопотать орденъ св. Владиміра своимъ друзьямъ, Токареву и исправнику Капгеру.

Это возмутительное дѣло, получившее широкую огласку по всей Россіи, никогда не увидѣло бы суда, если бы не интриги въ Зимнемъ Дворцѣ. Когда Александръ III, по вступленіи на престолъ, окружилъ себя новыми людьми, новые царедворцы, очутившіеся у власти, сочли необходимымъ однимъ ударомъ покончить съ партіей Потапова, которая тогда старалась опять войти въ милость царя. Надо было дискредитировать

эту партію, и дѣло Лошкарева, мирно покоившееся въ теченіи пяти лѣтъ въ архивахъ, было отдано въ ноябрѣ 1881 года на разсмотрѣніе Сената. Ему нарочно придали возможно широкую огласку, и въ теченіе нѣсколькихъ дней петербургскія газеты были переполнены описаніями того, какъ чиновники грабили и обкрадывали крестьянъ, какъ засѣкали стариковъ-крестьянъ до смерти, какъ казаки, при помощи нагаекъ, вымогали деньги съ Логишинскихъ крестьянъ, землю которыхъ заграбилъ губернаторъ. Но, на одного Токарева, осужденнаго Сенатомъ, сколько найдется такихъ же Токаревыхъ, мирно пожинающихъ плоды своего грабительства и въ западныхъ и въ восточныхъ губерніяхъ, и въ сѣверныхъ и въ южныхъ губерніяхъ, въ увѣренности, что ихъ дѣянія никогда не предстанутъ предъ судомъ, или же, что всякое дѣло, поднятое противъ нихъ, будетъ замолчано такимъ же манеромъ, какъ въ теченіи пяти лѣтъ замалчивалось дѣло Токарева, по приказанію министра юстиціи.

Политическія дѣла совершенно изъяты изъ вѣдѣнія обычныхъ судовъ. Нѣсколько спеціальныхъ судей, назначенныхъ для этой цѣли, прикомандированы къ сенату и они опредѣляютъ мѣры наказаній и политическимъ преступникамъ, если правительству не заблагоразсудится расправиться съ ними какимъ-либо другимъ, болѣе упрощеннымъ способомъ. Многія политическія дѣла разсматриваются военными судами; но, несмотря на то, что законъ требуетъ полной гласности въ военномъ судопроизводствѣ, разсмотрѣніе политическихъ процессовъ въ этихъ судахъ производится въ строжайшемъ секретѣ.

Само собой разумѣется, что полные достовѣрные отчеты о политическихъ процессахъ никогда не появлялись въ русской прессѣ. Раньше газеты должны были воспроизводить „проредактированные“ отчеты изъ „Правительственнаго Вѣстника“; но теперь правительство нашло, что даже такіе отчеты производятъ черезчуръ сильное впечатлѣніе на читателей, всегда вызывая симпатіи къ осужденнымъ; вслѣдствіе этого, даже такіе отчеты теперь больше не печатаются. Согласно закону,

опубликованному въ сентябрѣ, 1881 г., генералъ-губернаторы и губернаторы имѣютъ право требовать, „чтобы всѣ тѣ дѣла, которые могутъ повести къ возбужденію умовъ, выслушивались при закрытыхъ дверяхъ". Согласно тому же закону, присутствовать на такомъ процессѣ не могутъ даже чиновники министерства юстиціи и допускаются лишь „жена или мужъ обвиняемыхъ (часто также находящіеся подъ арестомъ), или отецъ, или мать, но никоимъ образомъ не болѣе одного родственника на каждаго обвиняемаго"; дѣлается это, очевидно, для того, чтобы рѣчи обвиняемыхъ или какіе-либо позорящіе правительство факты не проникли въ публику. Во время процесса „Двадцати одного", въ Петербургѣ, когда 10 человѣкъ было приговорено къ смерти, лишь матери одного подсудимаго, Суханова, было дано разрѣшеніе присутствовать на судѣ. Разбирательство многихъ дѣлъ совершалось такимъ образомъ, что никто даже не зналъ, гдѣ и когда происходилъ судъ. Такъ, напр., долго оставалась неизвѣстной судьба одного армейскаго офицера Богородскаго, (сына начальника Трубецкого бастіона въ Петропавловской крѣпости), присужденнаго къ каторжнымъ работамъ за сношенія съ революціонерами; о приговорѣ узнали лишь случайно изъ обвинительнаго акта, по другому, позднѣйшему политическому процессу. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" нерѣдко объявляется, что царь всемилостивѣйше смягчилъ приговоръ суда и замѣнилъ смертную казнь подсудимымъ революціонерамъ каторжной работой; но для публики остается неизвѣстнымъ, какъ самъ судебный процессъ, поведшій къ осужденію, такъ равно и характеръ преступленій, за которые подсудимые были осуждены. Болѣе того, даже послѣднее утѣшеніе осужденныхъ на смерть—публичность смертной казни — отнято у нихъ. Теперь вѣшаютъ секретно, въ четырехъ стѣнахъ крѣпости, безъ присутствія нежелательныхъ свидѣтелей. Нѣкоторымъ поясненіемъ этой боязни публичности казней со стороны правительства, можетъ быть, служитъ то обстоятельство, что объ Рысаковѣ разнесся слухъ, что, когда его поставили на эшафотъ, онъ показалъ толпѣ свои изуродованныя руки

и, заглушая бой барабановъ, крикнулъ, что его пытали послѣ суда. Его крикъ, говорятъ, былъ услышанъ группой либераловъ, которые, отрицая съ своей стороны какую-либо симпатію къ террористамъ, тѣмъ не менѣе сочли своей обязанностью опубликовать о случившемся въ нелегальной литературѣ и обратить вниманіе общества на этотъ гнусный возвратъ къ давно отжившей старинѣ. Теперь, благодаря отсутствію публичности казней, общество не будетъ знать о томъ, что совершается въ казематахъ Петропавловской крѣпости между судомъ и казнью.

Процессъ четырнадцати террористовъ, среди которыхъ были Вѣра Фигнеръ и Людмила Волькенштейнъ, закончившійся смертнымъ приговоромъ восьми подсудимымъ, былъ веденъ такъ секретно, что, по словамъ корреспондента одной англійской газеты, никто не зналъ о засѣданіяхъ суда, даже въ домахъ, ближайшихъ къ тому зданію, гдѣ происходилъ судъ. Въ качествѣ публики присутствовало всего девять лицъ, придворныхъ, желавшихъ убѣдиться въ справедливости слуховъ о рѣдкой красотѣ одной изъ героинь процесса; благодаря тому же англійскому корреспонденту, сдѣлалось извѣстнымъ, что двое подсудимыхъ, Штромбергъ и Рогачевъ, были преданы смертной казни въ обстановкѣ строжайшей тайны. Это извѣстіе было потомъ подтверждено оффиціально. Въ „Правит. Вѣстникѣ“ было объявлено, что изъ восьми присужденныхъ къ смертной казни шесть „помилованы“, а Штромбергъ и Рогачевъ повѣшены. Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какія дошли до публики объ этомъ процессѣ; никто даже не зналъ, гдѣ была совершена казнь. Что же касается „помилованныхъ“, которые должны были пойти на вѣчную каторжную работу, то они не были посланы на каторгу, а куда-то исчезли. Предполагаютъ, что они были заключены въ новую политическую тюрьму Шлиссельбургской крѣпости. Но какова ихъ дѣйствительная судьба — остается тайной. Ходили слухи, что нѣкоторые изъ Шлиссельбургскихъ узниковъ были разстрѣляны за предполагаемое или дѣйствительное „нарушеніе тюремной дисциплины“. Но какова судьба остальныхъ? Никто не знаетъ. Не знаютъ

даже ихъ матери, тщетно старающіяся провѣдать что-либо о своихъ сыновьяхъ и дочеряхъ*)...

Если подобныя судебныя звѣрства совершаются подъ покровомъ „реформированныхъ Судебныхъ Уставовъ“, то чего же можно ожидать отъ „нереформированныхъ“ тюремъ?

Въ 1861 году всѣмъ губернаторамъ было приказано произвести генеральную ревизію тюремъ. Ревизія была выполнена добросовѣстно и ея результатомъ былъ выводъ,—въ сущности, давно извѣстный, — а именно, что тюрьмы, какъ въ самой Россіи, такъ и въ Сибири, находятся въ отвратительномъ состояніи. Количество заключенныхъ въ каждой изъ нихъ нерѣдко было вдвое и даже втрое болѣе того числа, которое тюрьма по закону могла вмѣщать. Зданія тюремъ такъ обветшали и находились въ такомъ разрушеніи, не говоря уже о невообразимой грязи, что поправить эти зданія было невозможно, надо было перестраивать ихъ заново.

Таковы были тюрьмы, такъ сказать, снаружи, — порядки же внутри ихъ были еще печальнѣе. Тюремная система прогнила насквозь и тюремныя власти требовали, пожалуй, болѣе суровой реформы, чѣмъ сами тюремныя зданія. Въ Забайкальской области, гдѣ тогда скоплялись почти всѣ каторжане, ревизіонный комитетъ нашелъ, что значительное количество тюремныхъ зданій обратилось въ руины и что вся система ссылки требуетъ коренныхъ реформъ. Вообще, на всемъ пространствѣ Россіи, комитеты пришли къ заключенію, что и теорія и практика тюремной системы нуждаются въ полномъ пересмотрѣ и реорганизаціи, что мало ограничиться перестройкой тюремъ, но необходимо заново перестроить и самую тюремную систему и обновить всю тюремную администрацію, отъ высшей до низшей. Пра-

*) Теперь извѣстно, что они были въ Шлиссельбургѣ, гдѣ и пробыли двадцать пять лѣтъ (см. мемуары въ журналѣ «*Былое*»). Но я оставляю эти строки безъ измѣненія, такъ какъ онѣ показываютъ, въ какомъ невѣдѣніи было тогда русское общество.

вительство предпочло, однако, остаться при старыхъ порядкахъ. Оно построило нѣсколько новыхъ тюремъ, которыя вскорѣ опять не могли помѣщать ежегодно возрастающее число заключенныхъ; каторжанъ начали отдавать на частныя работы или нанимать золотопромышленникамъ въ Сибири; устроена была новая ссыльная колонія на Сахалинѣ, съ цѣлью колонизаціи острова, на которомъ никто не хотѣлъ селиться по своей охотѣ; организовано было Главное Тюремное Управленіе,— вотъ, кажется, и все. Старый порядокъ остался въ силѣ, старые грѣхи—неисправленными. Съ каждымъ годомъ тюрьмы ветшаютъ все болѣе и болѣе, тюремный штатъ, набираемый изъ пьяныхъ солдафоновъ, остается все тѣмъ же по характеру. Каждый годъ министерство юстиціи требуетъ денегъ на починку тюремъ и правительство неизмѣнно сокращаетъ эту смѣту необходимыхъ расходовъ на половину и даже болѣе; когда, напр., за періодъ съ 1875 по 1881 гг. министерство требовало свыше 6.000.000 рублей на самыя необходимыя починки, правительство разрѣшило израсходовать лишь 2.500.000 р. Вслѣдствіе этого, тюрьмы превращаются въ постоянные центры заразныхъ болѣзней и ветшаютъ настолько, что, судя по недавнимъ отчетамъ Тюремнаго Комитета, по меньшей мѣрѣ 2/3 изъ ихъ общаго числа требуютъ капитальной перестройки. Въ дѣйствительности, если бы всѣхъ арестантовъ размѣстили, согласно требованіямъ тюремныхъ правилъ, то Россіи пришлось бы построить еще столько же тюремъ, сколько ихъ теперь имѣется въ наличности. Къ 1 января 1884 года въ Россіи было 73.796 арестантовъ, между тѣмъ какъ помѣщеній (въ Европейской Россіи) было лишь на 54.253 чел. Въ нѣкоторыя тюрьмы, построенныя на 200 — 250 человѣкъ, втискиваютъ по 700—800 душъ. Въ этапныхъ тюрьмахъ, по пути въ Сибирь, въ которыхъ арестантскія партіи задерживаются на продолжительные сроки, благодаря разливамъ, переполненіе доходитъ до еще болѣе ужасающихъ размѣровъ. Главное Тюремное Управленіе, впрочемъ, не скрываетъ истины. Въ отчетѣ за 1882 г., выдержки изъ котораго были сдѣланы въ русскихъ подцензурныхъ изданіяхъ, указано, что, несмотря на то,

что во всѣхъ тюрьмахъ имперіи имѣется мѣсто лишь на 76.000 человѣкъ, въ нихъ помѣщалось къ 1 января 1882 г.—95.000 чел. Въ Петроковской тюрьмѣ, по словамъ отчета, на пространствѣ, гдѣ долженъ помѣщаться *одинъ* арестантъ, помѣщалось *пять*. Въ двухъ польскихъ губерніяхъ и семи русскихъ количество арестантовъ было вдвое болѣе того, сколько позволяло кубическое измѣреніе пространства, сдѣланное по минимальному расчету на душу, а въ 11 губерніяхъ тоже переполненіе выражалось пропорціей 3 на 2 *). Вслѣдствіе этого тифозная эпидемія была постоянной гостьей въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ **).

Чтобы дать понятіе о переполненіи русскихъ тюремъ, лучше всего будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ разсказа г-жи К. (урожденной Кутузовой), которой пришлось на себѣ испытать прелести русскаго тюремнаго режима и которая разсказала о нихъ въ русскомъ журналѣ „Общее Дѣло“, издававшемся въ Женевѣ. Вина г-жи К. заключалась въ томъ, что она открыла школу для крестьянскихъ дѣтей, не испросивъ предварительно разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія. Въ виду того, что преступленіе ея не было уголовнаго характера и, кромѣ того, она была замужемъ за иностранцемъ, генералъ Гурко ограничился высылкой ея заграницу. Ниже я привожу ея описаніе путешествія отъ Петербурга до прусской границы; комментаріи къ ея словамъ излишни и я могу лишь подтвердить, въ свою очередь, что описаніе это, включая мельчайшія детали, вполнѣ согласно съ истиной.

„Я была“, — говоритъ г-жа К. — выслана въ Вильно совмѣстно съ 50 другими арестантами, мужчинами и женщинами. Съ желѣзнодорожной станціи насъ препроводили въ тюрьму и держали въ продолженіи двухъ часовъ, поздней ночью, на тюремномъ дворѣ подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ, насъ загнали въ темный

*) Годовой отчетъ Главнаго Тюремнаго Департамента за 1882 г., см. «Вѣстникъ Европы», 1883, т. I.

**) В. Никитинъ. «Тюрьма и ссылка». Спб. 1880; «Наши карательныя учрежденія», «Русскій Вѣстникъ», 1881; Отчетъ Медицинскаго Департамента Мин. Внутр. Дѣлъ за 1883 г.

корридоръ и пересчитали. Два солдата схватили меня и начали обращаться со мной самымъ безстыднымъ образомъ; я, впрочемъ, была не единственной въ этомъ отношеніи, такъ какъ кругомъ, въ темнотѣ, слышались крики женщинъ. Послѣ многихъ проклятій и безобразной ругани былъ зажженъ огонь и я очутилась въ довольно обширной камерѣ, въ которой нельзя было сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на женщинъ, спавшихъ на полу. Двое женщинъ, занимавшихъ одну кровать, сжалились надо мной и пригласили прилечь къ нимъ... Проснувшись слѣдующимъ утромъ, я все еще не могла опомниться отъ сценъ, пережитыхъ наканунѣ; но арестантки,—убійцы и воровки — выказали такую доброту ко мнѣ, что я понемногу оправилась. На слѣдующій вечеръ насъ выгнали на повѣрку изъ тюрьмы и заставили строиться къ отправкѣ подъ проливнымъ дождемъ. Я не знаю, какъ мнѣ удалось избѣжать кулаковъ тюремныхъ надзирателей, такъ какъ арестанты плохо понимали, въ какомъ порядкѣ они должны выстроиться и эти эволюціи продѣлывались подъ градомъ кулаковъ и ругательствъ; на тѣхъ, которые заявляли, что ихъ не смѣютъ бить, надѣвались наручни, и ихъ въ такомъ видѣ посылали на станцію, — вопреки закону, согласно которому арестанты посылаются въ закрытыхъ тюремныхъ фурахъ безъ оковъ.

„По прибытіи въ Ковно, мы провели цѣлый день въ хожденіи изъ одного полицейскаго участка въ другой. Вечеромъ насъ отвели въ женскую тюрьму, гдѣ смотрительница ругалась съ старшимъ надзирателемъ, угрожая выбить ему зубы. Арестантки увѣряли меня, что она нерѣдко приводитъ въ исполненіе подобнаго рода угрозы... Здѣсь мнѣ пришлось провести цѣлую недѣлю среди воровокъ, убійцъ, и женщинъ, арестованныхъ „по ошибкѣ“. Несчастіе объединяетъ людей, поэтому каждая изъ насъ старалась облегчить жизнь другимъ; всѣ онѣ были очень добры ко мнѣ и всячески старались утѣшить меня. Наканунѣ я ничего не ѣла, такъ какъ арестанты въ день ихъ прибытія въ тюрьму не получаютъ пайка; я упала въ обморокъ отъ истощенія и арестантки накормили меня, выказавъ вообще не-

обыкновенную доброту ко мнѣ. Тюремная надзирательница своеобразно выполняла свои обязанности: она ругалась такъ безстыдно, употребляя такія выраженія, какія рѣдкій мужчина рѣшится произнести даже въ пьяномъ видѣ... Послѣ недѣльнаго пребыванія въ Ковно, я была выслана пѣшимъ этапомъ въ слѣдующій городъ. Послѣ трехъ дней пути мы пришли въ Маріамполь; ноги мои были изранены и чулки пропитались кровью. Солдаты совѣтовали попросить, чтобы мнѣ дали подводу, но я предпочла физическую боль выслушиванію ругани и грязныхъ намековъ со стороны конвойнаго начальства. Несмотря на мое нежеланіе, солдаты повели меня къ конвойному офицеру, который заявилъ, что если я могла идти въ теченіи 3-хъ дней, то смогу идти и еще одинъ день. На слѣдующій день мы прибыли въ Волковыскъ, откуда насъ должны были выслать на прусскую границу. Я и еще пять арестантокъ были временно помѣщены въ пересыльную тюрьму. Женское отдѣленіе было полуразрушено и насъ посадили въ мужское... Я не знала, что мнѣ дѣлать, такъ какъ негдѣ было даже присѣсть, развѣ что на поразительно грязномъ полу; но на немъ не было даже соломы и вонь, поднявшаяся съ пола, немедленно вызвала у меня рвоту... Отхожее мѣсто было нѣчто вродѣ обширнаго пруда, черезъ который была перекинута полусломанная лѣстница; она сломалась окончательно подъ тяжестью одного изъ арестантовъ, попавшаго такимъ образомъ въ смрадную грязь. Увидавъ это отхожее мѣсто, я поняла причину омерзительной вони въ пересыльной тюрьмѣ: прудъ подходилъ подъ зданіе и полъ его былъ пропитанъ и насыщенъ экскрементами.

„Здѣсь мнѣ пришлось прожить два дня и двѣ ночи, проведя все время у окна... Ночью внезапно открылась дверь и въ камеру были втолкнуты съ ужасными воплями пьяныя проститутки. Вслѣдъ за ними былъ введенъ помѣшанный, совершенно нагой. Арестанты обрадовались ему, какъ забавѣ, додразнили его до бѣшенства и онъ, наконецъ, упалъ на полъ въ судорогахъ съ пѣной у рта. На третій день, еврей-солдатъ, служившій при пересыльной тюрьмѣ, взялъ меня въ свою комнату,

крохотную камеру, гдѣ я и помѣстилась съ его женой... Многіе изъ арестантовъ разсказывали мнѣ, что они были арестованы „по ошибкѣ“, сидѣли по 7—8 мѣсяцевъ и не высылались заграницу вслѣдствіе будто бы неполученія какихъ-то документовъ. Можно себѣ представить ихъ положеніе, послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ этой омерзительной обстановкѣ, не имѣя даже возможности перемѣнить бѣлье. Они совѣтовали мнѣ дать взятку смотрителю и тогда меня немедленно доставятъ на прусскую границу. Но я была уже въ теченіи шести недѣль въ пути, денегъ у меня не было, а письма мои, очевидно, не доходили до моихъ родныхъ... Наконецъ, солдатъ позволилъ мнѣ отправиться въ сопровожденіи его жены на почту, и я послала заказное письмо въ Петербургъ“. У г-жи К. были вліятельные родные въ столицѣ и, спустя нѣсколько дней, была получена телеграмма отъ генералъ-губернатора о немедленной высылкѣ ея въ Пруссію. „Мои бумаги“,—говоритъ г-жа К.,—немедленно нашлись, я была выслана въ Эйдкуненъ и выпущена на свободу“.

Нужно сознаться, картина выходитъ ужасная, но въ ней нѣтъ и тѣни преувеличенія. Для любого русскаго, имѣвшаго „тюремный опытъ“, каждое слово вышеприведеннаго разсказа звучитъ правдой, каждая сцена кажется нормальной въ стѣнахъ русской тюрьмы... Ругань, грязь, звѣрство, побои, взяточничество, голодъ—все это можно наблюдать въ любой тюрьмѣ; отъ Ковно до Камчатки и отъ Архангельска до Эрзерума. Будь у меня больше мѣста, я могъ бы привести массу подобныхъ же разсказовъ.

Таковы тюрьмы Западной Россіи. Но онѣ не лучше на Востокѣ и на Югѣ. Корреспондентъ, которому пришлось пробыть въ Пермской тюрьмѣ, слѣдующимъ образомъ отзывается о ней въ газетѣ „Порядокъ“: „Тюремнымъ смотрителемъ здѣсь нѣкій Гавриловъ.. Постоянное битье „въ морду“, сѣченіе, заключеніе въ мерзлые темные карцеры и голоданіе арестантовъ—таковы характерныя черты этой тюрьмы. За каждую жалобу арестантамъ „задаютъ баню“ (т.-е. сѣкутъ) или запираютъ въ темный карцеръ... Смертность въ тюрьмѣ

ужасная". Во Владимірской тюрьмѣ была такая масса покушеній на побѣгъ, что нашли необходимымъ сдѣлать по этому поводу спеціальное разслѣдованіе. Арестанты заявили ревизору, что вслѣдствіе незначительности отпускаемыхъ на ихъ прокормленіе суммъ, они находятся въ состояніи хроническаго голоданія. Они многократно пробовали жаловаться „по начальству", но изъ этого ничего не выходило. Наконецъ, они рѣшили обратиться съ жалобой въ Московскій Окружной Судъ, но тюремный смотритель узналъ о затѣваемой жалобѣ, произвелъ обыскъ въ тюрьмѣ и отобралъ у арестантовъ прошеніе, которое они собирались послать. Легко можно себѣ вообразить, каковъ процентъ смертности въ подобныхъ тюрьмахъ; впрочемъ, русская тюремная дѣйствительность превосходитъ даже все, что можетъ представить самое пылкое воображеніе.

Каторжное отдѣленіе гражданской тюрьмы было выстроено въ 1872 г. на 120 чел. Но уже въ концѣ того же года въ немъ помѣщалось 240 чел., изъ нихъ 90 черкесовъ, этихъ злосчастныхъ жертвъ русскаго завоеванія, бунтующихся противъ казацкихъ нагаекъ и сотнями высылаемыхъ въ Сибирь. Эта каторжная тюрьма состоитъ изъ 3-хъ камеръ, въ одной изъ которыхъ (27 ф. длины, 19 ф. ширины, и 10 ф. высоты) заключены 31 арестантъ. Такое же переполненіе наблюдается и въ другихъ двухъ камерахъ, такъ что, въ общемъ, приходится отъ 202 до 260 куб. фут. пространства на человѣка, другими словами, это равносильно тому, какъ если бы человѣка заставили жить въ гробу 8 ф. длины, 6 ф. ширины и 5 ф. высоты. Не мудрено, что арестанты умираютъ, какъ мухи осенью. Съ конца 1872 года по 15 апрѣля 1874 г. въ тюрьму прибыло 377 русскихъ и 138 черкесовъ; имъ пришлось, въ самой антисанитарной обстановкѣ, терпѣть отъ пронизывающей сырости и холода, не имѣя даже одѣялъ. Въ теченіи 15 мѣсяцевъ умерло 90 русскихъ и 86 черкесовъ, т.-е. 24% всего числа русскихъ арестантовъ и 62% всѣхъ черкесовъ, не говоря, конечно, о тѣхъ, которые умерли, выйдя изъ этой тюрьмы, на пути въ Сибирь. Причины этой ужасающей смертности не были результатомъ какой-либо

спеціальной эпидеміи; арестанты страдали разнообразными формами цынги, нерѣдко принимавшей злокачественный характеръ и часто заканчивавшейся смертью *).

Несомнѣнно, что ни одна полярная экспедиція не сопровождалась такою смертностью, какою грозитъ заключеніе въ одной изъ русскихъ центральныхъ тюремъ. Что же касается Пермской пересыльной тюрьмы для арестантовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, то въ томъ же оффиціальномъ изданіи приводятся прямо невѣроятныя свѣдѣнія о ней; она оказывается гораздо хуже даже каторжнаго отдѣленія. Со стѣнъ течетъ; совершенное отсутствіе какой бы то ни было вентиляціи; переполненіе ея въ лѣтніе мѣсяцы доходитъ до того, что на каждаго арестанта приходится всего 124 куб. фут. пространства (т.-е. гробъ 8 ф. длины, 5 ширины и 3 высоты) **).

Священникъ первой Харьковской центральной тюрьмы заявилъ въ 1868 г., во время проповѣди (см. „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1869 г.), что въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ изъ 500 арестантовъ, бывшихъ въ этой тюрьмѣ, умерло отъ цынги *200 человѣкъ*. Изъ 330 арестантовъ, находившихся тамъ въ 1870 году, 150 умерло въ теченіи этого года, а 45 — въ теченіи слѣдующаго затѣмъ полугодія, при томъ же общемъ количествѣ арестантовъ ***).

Кіевская тюрьма являлась разсадникомъ тифозной эпидеміи. Въ теченіи лишь одного мѣсяца (въ 1881 г.) арестанты въ ней умирали сотнями и въ камеры, только

*)- Не предпринимая даже путешествія въ Сибирь, можно удостовѣриться въ справедливости вышеприведенныхъ фактовъ. Они опубликованы въ оффиціальномъ изданіи (которое можно найти въ Британскомъ Музеѣ), а именно—въ «Журналѣ Судебной Медицины», издаваемомъ Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, см. журналъ за 1874 г., т. III.

**) Ibidem, т. III.

***) См. д-ръ Леонтовичъ въ «Архивѣ Судебной Медицины и гигіены» за 1871 г., т. III; также «Сборникъ», публикуемый Медицинскимъ Департаментомъ Мин. Внутр Дѣлъ за 1873 г., т. III, стр. 127; считаю не лишнимъ отмѣтить, что и «Архивъ» и «Сборникъ» подверглись запрещенію «за вредное направленіе». Даже оффиціальная статистика оказывается «вредной» для русской бюрократіи.

что освобожденныя отъ умершихъ, загонялись новые пришельцы, чтобы, въ свою очередь, умереть. Обо всемъ этомъ сообщалось въ русскихъ газетахъ. Годъ спустя (12 іюня, 1882 г.) циркуляръ Главнаго Тюремнаго Управленія такъ объяснилъ причины этой эпидеміи: „1) Тюрьма была страшно переполнена, хотя имѣлась полная возможность перевести многихъ арестантовъ въ другія тюрьмы; 2) Камеры очень сыры, стѣны покрыты плѣсенью и полы во многихъ мѣстахъ прогнили; 3) Отхожія мѣста находятся въ такомъ состояніи, что почва вокругъ нихъ насыщена экскрементами“ и т. д. и т. д. Въ заключеніе отчета говорится, что, благодаря тѣмъ же антисанитарнымъ условіямъ, многимъ другимъ тюрьмамъ угрожаетъ та же эпидемія.

Можно бы предположить, что съ того времени введены нѣкоторыя улучшенія, что приняты мѣры противъ подобныхъ эпидемій. По крайней мѣрѣ, этого можно было ожидать, судя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ статистическаго комитета *). Но кое-какіе факты заставляютъ относиться подозрительно къ точности оффиціальныхъ цифровыхъ данныхъ. Такъ, въ трехъ губерніяхъ (Пермской, Тобольской и Томской) показано за 1883 г. всего 431 умершихъ арестантовъ всѣхъ категорій. Но если мы заглянемъ въ другое изданіе того же министерства, въ медицинскій отчетъ за тотъ же 1883 г.— оказывается, что въ тѣхъ же трехъ губерніяхъ, въ тюремныхъ госпиталяхъ умерло 1017 арестантовъ **). И даже въ 1883 г., хотя тюрьмы не страдали отъ эпидемій, смертность въ двухъ Харьковскихъ центральныхъ тюрьмахъ показана 104 на 846 арестантовъ, т.-е. 123 на тысячу; и тѣ же же самые отчеты показываютъ, что цынга и тифъ продолжали быть постоянными гостьями большинства русскихъ тюремъ, особенно лежащихъ на пути въ Сибирь.

Главная тюрьма въ Петербургѣ, такъ наз. „Литовскій Замокъ“, нѣсколько чище другихъ, но вообще, это зданіе, стараго фасона, сырое и мрачное, давно пора

*) Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1883 г Спб. 1886.
**) Отчетъ Медицинскаго Департамента за 1883 г. Спб. 1886.

было бы срыть до основанія. Уголовнымъ арестантамъ даютъ работу, но политическихъ держатъ въ одиночкахъ въ вынужденномъ бездѣйствіи и нѣкоторые изъ моихъ друзей, герои процесса „193“, которымъ пришлось провести по 2 года и болѣе въ стѣнахъ этой тюрьмы — описывали ее мнѣ, какъ одну изъ худшихъ. Камеры малы, темны и сыры; тюремный смотритель Макаровъ былъ просто дикій звѣрь. О послѣдствіяхъ одиночнаго заключенія въ этой тюрьмѣ я говорю въ другомъ мѣстѣ. Отмѣчу лишь, что обычный денежный паекъ на покупку пищи арестантамъ равняется *семи копейкамъ* въ день (арестанты изъ привиллегированныхъ сословій получаютъ 10 к.), а фунтъ чернаго хлѣба стоитъ 4 коп...

Но предметомъ похвальбы нашего правительства, тюрьмой, которую показываютъ иностранцамъ,—является новый „домъ предварительнаго заключенія“ въ С.-Петербургѣ. Это, такъ наз., „образцовая тюрьма“—единственная въ этомъ родѣ въ Россіи, — выстроенная по плану Бельгійскихъ тюремъ. Я знакомъ съ ней по личному опыту, пробывъ въ ея стѣнахъ три мѣсяца до перевода моего въ тюрьму при Военномъ Госпиталѣ. Это едва ли не единственная въ Россіи тюрьма для уголовныхъ арестантовъ, отличающаяся чистотой. Да, на грязь въ этой тюрьмѣ нельзя пожаловаться... Метла и цѣлые потоки воды, щетка и тряпка тамъ въ постоянномъ ходу. Тюрьма эта является въ своемъ родѣ „выставкой“ и арестанты должны держать ее въ ослѣпительномъ блескѣ. Цѣлое утро они выметаютъ, вымываютъ и полируютъ асфальтовые полы, дорого расплачиваясь за ихъ блескъ. Атмосфера тюрьмы насыщена частицами асфальта (я однажды прикрылъ газовый рожокъ въ моей камерѣ бумажнымъ колпакомъ и, уже спустя нѣсколько часовъ, могъ рисовать пальцемъ узоры на пыли, которой онъ покрылся); и этимъ воздухомъ приходится дышать! Три верхніе этажа насыщаются испареніями нижнихъ и, благодаря плохой вентиляціи, по вечерамъ, когда всѣ двери закрыты, арестованные буквально чуть не задыхаются. Одинъ за другимъ было назначаемо нѣсколько комитетовъ, со спеціальной задачей — найти средства для улучшенія вентиляціи. Позднѣйшій изъ

этихъ комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, заявилъ въ своемъ отчетѣ (въ іюнѣ 1881 г.), что небходимо перестроить все зданіе (которое стоило вдвое дороже такихъ же тюремъ въ Бельгіи и Германіи), такъ какъ никакія самыя радикальныя поправки не могутъ улучшить вентиляцію. Камеры въ этой тюрьмѣ—10 фут. длины и 5 ширины и, одно время въ числѣ обязательныхъ правилъ было—открывать форточки въ дверяхъ камеръ, чтобы мы не задохнулись. Впослѣдствіи это правило было отмѣнено и форточки держали закрытыми, предоставляя намъ справляться, какъ знаемъ, съ температурой, колебавшейся между удушающей жарой и сибирскимъ холодомъ. Если бы не общеніе съ товарищами, — путемъ перестукиванія, то я, пожалуй, пожалѣлъ бы о моемъ мрачномъ и сыромъ казематѣ въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ кажется, я никогда не забуду дѣтей, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить однажды въ корридорѣ дома предварительнаго заключенія. Они, подобно намъ, по мѣсяцамъ и даже годамъ ожидали суда; ихъ желтосѣрыя, изможденныя лица, ихъ испуганные, растерянные взгляды говорили лучше цѣлыхъ томовъ отчетовъ и изслѣдованій о „благодѣтельномъ вліяніи одиночнаго заключенія“ въ образцовой тюрьмѣ. Относительно администраціи этой тюрьмы, я думаю, достаточно сказать, что даже русскія подцензурныя изданія открыто указывали на то, какъ тюремное начальство присваивало себѣ арестантскія пайки. Въ 1882 году по этому поводу было назначено разслѣдованіе, изъ котораго выяснилось, что дѣйствительность далеко превосходила мрачные слухи. Но все это мелочи, по сравненію съ тѣмъ, какъ въ этой тюрьмѣ обращаются съ арестантами. Именно въ этой тюрьмѣ генералъ Треповъ приказалъ высѣчь Боголюбова, потому что послѣдній не снялъ шапки передъ всемогущимъ сатрапомъ и приказалъ связать и избить другихъ арестантовъ, которые протестовали противъ этого насилія, а затѣмъ протестующіе были посажены на пять дней въ карцеры, покрытые экскрементами, гдѣ, отъ сосѣдства съ прачешной, температура доходила до 45 градусовъ. Въ виду всего этого, какой горькой ироніей зву-

читъ похвала англійскаго панегириста, священника Лансделля, который писалъ: „желающіе убѣдиться въ томъ, *чего* Россія *можетъ* достигнуть, должны посѣтить домъ предварительнаго заключенія“. О, да, императорская Россія *можетъ* строить тюрьмы, гдѣ арестованныхъ грабятъ и сѣкутъ, при чемъ самыя зданія этихъ тюремъ надо перестраивать черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ они воздвигнуты.

Наказанія, налагаемыя нашими уголовными законами, могутъ быть **въ** общемъ раздѣлены на четыре категоріи. Къ первой **изъ** нихъ принадлежатъ каторжныя работы, съ лишеніемъ **всѣхъ** гражданскихъ правъ. Имущество осужденнаго переходитъ къ его наслѣдникамъ; онъ разсматривается, какъ умершій гражданской смертью и жена его имѣетъ право снова выйти замужъ; его можетъ сѣчь розгами или плетьми ad libitum каждый пьяный тюремщикъ. Послѣ отбытія каторжныхъ работъ въ Сибирскихъ рудникахъ или на заводахъ, его поселяютъ гдѣ-нибудь въ Сибири. Второй категоріей является ссылка на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ, или по состоянію присвоенныхъ гражданскихъ правъ; въ дѣйствительности это наказаніе представляетъ пожизненную ссылку въ Сибирь. Къ третьей категоріи принадлежатъ всѣ арестанты, присужденные къ заключенію въ арестантскихъ ротахъ, безъ лишенія гражданскихъ правъ. Наконецъ, въ четвертую категорію (опуская менѣе значительныя наказанія) входятъ люди, ссылаемые въ Сибирь безъ суда, административнымъ порядкомъ, на всю жизнь, или на неопредѣленный срокъ.

Раньше каторжане посылались прямо въ Сибирь: въ рудники, принадлежавшіе „Кабинету Его Величества“, т.-е. другими словами, составляющіе частную собственность императорской фамиліи. Нѣкоторые изъ этихъ рудниковъ, однако, выработаны; относительно другихъ было найдено, (или администрація нашла удобнымъ найти), что ихъ разработка въ рукахъ казны невыгодна и поэтому они были проданы частнымъ лицамъ, нажив-

шимъ на нихъ громадныя состоянія. Благодаря всему этому, Европейской Россіи самой пришлось озаботиться судьбой своихъ каторжанъ. Въ Россіи было построено нѣсколько центральныхъ тюремъ, гдѣ осужденные отбываютъ одну треть или четвертую часть своего наказанія, а вслѣдъ затѣмъ ссылаются на Сахалинъ. Общество привыкло разсматривать каторжанъ, какъ наиболѣе вредный разрядъ преступниковъ; но въ Россіи подобное отношеніе къ нимъ едвали ли справедливо. Убійство, грабежъ, кража со взломомъ—всѣ эти преступленія наказываются каторгой; но каторгой въ Россіи наказывается и покушеніе на самоубійство, а также святотатство, богохуленіе, которыя часто бываютъ лишь проявленіемъ своеобразныхъ религіозныхъ убѣжденій; также наказывается и „возмущеніе“, или точнѣе то, что въ Россіи называется возмущеніемъ, т.-е., простое неповиновеніе какимъ-нибудь приказаніямъ начальства. Каторга назначается также за всякаго рода политическія преступленія, а равно за „бродяжество“. Даже среди убійцъ не мало людей, которые совершили убійство при такихъ обстоятельствахъ, что, попади дѣло на судъ присяжныхъ или въ руки честнаго адвоката, они навѣрное были бы оправданы. Во всякомъ случаѣ, меньше трети всѣхъ ссылаемыхъ ежегодно на каторгу, т.-е. всего отъ 700 до 800 мужчинъ и женщинъ, приговариваются какъ убійцы. Остальные же — почти въ равной пропорціи,— или „бродяги“ или люди, осужденные за какое-либо изъ вышеупомянутыхъ нами преступленій.

Постройка центральныхъ тюремъ была вызвана желаніемъ придать наказанію возможно суровый характеръ. Рѣшили, что съ арестантами надо обращаться самымъ жестокимъ образомъ, а если они не выдержатъ и будутъ умирать въ большихъ количествахъ,—бѣда не велика! Съ этой цѣлью смотрителями и надзирателями этихъ тюремъ были назначены люди самые жестокіе по характеру, въ большинствѣ случаевъ изъ отставныхъ военныхъ; при чемъ арестанты были отданы въ полное распоряженіе этихъ деспотовъ, съ приказаніемъ свыше— не стѣсняться размѣрами и характеромъ наказаній. Тюремщики оправдали довѣріе начальства: центральныя

тюрьмы дѣйствительно превратились въ застѣнки; и ужасы сибирской каторги поблѣднѣли предъ жизнью въ „централкахъ“. Всѣ тѣ, кому пришлось пробыть въ нихъ нѣкоторое время, заявляютъ, что день, когда арестантъ изъ централки высылается въ Сибирь, онъ считаетъ счастливѣйшимъ днемъ своей жизни.

Изслѣдуя эти тюрьмы, въ качествѣ „почетнаго посѣтителя“, ищущаго сильныхъ ощущеній, вы будете очень разочарованы. Вы увидите лишь грязное зданіе, биткомъ набитое ничего не дѣлающими арестантами, лѣниво валяющимися на нарахъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ и непокрытыхъ ничѣмъ, кромѣ толстаго слоя грязи. Вамъ могутъ дозволить заглянуть въ камеры для „секретныхъ“ или политическихъ арестантовъ; но, если вы начнете разспрашивать обитателей тюрьмы, вы почти всегда услышите отъ нихъ стереотипный отвѣтъ, что они „всѣмъ довольны“. Для того, чтобы ознакомиться съ тюремной дѣйствительностью, надо самому побывать въ шкурѣ арестанта. Разсказовъ людей, перенесшихъ на себѣ это испытаніе, насчитывается немного, но все же они существуютъ и одинъ изъ наиболѣе яркихъ я привожу ниже. Онъ былъ написанъ офицеромъ, присужденнымъ къ каторжнымъ работамъ за оскорбленіе, нанесенное въ запалчивости; офицеръ этотъ позднѣе былъ помилованъ царемъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія. Его разсказъ былъ опубликованъ въ консервативномъ журналѣ („Русская Рѣчь“, январь 1882 г.), въ то время, когда, подъ вліяніемъ недавняго режима Лорисъ-Меликова, было много разговоровъ о необходимости тюремной реформы и существовала нѣкоторая свобода печати; вышеупомянутый нами разсказъ не встрѣтилъ никакихъ опроверженій и опытъ нашихъ друзей вполнѣ подтверждаетъ справедливость описаній автора.

Собственно говоря, описаніе матеріальнаго положенія, въ которомъ приходится жить арестантамъ этой центральной тюрьмы, не представляетъ ничего особеннаго, ибо положеніе это почти одинаково во всѣхъ русскихъ тюрьмахъ. Указавъ на то, что тюрьма была построена на 250 человѣкъ, а вмѣщала 400, мы не будемъ

больше останавливаться на ея санитарныхъ условіяхъ. Пища тоже была не лучше и не хуже, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ. Семь копѣекъ въ день—не особенно щедрый паекъ для арестанта, въ особенности принявъ во вниманіе, что тюремный смотритель и старшій надзиратель—„люди семейные“, старающіеся урвать и изъ этого нищенскаго пайка что-нибудь въ свою пользу. Четверть фунта чернаго хлѣба на завтракъ; щи, сваренныя изъ бычачьяго сердца и печенки, или изъ 7 фунтовъ мяса, 20 ф. затхлой овсяной крупы и 20 ф. кислой капусты—такова обычная арестантская ѣда и многіе русскіе арестанты вполнѣ довольны ею. Моральныя условія жизни далеко не такъ удовлетворительны. Цѣлый день арестантамъ нечего дѣлать и это бездѣлье тянется недѣли, мѣсяцы, годы. Правда, при тюрьмѣ имѣются мастерскія, но въ нихъ допускаютъ лишь опытныхъ рабочихъ (трудами которыхъ наживается тюремное начальство). Для остальныхъ же арестантовъ нѣтъ не только никакой работы, но нѣтъ даже и надежды на работу, развѣ иногда въ снѣжное время смотритель заставитъ одну половину арестантовъ сгребать снѣгъ въ кучи, а другую—разбрасывать эти кучи. Убійственное однообразіе арестантской жизни нарушается лишь наказаніями. Въ тюрьмѣ, которую я имѣю въ виду, наказанія отличались разнообразіемъ и замысловатостью. За куреніе и другіе проступки этого же рода арестанта заставляли стоять два часа на колѣняхъ, на каменныхъ плитахъ, въ такомъ мѣстѣ тюрьмы, которое избиралось спеціально для этой цѣли, и по которому гуляли зимніе сквозные вѣтры. Другимъ наказаніемъ за подобные же проступки были карцеры, одинъ изъ нихъ теплый, а другой — холодный, въ подпольѣ, съ температурой, при которой замерзала вода. Въ обоихъ карцерахъ арестантамъ приходилось спать на каменномъ полу, при чемъ продолжительность заключенія цѣликомъ зависѣла отъ каприза смотрителя.

„Нѣкоторыхъ изъ насъ“,—говоритъ вышеупомянутый нами авторъ,—„держали въ этихъ карцерахъ въ продолженіи двухъ недѣль; по истеченіи этого срока нѣкоторыхъ пришлось буквально вытащить на свѣтъ Бо-

жій и затѣмъ они отправились въ ту страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія". Мудрено ли, что въ теченіи четырехъ лѣтъ, проведенныхъ авторомъ въ этой тюрьмѣ, смертность въ ней достигала 30% въ годъ? „Не должно думать,—говоритъ авторъ далѣе,—„что люди, которыхъ постигали столь тяжкія наказанія, были закоренѣлыми преступниками; насъ подвергали имъ, если мы прятали кусокъ хлѣба, оставшійся отъ обѣда или ужина, или если у арестанта находили спичку". Непокорныхъ наказывали другимъ способомъ. Одинъ изъ нихъ, напр., былъ запертъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ въ одиночной темной камерѣ (первоначально предназначенной для страдающихъ глазными болѣзнями) — и вышелъ оттуда слѣпымъ, потерявъ разсудокъ. Но это еще цвѣточки, по сравненію съ тѣмъ, что авторъ разсказываетъ далѣе.

„По вечерамъ",—говоритъ онъ,—„смотритель обыкновенно осматривалъ тюрьму и предавался своему любимому занятію,—сѣченію арестантовъ. Приносилась очень узкая скамейка и вскорѣ вся тюрьма оглашалась воплями, въ то время какъ смотритель, покуривая сигару, созерцалъ и считалъ удары. Розги употреблялись необычайной величины и предъ наказаніемъ размачивались въ водѣ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе гибкими. Послѣ десятаго удара вопли въ большинствѣ случаевъ прекращались и слышались лишь стоны. Сѣкли обыкновенно группами, по пяти, десяти, и болѣе человѣкъ и когда экзекуція, наконецъ, прекращалась, ея мѣсто всегда можно было опредѣлить по большой лужѣ крови. Наши сосѣди за стѣнами тюрьмы, если имъ случалось въ это время проходить мимо, спѣшили переходить на другую сторону улицы, въ ужасѣ осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Послѣ каждой такой сцены дня на два, на три наступало затишье; очевидно, порка дѣйствовала успокаивающимъ образомъ на нервы смотрителя. Но вскорѣ онъ опять принимался за работу. Когда онъ былъ сильно пьянъ, причемъ его лѣвый усъ безпомощно повисалъ, или когда онъ приходилъ домой съ охоты съ пустымъ ягдташемъ, мы уже знали, что вечеромъ розги будутъ въ ходу". Мы не будемъ приводить другихъ столь же возмутительныхъ сценъ изъ жизни

этой тюрьмы, но мы хотѣли бы обратить вниманіе иностранныхъ путешественниковъ на слѣдующую подробность въ разсказѣ нашего автора.

„Однажды“,—говоритъ онъ,—„къ намъ явился тюремный инспекторъ. Посмотрѣвъ на бакъ съ пищей, онъ спросилъ: довольны ли мы ѣдой? и вообще, не имѣемъ ли мы какихъ-нибудь жалобъ? Арестанты не только отвѣтили, что они всѣмъ довольны, но перечислили даже такіе пищевые продукты, которыхъ мы никогда и не нюхали. И это—вполнѣ естественно, замѣчаетъ авторъ.—Если-бы были какія-либо жалобы, инспекторъ пожурилъ бы немного смотрителя и уѣхалъ бы во-свояси, между тѣмъ какъ оставшимся арестантамъ пришлось бы расплачиваться за свою смѣлость подъ розгами и въ карцерахъ“.

Тюрьма, о которой говорилось выше, находится вблизи С.-Петербурга. Читатели легко могутъ себѣ представить, что происходитъ въ болѣе отдаленныхъ провинціальныхъ тюрьмахъ. Я уже говорилъ выше о Пермской и Харьковской тюрьмахъ; судя по свѣдѣніямъ „Голоса“, центральная тюрьма въ Симбирскѣ является гнѣздомъ казнокрадства и хищничества. Лишь въ двухъ изъ всѣхъ центральныхъ тюремъ, Виленской и Симбирской, арестантовъ занимаютъ полезнымъ трудомъ. Въ Тобольскѣ начальство, послѣ долгихъ размышленій о томъ, чѣмъ бы имъ занять арестантовъ, откопало законъ 27-го марта 1870 года, согласно которому арестанты должны заниматься переноской песку, камней, или пушечныхъ ядеръ съ одного мѣста на другое и обратно. Тобольское начальство, въ теченіи нѣкотораго времени примѣняло этотъ законъ, съ цѣлью дать занятіе арестантамъ и предупредить распространеніе цынги. Въ другихъ же каторжныхъ тюрьмахъ, за исключеніемъ мелкихъ работъ и починокъ, которыми занимаются очень немногіе изъ арестантовъ, большинство заключенныхъ проводятъ жизнь свою въ абсолютной праздности. „Всѣ арестанты находятся въ томъ же отвратительномъ положеніи, какъ и въ старыя времена“,—говоритъ одинъ русскій изслѣдователь *).

*) Тальбергъ въ «Вѣстн. Евр.» кн. V, 1879 г.

Одной изъ наихудшихъ каторжныхъ тюремъ была Бѣлгородская, въ Харьковской губерніи, и именно эта тюрьма была выбрана для политическихъ преступниковъ, осужденныхъ на каторжныя работы; они содержались здѣсь съ 1874 по 1882 г., до высылки ихъ въ Сибирь. Три первыя группы нашихъ друзей: по процессу Долгушина и Дмоховскаго, по московскому процессу 50 и по процессу 193-хъ,—были посланы въ эту тюрьму. Самые ужасающіе слухи ходили объ этой тюрьмѣ—могилѣ, въ которой были погребены семьдесять политическихъ преступниковъ, лишенныхъ возможности сноситься какимъ-либо образомъ съ внѣшнимъ міромъ, и въ то же время лишенныхъ какихъ-либо занятій. У нихъ были матери, сестры, которыя, не смотря на постоянные отказы, неустанно обивали пороги у всякаго петербургскаго начальства, добиваясь разрѣшенія повидать,—хотя бы лишь въ теченіи нѣсколькихъ минутъ,—своихъ сыновей и братьевъ. Жителямъ Бѣлгорода было извѣстно, что съ арестантами обращаются самымъ возмутительнымъ образомъ; но, въ общемъ, о томъ, что происходило въ тюрьмѣ, знали мало; изрѣдка лишь доносилась глухая вѣсть, что кто-либо умеръ или сошелъ съ ума. Но даже государственные секреты съ теченіемъ времени перестаютъ быть тайнами. Сначала разрѣшили одной изъ матерей имѣть свиданіе съ ея сыномъ разъ въ мѣсяцъ въ теченіи одного лишь часа въ присутствіи смотрителя тюрьмы и она не задумалась поселиться подъ самыми стѣнами острога ради этихъ рѣдкихъ и краткихъ часовъ свиданія съ любимымъ сыномъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1880-мъ году въ Петербургѣ пришли къ заключенію (послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ), что немыслимо больше замучивать политическихъ арестантовъ въ Бѣлгородѣ, отказывая имъ въ ихъ правѣ—быть сосланными на каторжныя работы въ Сибирь. Такимъ образомъ, въ октябрѣ 1880 г. тридцать нашихъ товарищей были переведены изъ Бѣлгорода въ Мценскъ. Въ виду того, что они не могли по слабости здоровья отправиться немедленно въ далекій путь къ Нерчинскимъ рудникамъ, ихъ оставили на нѣкоторое время въ Мценскѣ, пока они нѣсколько оправятся.

Тогда долго скрываемая правда сдѣлалась, наконецъ, извѣстной. Свѣдѣнія объ условіяхъ тюремнаго заключенія въ Бѣлгородѣ появились въ русской революціонной прессѣ и частью проникли даже въ петербургскія газеты; помимо этого, по рукамъ ходили литографированныя и гектографированныя воспоминанія отбывшихъ наказаніе въ Бѣлгородской тюрьмѣ. Изъ этихъ воспоминаній публика узнала, что заключенныхъ держали отъ трехъ до пяти лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, въ оковахъ, въ темныхъ, сырыхъ камерахъ, длиною въ 10 и шириною въ 6 фут.; что ихъ держали въ абсолютной бездѣятельности, совершенно изолированными отъ какого-либо соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ и людьми. Такъ какъ казна отпускала на ихъ содержаніе всего пять копѣекъ въ день, они питались хлѣбомъ и водою; три или четыре раза въ недѣлю имъ, впрочемъ, давали маленькую чашку горячей похлебки, сваренной изъ горсти овсянной крупы съ примѣсью разной дряни. Десятиминутная прогулка по двору черезъ день, по мнѣнію начальства, вполнѣ удовлетворяла потребность арестанта въ свѣжемъ воздухѣ. У нихъ не было ни кроватей, ни подушекъ, ни тюфяковъ, ни одѣялъ; спать приходилось на голомъ полу, подложивъ подъ голову кое-что изъ платья и накрывшись сѣрымъ арестантскимъ халатомъ. Невыносимое одиночество, абсолютное молчаніе и вынужденная бездѣятельность! Лишь послѣ трехъ лѣтъ подобной пытки имъ было разрѣшено чтеніе нѣкоторыхъ книгъ.

Зная, по болѣе чѣмъ двухлѣтнему опыту, тяжесть одиночнгао заключенія, я смѣло могу сказать, что оно, въ той формѣ, какая практикуется въ Россіи, является одной изъ самыхъ жестокихъ пытокъ. Здоровье арестанта, какъ бы оно ни было крѣпко до вступленія въ тюрьму, непоправимо разрушается одиночнымъ заключеніемъ. Военная наука говоритъ намъ, что во всякомъ осажденномъ гарнизонѣ, которому въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ выдается уменьшенный паекъ, смертность возрастаетъ въ громадныхъ размѣрахъ. Это наблюденіе еще болѣе вѣрно по отношенію къ людямъ, находящимся въ одиночномъ заключеніи. Недостатокъ

свѣжаго воздуха, отсутствіе необходимаго упражненія для ума и тѣла, вынужденное молчаніе, отсутствіе той неисчислимой массы впечатлѣній, которыя мы, будучи на свободѣ, безсознательно воспринимаемъ каждый часъ, уже самый фактъ, что вся умственная работа сводится исключительно къ дѣятельности воображенія, — комбинація всѣхъ этихъ условій дѣлаетъ одиночное заключеніе одной изъ самыхъ жестокихъ и вѣрныхъ формъ медленнаго убійства. Если удается устроить сообщеніе съ сосѣдомъ по камерѣ (путемъ легкихъ постукиваній по стѣнѣ), то это уже является такимъ облегченіемъ, громадное значеніе котораго могутъ вполнѣ оцѣнить лишь тѣ, которымъ пришлось въ теченіе года или двухъ пробыть въ полномъ отчужденіи отъ остального міра. Но это облегченіе иногда является новымъ источникомъ мученій, такъ ваши собственныя нравственныя страданія увеличиваются все растущимъ съ каждымъ днемъ убѣжденіемъ, что разсудокъ вашего сосѣда начинаетъ помрачаться; въ выстукиваемыхъ имъ фразахъ вы начинаете различать ужасные призраки, гнетущіе его измученный мозгъ. Таково тюремное заключеніе, которому подвергаются политическіе арестанты иногда въ теченіи трехъ-четырехъ лѣтъ въ ожиданіи суда. Но ихъ положеніе значительно ухудшается, когда они попадаютъ въ Харьковскую центральную тюрьму. Не только камеры въ ней темнѣе и сырѣе, не только пища хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но, кромѣ всего этого, арестантовъ нарочно держатъ въ абсолютной праздности. Имъ не даютъ ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей, ни инструментовъ для ручного труда. Они лишены средствъ занять чѣмъ-либо измученный умъ, сосредоточить на чемъ-либо нездоровую дѣятельность мозга, и, по мѣрѣ того, какъ тѣлесныя силы арестанта ослабѣваютъ, его душевная дѣятельность принимаетъ все болѣе ненормальный характеръ; человѣкъ впадаетъ иногда въ мрачное отчаяніе... Люди могутъ переносить самыя невѣроятныя физическія страданія; въ исторіи войнъ, религіознаго мученичества и на госпитальныхъ койкахъ вы найдете массу примѣровъ этого рода. Но моральныя мученія, когда они продолжаются нѣсколько лѣтъ под-

рядъ,—совершенно непереносимы и наши друзья испытали это на себѣ. Запертые сначала въ крѣпостяхъ и домахъ предварительнаго заключенія, переведенные затѣмъ въ центральныя тюрьмы, они быстро ослабѣвали и вскорѣ или умирали, или сходили съ ума. Не всегда психическое разстройство происходило въ такой острой формѣ, какъ у г-жи М-ской, молодой талантливой художницы, которая сошла съ ума внезапно, будучи изнасилована жандармами. Большинство лишается разсудка путемъ тяжелаго медленнаго процесса, разумъ угасаетъ съ часа на часъ въ слабѣющемъ тѣлѣ.

Въ іюнѣ 1878 г. жизнь арестантовъ въ Харьковской тюрьмѣ сдѣлалась настолько невыносимой, что шестеро изъ нихъ рѣшили умереть голодной смертью. Въ теченіи цѣлой недѣли они отказывались принимать какую бы то ни было пищу и когда генералъ-губернаторъ приказалъ прибѣгнуть къ искусственному кормленію, въ тюрьмѣ произошли такія сцены, что тюремному начальству пришлось отказаться отъ выполненія этой идеи. Съ цѣлью сломить ихъ упорство, арестантамъ обѣщаны были нѣкоторыя уступки, какъ, напр., разрѣшеніе выходить на прогулку и снятіе оковъ съ больныхъ; ни одно изъ этихъ обѣщаній не было выполнено. Лишь позже, когда нѣсколько человѣкъ умерло, а двое (Плотниковъ и Боголюбовъ) сошли съ ума,—арестанты получили разрѣшеніе пилить дрова въ тюремномъ дворѣ, вмѣстѣ съ двумя татарами, которые ни слова не понимали по-русски. Лишь послѣ усиленныхъ требованій, за которыя приходилось расплачиваться недѣлями темнаго карцера, они получили работу въ камерахъ, но это произошло уже къ концу третьяго года ихъ заключенія.

Въ октябрѣ 1880 г. первая партія, состоявшая изъ тридцати человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ осужденныхъ въ 1874 г., была выслана въ мценскую пересыльную тюрьму впредь до отправки ихъ въ Сибирь. Зимой прибыла вторая партія изъ 40 человѣкъ, осужденныхъ по процессу 193-хъ. Всѣ они пересылались въ Нерчинскъ, на Карійскіе золотые промыслы. Всѣ они хорошо знали—какая судьба ожидаетъ ихъ тамъ, но все же они считали день, въ который они оставили Бѣлго-

родскій адъ, днемъ освобожденія. Послѣ жизни въ этой центральной тюрьмѣ каторжныя работы въ Сибири казались раемъ.

Въ моемъ распоряженіи имѣется разсказъ, написанный лицомъ, которому было разрѣшено свиданіе съ однимъ изъ заключенныхъ въ Мценской пересыльной тюрьмѣ и мнѣ не приходилось читать ничего болѣе трогательнаго, чѣмъ этотъ простой разсказъ. Онъ былъ написанъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ свиданій въ Мценскѣ съ любимымъ братомъ, котораго удалось увидать много лѣтъ спустя, послѣ его полнаго исчезновенія изъ міра живыхъ; съ трогательнымъ добросердечіемъ авторъ воспоминаній посвящаетъ всего нѣсколько строкъ ужасамъ Бѣлгородской тюрьмы. „Я не буду говорить объ этихъ ужасахъ“, — сказано въ воспоминаніяхъ, — „такъ какъ я спѣшу разсказать о томъ лучѣ радости, который пронизалъ мрачную жизнь заключеннаго“, — и вслѣдъ затѣмъ цѣлыя страницы воспоминаній заполнены детальными описаніями той радости, которую дали короткія свиданія въ Мценскѣ съ людьми, бывшими въ теченіи многихъ лѣтъ погребенными заживо.

„Старики и молодежь, родители, жены, сестры и братья—всѣ они стекались въ Мценскъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ общества, общая радость при свиданіяхъ и общая скорбь при разлукѣ объединила ихъ въ одну большую семью. Какое это было дорогое, драгоцѣнное время!“

„Дорогое, драгоцѣнное время!“ — Какая глубокая скорбь звучитъ въ этомъ восклицаніи, вырвавшемся изъ глубины сердца, если мы примемъ во вниманіе, что эти свиданія были съ узниками, оставлявшими Россію навсегда, чтобы пройти путь въ 7000 верстъ и быть заключенными въ странѣ скорби и слезъ—Сибири. „Дорогое, драгоцѣнное время!“ И авторъ воспоминаній детально описываетъ свиданія; разсказываетъ о пищѣ, которую они приносили узникамъ, чтобы подкрѣпить ихъ силы послѣ шестилѣтняго заключенія, о различныхъ рабочихъ инструментахъ, которые имъ дарили для ихъ развлеченія; объ аккуратныхъ приготовленіяхъ къ далекому и длинному путешествію черезъ Сибирь; о под-

кандальникахъ, которые приготовлялись, чтобы кандалы не натирали ногъ тѣмъ пяти товарищамъ, которымъ предстояло пройти весь путь въ кандалахъ; и, наконецъ, слѣдуетъ описаніе длиннаго ряда тѣлегъ съ двумя узниками и двумя жандармами на каждой, прибытіе на желѣзнодорожную станцію и скорби при разлукѣ съ любимыми людьми, изъ которыхъ до сихъ поръ ни одинъ не вернулся, а многихъ уже нѣтъ.

Приведенные примѣры даютъ уже понятіе объ русскихъ уголовныхъ тюрьмахъ. Много страницъ можно было бы еще наполнить, беря примѣры изъ различныхъ тюремъ, но это было бы повтореніемъ. И старыя и новыя тюрьмы ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Всѣ наши карательныя учрежденія превосходно охарактеризованы слѣдующими словами изъ тѣхъ же тюремныхъ воспоминаній, которыми я уже пользовался выше.

„Въ заключеніе“,—говоритъ авторъ этихъ воспоминаній,—„я долженъ прибавить, что наконецъ въ тюрьму назначили новаго смотрителя. Старый вздорилъ съ казначеемъ: они не могли миролюбиво подѣлить доходовъ отъ арестантскаго пайка и въ заключеніе оба были прогнаны со службы. Новый смотритель не такой звѣрь, какъ его предшественникъ. Но я слышалъ, однако, что при немъ арестанты еще больше голодаютъ и что онъ нисколько не стѣсняется прогуливаться кулакомъ по ихъ физіономіямъ“. Вышеприведенный отрывокъ превосходно суммируетъ „тюремныя реформы“ въ Россіи. Одного изверга прогоняютъ со службы, но на его мѣсто сажаютъ другого, иной разъ еще худшаго. Не замѣной одного негодяя другимъ, а лишь путемъ коренной реформы всей системы можетъ быть достигнуто какое-либо улучшеніе въ этой области; къ этому заключенію пришла и спеціальная правительственная коммиссія, недавно разсматривавшая этотъ вопросъ. Но конечно было бы величайшимъ самообманомъ думать, что возможны какія бы то ни было улучшенія при существующей системѣ государственнаго управленія. По меньшей мѣрѣ, полдюжины правительственныхъ коммиссій засѣдаютъ для обсужденія вышеуказанныхъ вопросовъ и всѣ онѣ пришли къ заключенію, что правительство должно рѣшиться на

очень крупные расходы, въ противномъ же случаѣ въ нашихъ тюрьмахъ будутъ господствовать старые порядки. Еще болѣе чѣмъ въ крупныхъ расходахъ, наши тюрьмы нуждаются въ честныхъ и способныхъ людяхъ, но за такими людьми теперешнее русское правительство не гонится, хотя они существуютъ въ Россіи, и даже въ немаломъ количествѣ. Я укажу, для примѣра, на одного такого честнаго человѣка, полковника Кононовича, коменданта Карійскихъ промысловъ. Не вовлекая казну въ новые расходы, полковникъ Кононовичъ ухитрился починить и привести въ порядокъ старыя полусгнившія тюремныя зданія, сдѣлавъ ихъ болѣе или менѣе удобообитаемыми; располагая ничтожными средствами, онъ улучшилъ арестантскую пищу. Но было достаточно случайной похвалы путешественника, посѣтившаго Карійскую ссыльную колонію, и такой же похвалы, въ письмѣ, перехваченномъ на пути изъ Сибири, чтобы сдѣлать полковника Кононовича подозрительнымъ въ глазахъ нашего правительства. Онъ былъ немедленно уволенъ и его замѣститель получилъ приказаніе возвратиться къ старому суровому режиму. На политическихъ преступниковъ, пользовавшихся относительной свободой по отбытіи ими сроковъ, были снова надѣты кандалы, двое изъ нихъ, однако, не захотѣли подчиниться этому варварскому распоряженію и предпочли покончить съ собой. На Карѣ водворился желательный для правительства „порядокъ“. Другой сибирскій чиновникъ, генералъ Педашенко, попалъ въ немилость за то, что отказался утвердить смертный приговоръ, вынесенный военнымъ судомъ политическому арестанту Щедрину. Щедринъ обвинялся въ томъ, что ударилъ офицера, оскорбившаго двухъ его товарищей по заключенію, Богомолецъ и Ковальскую.

Подобныя явленія въ порядкѣ вещей въ Россіи. Займетесь ли вы распространеніемъ образованія, улучшеніемъ быта арестантовъ или какой-либо другой работой гуманитарнаго характера, вы неизмѣнно вызовете неудовольствіе и подозрѣніе правительства, а въ случаѣ если вы окажетесь виновникомъ, вамъ прикажутъ подать въ отставку. Вблизи Петербурга имѣется исправительная колонія для дѣтей и подростковъ. Судьбѣ этихъ несчаст-

ныхъ дѣтей нѣкій господинъ Гердъ (внукъ знаменитаго шотландца, помогавшаго Александру I въ дѣлѣ реформы нашихъ тюремъ) посвятилъ всю свою энергію. Онъ отдался этому дѣлу всѣмъ сердцемъ и, по справедливости, могъ быть названъ вторымъ Песталоцци. Подъ его облагораживающимъ вліяніемъ, испорченные маленькіе воришки и другія дѣти, испорченные вліяніемъ улицы и тюрьмы, становились людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Удаленіе мальчика изъ общихъ мастерскихъ или высылка его изъ класса были самыми серіозными наказаніями, практикуемыми въ этой колоніи; немудрено, что она вскорѣ сдѣлалась образцовой. Но русское правительство не нуждается въ людяхъ, подобныхъ Герду. Его уволили отъ занимаемаго имъ мѣста и колонія, которой онъ такъ гуманно управлялъ, превратилась въ обычную русскую тюрьму, съ обычной системой наказаній, до розгъ и карцера включительно.

Приведенные нами примѣры въ достаточной степени ясно указываютъ какъ на недостатки системы, такъ и на то, чего можно ожидать отъ нашихъ властей. Воображать, что возможна какая-либо реформа въ нашихъ тюрьмахъ, было бы явной нелѣпостью при данныхъ условіяхъ. Наши тюрьмы являются лишь отраженіемъ всей нашей жизни при теперешнемъ режимѣ; и онѣ останутся такими до тѣхъ поръ, пока наша правительственная система и вся наша жизнь не измѣнятся кореннымъ образомъ. Тогда, и лишь тогда, „Россія сможетъ показать, что она въ состояніи сдѣлать;“ но тогда, я надѣюсь, мы найдемъ для борьбы съ преступленіями нѣчто получше такъ называемыхъ „прекрасныхъ тюремъ.“

ГЛАВА III.

Петропавловская крѣпость.

Неограниченная монархія невозможна безъ Тоуэра или Бастилліи. Петербургское правительство не представляетъ исключенія изъ этого правила и имѣетъ свою Бастиллію—Петропавловскую крѣпость. Снаружи она не

имѣетъ такого мрачнаго вида, какой имѣла Парижская Бастиллія. Ея низкіе гранитные бастіоны, выходящіе на Неву, имѣютъ вполнѣ современный видъ. Въ стѣнахъ крѣпости находится монетный дворъ, каѳедральный соборъ съ гробницами членовъ императорской фамиліи, нѣсколько зданій, занимаемыхъ инженерами и военными властями и большіе арсеналы въ новомъ кронверкѣ на сѣверной сторонѣ. Днемъ ворота крѣпости открыты для обычнаго уличнаго движенія.

Но чувство холоднаго ужаса охватываетъ жителей Петербурга, когда они всматриваются въ сѣрые бастіоны крѣпости, лежащіе по другой сторонѣ Невы, противъ императорскаго дворца; и мрачные мысли овладѣваютъ ими, когда сѣверный вѣтеръ доноситъ до ихъ слуха нестройные звуки крѣпостныхъ колоколовъ, каждый часъ вызванивающихъ меланхолическую мелодію. Вѣковая традиція связываетъ крѣпость и даже самое имя ея съ деспотизмомъ и страданіями. Тысячи, десятки тысячъ народа, въ большинствѣ случаевъ украинцы, легли костьми здѣсь, закладывая фундаментъ бастіоновъ на низкомъ болотистомъ островѣ Ени—сáри. Съ именемъ крѣпости не связано воспоминаній о какой-либо славной защитѣ, слава ея цѣликомъ покоится на тѣхъ мученіяхъ, которыя претерпѣвали заключенные въ ней враги самодержавія.

Въ этой крѣпости Петръ I мучилъ и пыталъ враговъ новой военной имперіи, въ которую онъ пытался насильственно обратить Россію. Здѣсь онъ приказалъ замучить пыткой своего сына Алексѣя, а можетъ быть и умертвилъ его собственноручно, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки. Сюда, во время царствованія императрицъ, всемогущіе царедворцы запрятывали своихъ личныхъ враговъ, заставляя многія семьи задумываться надъ вопросомъ: куда исчезли ихъ родные? Утоплены ли они въ Невѣ или погребены заживо въ каменныхъ мѣшкахъ крѣпости? Здѣсь были заключены герои первой и единственной открытой революціи въ Петербургѣ, декабристы, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Батенковъ, провели здѣсь двѣнадцать лѣтъ. Здѣсь былъ пытанъ и потомъ повѣшенъ Каракозовъ. И съ тѣхъ поръ цѣлое поколѣніе мужчинъ и женщинъ, воодушевленныхъ горячей

любовью къ угнетенному народу, вдохновляемыхъ идеями свободы, проникавшими съ запада или выросшими на почвѣ старыхъ народныхъ традицій, цѣлое поколѣніе идеалистической молодежи толпилось въ стѣнахъ этой крѣпости, нѣкоторые изъ нихъ исчезая въ ней навсегда, другіе кончая свою жизнь на ея глассисѣ—на висѣлицѣ; для сотенъ другихъ мрачная крѣпость была временнымъ жилищемъ, откуда ихъ тайкомъ увозили въ снѣжныя пустыни Сибири. Цѣлое поколѣніе, на которое смотрѣли съ надеждой, какъ на литературныхъ и научныхъ представителей Россіи, было безцѣльно замучено и задушено! Сколько ихъ томится въ крѣпости и понынѣ? Какое унылое, мучительное существованіе влачатъ они тамъ? Какова ихъ дальнѣйшая судьба?.. Никто не можетъ отвѣтить на эти вопросы. Чувство какого-то суевѣрнаго ужаса связано съ самымъ представленіемъ объ этой колоссальной массѣ гранита, надъ которой развѣвается императорскій штандартъ. Такова наша Бастиллія.

Крѣпость съ ея шестью бастіонами и шестью куртинами, двумя равелинами и обширнымъ кронверкомъ изъ краснаго кирпича, построеннымъ въ сѣверной части Николаемъ I, занимаетъ болѣе ста десятинъ. Внутри ея стѣнъ имѣется масса различныхъ помѣщеній для арестантовъ всякаго рода. Никто, кромѣ коменданта крѣпости, не знаетъ ихъ всѣхъ. *).

*) Для людей, незнакомыхъ съ крѣпостной терминологіей, можетъ быть, не излишни будутъ слѣдующія поясненія. Каждая крѣпость имѣетъ форму многоугольника: на выдѣляющихся углахъ расположены бастіоны, т.-е. пятиугольныя пространства, заключенныя между двумя длинными и двумя короткими стѣнами и имѣющія иногда еще вторыя, внутреннія постройки—редутъ, двухъэтажный пятиугольный рядъ сводчатыхъ казематовъ, предназначаемыхъ для защиты бастіона, въ случаѣ разрушенія наружныхъ стѣнъ. Каждые два бастіона соединены куртиной. Въ виду того, что куртина и два внутреннихъ угла бастіоновъ являются слабѣйшими частями укрѣпленій, они часто маскируются трехъугольной постройкой внѣ самой крѣпости (но окруженными тѣмъ-же глассисомъ), укрѣпленіе это носитъ названіе равелина. Онъ состоитъ изъ двухъ стѣнъ, защищающихъ куртину и углы бастіона, дѣлая невозможнымъ доступъ къ бастіону, пока не взятъ самый равелинъ. Петропавловская крѣпость имѣетъ лишь два равелина: Трубецкой на западной сторонѣ и Алексѣевскій—на восточной.

Среди другихъ зданій крѣпости возвышается трехъ-этажная постройка, которую одно время, шутя, называли «Петербургскимъ императорскимъ университетомъ», такъ какъ сюда, послѣ университетскихъ безпорядковъ 1861 года, отправили сотни студентовъ. Масса молодыхъ людей провели здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ они были отправлены «въ болѣе или менѣе отдаленныя губерніи имперіи»; благодаря такой «царской милости» научная карьера ихъ была, конечно, навсегда испорчена.

Въ крѣпости имѣется такъ называемая Екатерининская куртина, выходящая на Неву; подъ ея широкими амбразурами у гранитныхъ стѣнъ, между двумя крѣпостными бастіонами, растутъ сирени. Здѣсь, въ 1864 году, былъ написанъ Чернышевскимъ его знаменитый романъ «Что дѣлать?», который въ свое время произвелъ цѣлую революцію въ отношеніяхъ студенчества къ женщинамъ, боровшимся за право пріобрѣтать научныя познанія наравнѣ съ мужчинами. Изъ глубины каземата этой куртины Чернышевскій училъ молодежь видѣть въ женщинѣ не домашняго раба, а товарища и друга и урокъ этотъ не пропалъ даромъ.

Здѣсь же былъ заключенъ Д. И. Писаревъ, продолжатель работы Чернышевскаго. Лишенный возможности заниматься активной дѣятельностью на свободѣ, онъ продолжалъ ее въ крѣпости: здѣсь имъ былъ написано одно изъ самыхъ блестящихъ и популярныхъ изложеній «Происхожденія видовъ». Такимъ образомъ были загублены два могучихъ таланта въ то время, когда они достигли полной силы своего развитія. Чернышевскій былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ его продержали двадцать лѣтъ, сначала въ рудникахъ, а потомъ, въ теченіи тринадцати лѣтъ, въ Вилюйскѣ, крохотномъ городишкѣ, расположенномъ у границъ полярной области. Просьба объ его освобожденіи, подписанная членами международнаго литературнаго конгресса, не произвела никакого впечатлѣнія. Русское правительство настолько боялось вліянія Чернышевскаго въ Россіи, что разрѣшило ему возвратиться изъ Сибири и поселиться въ Астрахани лишь тогда, когда о прежней литературной дѣятель-

ности Чернышевскаго не могло быть и рѣчи: здоровье великаго писателя было въ конецъ разрушено двадцатью годами жизни, полной лишеній и нравственныхъ страданій; жизни, безплодно растраченной среди полудикарей. Сенатскій судъ надъ Чернышевскимъ былъ въ сущности лицемѣрной комедіей; достаточно указать, что въ числѣ доказательствъ его вины фигурировали его статьи, всѣ изъ нихъ пропущенныя цензурой, и его романъ, написанный въ крѣпости. Съ Писаревымъ поступили еще проще, продержавъ его въ крѣпости, пока сочли нужнымъ... Онъ утонулъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ освобожденія.

Въ теченіе 1870 и 1871 годовъ въ куртинахъ находилась въ заключеніи молодежь обоего пола, обвинявшаяся въ принадлежности къ кружкамъ Нечаева, которыхъ лозунгъ былъ: «Въ народъ!» Они учили русскую молодежь нести проповѣдь соціализма въ нѣдра народныхъ массъ, раздѣляя въ тоже время съ народомъ его тяжелую трудовую жизнь. Но вскорѣ, уже въ 1873 году, была открыта новая, болѣе обширная и болѣе надежная тюрьма въ стѣнахъ крѣпости, а именно — Трубецкой бастіонъ. Съ того времени Екатерининская куртина дѣлается исключительно военной тюрьмой, предназначенной для петербургскихъ офицеровъ, присужденныхъ къ заключенію въ крѣпостяхъ за нарушенія военной дисциплины. Политическіе же заключенные, содержащіеся до суда, помѣщаются въ Трубецкомъ бастіонѣ. Обширные и высокіе казематы куртины были передѣланы, украшены и вообще сдѣланы болѣе или менѣе комфортабельными. Такъ какъ они сообщаются съ Трубецкимъ бастіономъ, тутъ даютъ теперь свиданія съ родными тѣмъ немногимъ изъ заключенныхъ, которые пользуются этой льготой. Тутъ же засѣдаетъ спеціальныя коммиссіи, производящія предварительныя слѣдствія по государственнымъ процессамъ и выпытываютъ признанія. Соловьевъ, повѣшенный въ 1879 году, былъ, повидимому послѣднимъ изъ «политическихъ», сидѣвшихъ въ куртинѣ. Впрочемъ, нѣкоторыхъ обитателей Трубецкого бастіона переводятъ на нѣсколько дней въ куртину, для того,—чтобы уединить ихъ для какихъ-то

неизвѣстныхъ цѣлей отъ остальныхъ товарищей. Мнѣ извѣстенъ одинъ такой случай, относящійся къ Сабурову. Его увели въ куртину и усыпили при помощи медикаментовъ, съ цѣлью его фотографировать... Такъ по крайней мѣрѣ, сказали ему, когда онъ былъ приведенъ въ сознаніе. Во всякомъ случаѣ, Екатерининская куртина не играетъ больше роли политической тюрьмы. Трубецкой бастіонъ, находящійся рядомъ, былъ перестроенъ для этой цѣли въ 1872 году.

Здѣсь «политическихъ» держатъ нерѣдко по два, по три года, въ ожиданіи рѣшенія различныхъ тайныхъ коммиссій, которыя могутъ отдать ихъ подъ судъ или же просто выслать въ Сибирь «административнымъ порядкомъ», безъ всякаго суда.

Трубецкой бастіонъ, въ которомъ мнѣ пришлось провести болѣе двухъ лѣтъ, не облеченъ болѣе той тайной, которая его покрывала въ 1873 году, когда онъ впервые былъ сдѣланъ домомъ предварительнаго заключенія для политическихъ. Семьдесятъ двѣ камеры, въ которыхъ содержатся арестанты, занимаютъ два этажа редута, пятиугольнаго зданія съ дворомъ внутри; одинъ изъ фасовъ этого зданія занятъ квартирой завѣдующаго бастіономъ и караульной комнатой. Камеры бастіона довольно обширны, каждая изъ нихъ представляетъ изъ себя казематъ со сводами, предназначающійся для помѣщенія большого крѣпостного орудія. Каждая имѣетъ одинадцать шаговъ (около 25 фут.) по діагонали, такъ что я могъ ежедневно совершать семиверстную прогулку въ моей камерѣ, пока мои силы не были окончательно подорваны долгимъ заключеніемъ.

Свѣта въ нихъ очень мало. Амбразура, замѣняющая окно, почти тѣхъ же размѣровъ, какъ окна обыкновенныхъ тюремъ. Но камеры помѣщены во внутренней части бастіона (т.-е. въ редутѣ) и окна выходятъ на высокія бастіонныя стѣны, находящіяся отъ нихъ на разстояніи 15—20 фут. Кромѣ того, стѣны редута, долженствующія противустоять ядрамъ, имѣютъ почти пять футовъ толщины, и доступъ свѣта еще болѣе преграждается двойными рамами съ мелкимъ переплетомъ и желѣзной рѣшеткой. Да и петербургское небо, какъ

извѣстно, не отличается ясностью. Камеры темны *),— но все-таки въ одной изъ нихъ—правда, самой свѣтлой во всемъ зданіи, — я написалъ два тома моей работы о ледниковомъ періодѣ и, пользуясь ясными лѣтними днями, чертилъ карты, приложенныя къ этой работѣ. Нижній этажъ очень теменъ, даже лѣтомъ. Наружная стѣна задерживаетъ весь свѣтъ и я помню, что, даже въ ясные дни, было довольно затруднительно писать; въ сущности заниматься работой можно было лишь тогда, когда солнечные лучи были отражаемы верхними частями обѣихъ стѣнъ. Оба этажа всего сѣвернаго фасада очень темны.

Полъ въ камерахъ покрытъ крашенымъ войлокомъ; стѣны устроены особеннымъ образомъ — онѣ двойныя; самыя стѣны также покрыты войлокомъ, но на разстояніи около 5 дюймовъ устроена проволочная сѣтка, покрытая толстымъ полотномъ и оклеенная сверху желтой бумагой. Эта махинація придумана съ цѣлью—помѣшать узникамъ разговаривать съ сосѣдями по камерѣ, путемъ постукиваній по стѣнѣ. Въ этихъ обитыхъ войлокомъ камерахъ господствуетъ гробовая тишина. Я знаю другія тюрьмы; въ нихъ внѣшняя жизнь и жизнь самой тюрьмы доходитъ до слуха заключеннаго тысячами разнообразныхъ звуковъ, отрывками фразъ и словъ, случайно долетающихъ до него; тамъ все же чувствуешь себя частицей чего-то живущаго. Крѣпость же—настоящая могила. До васъ не долетаетъ ни единый звукъ, за исключеніемъ шаговъ часового, подкрадывающагося, какъ охотникъ, отъ одной двери къ другой, чтобы заглянуть въ дверныя окошечки, которыя мы называли „іудами“. Въ сущности, вы никогда не бываете одинъ, постоянно чувствуя наблюдающій глазъ—и въ тоже время вы все-таки въ полномъ одиночествѣ. Если вы попробуете заговорить съ надзирателемъ, приносящимъ вамъ платье для прогулки на тюремномъ дворѣ, если спросите его даже о погодѣ, вы не получаете никакого отвѣта. Единствен-

*) Камеры въ обычныхъ тюрьмахъ, какъ напр. въ Ліонской, во Франціи, хотя имѣютъ окна того-же размѣра, по обилію свѣта не могутъ быть сравниваемы съ крѣпостными казематами.

ное человѣческое существо, съ которымъ я обмѣнивался каждое утро нѣсколькими словами, былъ полковникъ, приходившій записывать несложныя покупки, которыя нужно было сдѣлать, какъ напр., табакъ, бумагу и пр. Но онъ никогда не осмѣливался вступить въ разговоръ со мною, зная что за нимъ самимъ наблюдаетъ надзиратель. Абсолютная тишина нарушается лишь перезвономъ крѣпостныхъ часовъ, которые каждую четверть часа вызваниваютъ „Господи помилуй", каждый часъ— „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", и, въ довершеніе, каждые двѣнадцать часовъ—„Боже, царя храни". Какофонія, производимая колоколами, постоянно мѣняющими тонъ при рѣзкихъ перемѣнахъ температуры, поистинѣ — ужасна, и неудивительно, что нервные люди считаютъ этотъ перезвонъ одной изъ мучительнѣйшихъ сторонъ заключенія въ крѣпости.

Камеры отапливаются изъ коридора при помощи большихъ печей и температура всегда бываетъ очень высокой, очевидно съ цѣлью предотвратить появленіе сырости на стѣнахъ. Для поддержанія подобной температуры, печи закрываются преждевременно, когда угли еще не успѣваютъ хорошо прогорѣть и, благодаря этому, узники нерѣдко страдаютъ отъ сильныхъ угаровъ. Какъ большинство россіянъ, я привыкъ къ довольно высокой комнатной температурѣ, но и я не могъ примириться съ такой жарой, а еще менѣе — съ угаромъ и, лишь послѣ долгой борьбы, я добился, чтобы мою печку закрывали позднѣе. Меня предупреждали, что въ такомъ случаѣ мои стѣны отсырѣютъ, и, дѣйствительно, вскорѣ углы свода покрылись влагой, а обои на внѣшней стѣнѣ отмокли, какъ будто ихъ постоянно поливали водой. Но, такъ какъ мнѣ приходилось выбирать между отсырѣвшими стѣнами и температурой бани,—я предпочелъ первое, хотя за это пришлось поплатиться легочной болѣзнью и ревматизмомъ. Позднѣе мнѣ пришлось узнать, что нѣкоторые изъ моихъ друзей, сидѣвшихъ въ томъ же бастіонѣ, были твердо убѣждены въ томъ, что ихъ камеры какимъ-то образомъ наполняли удушливыми ядовитыми газами. Этотъ слухъ пользовался широкимъ распространеніемъ и даже дошелъ до свѣ-

дѣнія иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ; слухъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что не было жалобъ на попытки отравленія какимъ-либо другимъ путемъ, напр., при помощи пищи. Мнѣ кажется, что сказанное мною выше объясняетъ происхожденіе этого слуха: для того, чтобы держать печи накаленными въ теченіе сутокъ, ихъ закрывали очень рано и узникамъ приходилось каждый день задыхаться отъ угара. Лишь этимъ я могу объяснить припадки удушья, отъ которыхъ мнѣ приходилось страдать почти каждый день, и за которыми обыкновенно слѣдовало полное изнеможеніе и общая слабость. Я избавился отъ этихъ припадковъ, когда добился, чтобы у меня совсѣмъ не открывали душника.

Когда комендантомъ крѣпости былъ генералъ Корсаковъ, пища, въ общемъ, была хорошаго качества; не отличаясь особенной питательностью, она была хорошо приготовлена; позднѣе она сильно ухудшилась. Никакой провизіи извнѣ не допускали, нельзя было приносить даже фруктовъ; исключеніе дѣлалось только для калачей, которые подаются сострадательными купцами арестантамъ на Рождество и на Пасху, согласно старинному русскому обычаю, до сихъ поръ еще сохранившемуся. Наши родные могли приносить намъ только книги. Тѣмъ изъ заключенныхъ, у которыхъ не было родныхъ, приходилось довольствоваться многократнымъ перечитываніемъ однѣхъ и тѣхъ же книгъ изъ крѣпостной библіотеки, въ которой находились разрозненные томы, оставленные намъ въ наслѣдіе нѣсколькими поколѣніями заключенныхъ, начиная съ 1826 года. Пользованіе свѣжимъ воздухомъ было доведено до возможнаго минимума. Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ моего заключенія, я пользовался 30—40 минутной прогулкою каждый день; но позднѣе, когда число заключенныхъ въ нашемъ бастіонѣ возросло почти до 60 человѣкъ, въ виду того, что для прогулокъ былъ отведенъ лишь одинъ тюремный дворъ и сумерки зимой подъ 60^0 широты наступаютъ уже въ 4 часа вечера, намъ давали лишь 20 минутъ на прогулку черезъ день лѣтомъ и дважды въ недѣлю зимою. Нужно прибавить, что благодаря тяжелымъ амміачнымъ парамъ, выходившимъ изъ

трубы монетнаго двора, возвышающейся надъ нашимъ дворикомъ, и падавшимъ въ него при восточномъ вѣтрѣ,— воздухъ бывалъ иногда совершенно отравленъ. Я не могъ тогда переносить постояннаго кашля солдатъ, которымъ цѣлый день приходилось вдыхать этотъ ядовитый дымъ, и обыкновенно просилъ, чтобы меня увели обратно въ мою камеру.

Но всѣ эти неудобства были мелочными въ нашихъ глазахъ и никто изъ насъ не придавалъ имъ особеннаго значенія. Всѣ мы прекрасно сознавали, что отъ тюрьмы нельзя ожидать многаго и что русское правительство никогда не проявляло нѣжности къ тѣмъ, кто пытался свергнуть его желѣзное иго. Больше того, мы знали что Трубецкой бастіонъ это—дворецъ, да, дворецъ, по сравненію съ тѣми тюрьмами, въ которыхъ ежегодно томятся сотни тысячъ нашихъ соотечественниковъ, подвергаясь тѣмъ ужасамъ, о которыхъ я писалъ выше.

Короче говоря, матеріальныя условія заключенія въ Трубецкомъ бастіонѣ не были особенно плохи, хотя въ общемъ, конечно, они были достаточны суровы. Не должно забывать, что, по меньшей мѣрѣ, половина сидѣвшихъ въ крѣпости попали туда просто по доносу какого-нибудь шпіона, или за знакомство съ революціонерами; не должно забывать также и того обстоятельства, что значительная ихъ часть, пробывъ въ заключеніи 2—3 года, не бывали даже предаваемы суду, а если и попадали подъ судъ, то бывали оправдываемы (какъ, напр., въ процессѣ 193-хъ) и вслѣдъ за тѣмъ высылались „административнымъ порядкомъ“ въ Сибирь или въ какую-либо деревушку на берегахъ Ледовитаго Океана. Слѣдствіе ведется втайнѣ и никому не извѣстно, сколько времени оно займетъ; не извѣстно—какіе законы будутъ примѣнены:—общегражданскіе или законы военнаго времени, и что ожидаетъ заключеннаго; его могутъ оправдать, но могутъ и повѣсить. Защитникъ не допускается во время слѣдствія; запрещается даже разговоръ или переписка съ родными объ обстоятельствахъ, повед-шихъ къ аресту. Въ теченіе всего безконечно длиннаго періода слѣдствія узникамъ не даютъ никакой работы. Перо, чернила и карандашъ строго воспрещены въ стѣ-

нахъ бастіона; для писанья даютъ только грифельную доску,—и когда совѣтъ Географическаго Общества хлопоталъ о разрѣшеніи мнѣ окончить одну научную работу, его пришлось добывать у самаго императора. Особенно тяжело отзывается эта, тянущаяся иногда годами, вынужденная бездѣятельность на рабочихъ и крестьянахъ, которые не могутъ читать по цѣлымъ днямъ: вслѣдствіе этой причины наблюдается большой процентъ психическихъ заболѣваній. Въ западно-европейскихъ тюрьмахъ, двухлѣтнее—трехлѣтнее одиночное заключеніе считается серьезнымъ испытаніемъ, могущимъ повести къ безумію. Но въ Европѣ арестантъ занимается какой-либо ручной работой въ своей камерѣ; ему не только разрѣшается читать и писать, но ему даютъ всѣ необходимые инструменты для выполненія какой-нибудь работы. Его жизнь не сводится исключительно къ дѣятельности одного воображенія; его тѣло, его мускулы также бываютъ заняты. И все же компетентные наблюдатели принуждены, путемъ горькаго опыта, убѣдиться въ томъ, что двухлѣтній—трехлѣтній періодъ одиночнаго заключенія черезчуръ опасенъ. Въ Трубецкомъ бастіонѣ чтеніе было единственнымъ разрѣшеннымъ занятіемъ; но даже чтеніе не дозволялось приговореннымъ къ заключенію въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Даже немногія „послабленія“, допущенныя теперь во время свиданій съ родными, были добыты тяжелой борьбой. Вначалѣ свиданіе съ родными разсматривалось не какъ право заключеннаго, а какъ милость со стороны начальства. Со мною случилось однажды, послѣ ареста моего брата, что я не видѣлъ никого изъ моихъ родныхъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Я зналъ, что мой братъ, съ которымъ меня связывали узы болѣе чѣмъ братской любви, былъ арестованъ. Письмомъ въ нѣсколько строкъ меня извѣщали, что относительно всего, касающагося изданія моей работы, я долженъ обращаться къ другому лицу и я догадывался о причинѣ, т. е. объ арестѣ брата. Но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я не зналъ, за что его арестовали; не зналъ, въ чемъ его обвиняютъ; не зналъ, какая судьба ждетъ его. И, конечно, я не пожелаю никому въ мірѣ провести три такихъ мѣсяца,

какіе провелъ я, совершенно лишенный вѣстей о всемъ происходящемъ за стѣнами тюрьмы. Когда мнѣ, наконецъ, разрѣшили свиданіе съ моей сестрой, ей строго запретили говорить мнѣ что-нибудь о братѣ, въ противномъ случаѣ ей угрожали не давать больше свиданій со мной. Что же касается до моихъ товарищей, то многіе изъ нихъ никого не видѣли за всѣ 2—3 года заключенія. У нѣкоторыхъ не было близкихъ родныхъ въ Петербургѣ, а свиданія съ друзьями не разрѣшались; у другихъ родные были, но такіе, которые подозрѣвались въ знакомствѣ съ соціалистами и либералами, а потому считались недостойными такой „милости", какъ свиданіе съ арестованнымъ братомъ или сестрой. Въ 1879 и 1880 годахъ свиданія съ родными были разрѣшаемы каждыя двѣ недѣли. Но должно помнить, какъ было добыто это расширеніе правъ. Оно было завоевано тяжелой борьбой, путемъ знаменитой голодной стачки, во время которой нѣкоторые заключенные въ Трубецкомъ бастіонѣ, въ теченіе 5—6 дней, отказывались принимать какую бы то ни было пищу, отвѣчая физическимъ сопротивленіемъ на всѣ попытки искусственнаго кормленія. Позднѣе, впрочемъ, это, съ такимъ трудомъ завоеванное, право было опять отнято, число свиданій очень сильно сокращено и введена опять желѣзная дисциплина.

Особенно возмутительны методы, употребляемые при веденіи тайныхъ дознаній: слѣдователи пускаются на самыя безстыдныя уловки, чтобы вырвать неосторожное признаніе у арестованнаго, въ особенности, если онъ не вполнѣ владѣетъ своими нервами. Мой другъ Степнякъ далъ въ своихъ работахъ нѣсколько образчиковъ подобнаго обращенія съ арестованными; массу примѣровъ можно также найти въ различныхъ нумерахъ „Народной Воли". Слѣдователи не щадятъ даже святыхъ материнскихъ чувствъ. Если у арестованной рождается дитя,— крошечное созданіе, увидѣвшее свѣтъ въ прочномъ казематѣ,—у матери отбирали ребенка и грозили не отдать его до тѣхъ поръ, пока мать „не пожелаетъ быть болѣе искренней", т.-е., другими словами, выдать своихъ товарищей. Ей приходится отказываться нѣсколько дней

отъ пищи или покушаться на самоубійство, чтобы ей отдали ребенка... Если допускаемы подобныя возмутительныя надругательства надъ лучшими человѣческими чувствами, стоитъ-ли говорить о различныхъ мелкихъ мучительствахъ того же рода? И все же, худшее выпадаетъ, обыкновенно, не на долю заключенныхъ, а тѣхъ, которые находятся за стѣнами тюрьмы, тѣхъ, вся вина которыхъ—въ горячей любви къ ихъ арестованнымъ дочерямъ, братьямъ и сестрамъ! Самые возмутительные методы застращиванія,—жестокіе и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченные,—практикуются наемниками самодержавія по отношенію къ роднымъ арестованныхъ, и я долженъ признать, что образованные прокуроры, состоящіе на службѣ государственной полиціи, бываютъ хуже малограмотныхъ жандармскихъ офицеровъ и чиновниковъ III Отдѣленія.

Понятно, что постоянныя попытки на самоубійство,—иногда при помощи осколка стекла изъ разбитаго окна, или головокъ фосфорныхъ спичекъ, тщательно собираемыхъ и скрываемыхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или путемъ самоповѣшенія на полотенцѣ,—такія попытки являются необходимымъ послѣдствіемъ. Изъ обвинявшихся по большому процессу 193-хъ, 9 человѣкъ сошло съ ума и 11 покушалось на самоубійство. Я встрѣтился съ однимъ изъ нихъ послѣ его освобожденія. Онъ покушался разъ шесть, а теперь умираетъ въ больницѣ во Франціи.

И все же, если вспомнить слезы, проливаемыя по всей Россіи, въ каждой глухой деревушкѣ, въ связи съ судьбой сотенъ тысячъ арестантовъ, если вспомнить объ ужасахъ нашихъ остроговъ и центральныхъ тюремъ, о солеварняхъ въ Усть-Кутѣ, о золотыхъ рудникахъ Сибири, то пропадаетъ всякая охота говорить о страданіяхъ небольшой кучки революціонеровъ. Я бы и не сталъ говорить о нихъ, если бы защитники русскаго правительства не вздумали искажать фактовъ.

У русскаго правительства есть нѣчто гораздо худшее для политическихъ заключенныхъ, чѣмъ содержаніе въ Трубецкомъ бастіонѣ. Вслѣдъ за процессомъ „шестнадцати“ (въ ноябрѣ 1880 г.), въ Европѣ съ удовольствіемъ

узнали, что изъ пяти осужденныхъ на смерть, трое были помилованы царемъ. Теперь мы знаемъ настоящее значеніе этого помилованія. Вмѣсто того, чтобы, согласно закону, быть высланными въ Сибирь или въ центральную тюрьму, они были посажены въ Трубецкой равелинъ *) (въ западной части Петропавловской крѣпости). Казематы эти были настолько мрачны, что лишь въ теченіе двухъ часовъ въ сутки въ нихъ можно было обходиться безъ свѣчей; со стѣнъ такъ текло, что „на полу образовывались лужи". „Не только не давали книгъ, но запрещалось все, что могло какимъ-либо образомъ служить развлеченіемъ. Зубковскій сдѣлалъ себѣ изъ хлѣба геометрическія фигуры, съ цѣлью повторить курсъ геометріи; онѣ были немедленно отобраны, при чемъ смотритель заявилъ, что каторжникамъ „не можетъ быть дозволено подобное развлеченіе". Съ цѣлью сдѣлать заключеніе еще болѣе невыносимымъ, въ камеру ставился жандармъ или солдатъ. Жандармъ не спускалъ глазъ съ заключеннаго и стоило послѣднему посмотрѣть на что-либо, какъ онъ тотчасъ бросался разслѣдовать предметъ вниманія. Такимъ путемъ ужасы одиночнаго заключенія удесятерялись. Самый спокойный человѣкъ начиналъ ненавидѣть шпіона, слѣдившаго за каждымъ его движеніемъ, взглядомъ—и доходилъ до бѣшенства. Малѣйшее неповиновеніе наказывалось побоями и темнымъ карцеромъ. Всѣ, подвергнутые такому режиму, вскорѣ заболѣли. Ширяевъ, послѣ года заключенія, нажилъ чахотку; Окладскій—крѣпкій, здоровый рабочій, котораго замѣчательная рѣчь на судѣ была напечатана въ Лондонскихъ газетахъ, сошелъ съ ума; Тихоновъ, тоже крѣпкій человѣкъ, заболѣлъ цынгой и не могъ даже подняться на кровати. Такимъ образомъ, несмотря на „помилованіе", всѣ трое, въ теченіе одного года, очутились на краю могилы. Изъ пяти остальныхъ, осужденныхъ на каторжныя работы, двое—Мартыновскій и Цукерманъ—сошли съ ума и въ такомъ состояніи ихъ постоянно сажали въ карцеръ, такъ-что, наконецъ, Мартыновскій сдѣлалъ покушеніе на самоубійство.

---

*) Разсказъ о заключеніи былъ опубликованъ въ «Народной Волѣ» и позднѣе перепечатанъ въ сборникѣ «На родинѣ».

Въ тотъ же равелинъ посадили еще нѣсколькихъ другихъ—и результаты неизмѣнно бывали всегда одни и тѣ же: ихъ быстро доводили до могилы. Лѣтомъ 1883 г. правительство рѣшилось смягчить участь нѣкоторыхъ, пославъ ихъ на каторгу въ Сибирь. Двадцать седьмого іюля 1883 г, ихъ привезли въ тюремныхъ вагонахъ въ Москву и двое случайныхъ свидѣтелей, которымъ удалось видѣть ихъ, дали потрясающее описаніе того состоянія, въ которомъ находились бывшіе узники Петропавловской крѣпости. Волошенко, весь покрытый цынготными язвами, не могъ двигаться. Его вынесли изъ вагона на носилкахъ. Прибылевъ и Ѳоминъ упали въ обморокъ, когда ихъ вынесли на свѣжій воздухъ. Павелъ Орловъ, также пострадавшій отъ цынги, съ трудомъ могъ ходить. „Онъ весь согнутъ въ дугу и одна нога совершенно скорчена“, — говоритъ очевидецъ. »Татьяна Лебедева судилась и была приговорена къ смерти, но потомъ помилована—на вѣчную каторгу. Ей, впрочемъ, все равно, къ сколькимъ годамъ ее ни приговорили, такъ какъ долго она уже не проживетъ и такъ. Скорбутъ развился у нея ужасно: десенъ совсѣмъ нѣтъ и челюсти обнажены. При томъ же, она въ послѣднихъ градусахъ чахотки... За Лебедевой показалась Якимова (Кобозева) съ полуторогодовалымъ ребенкомъ на рукахъ. На ребенка этого нельзя взглянуть безъ жалости: онъ, кажется, ежеминутно умираетъ. Что касается самой Якимовой, она не пострадала особенно ни физически, ни нравственно и, несмотря на ожидающую ее вѣчную каторгу, всегда спокойна. Остальные питерцы чувствовали себя настолько лучше, что способны были сами перейти изъ вагона въ вагонъ... Что касается Мирскаго, то на немъ одномъ совсѣмъ не видно слѣдовъ четырехъ-лѣтняго пребыванія въ Петропавловской крѣпости. Онъ только замѣтно возмужалъ“ *). Мирскому, впрочемъ, было въ то время всего 23 года.

Но, даже среди этихъ полутруповъ, сколькихъ недоставало изъ числа тѣхъ товарищей, которые судились

*) «Вѣстникъ Народной Воли» № 3, 1883, стр. 180; Стейнекъ «Russia under the Tzars», гл. XIX.

одновременно съ ними! Сколько изъ нихъ осталось погребенными въ Трубецкомъ равелинѣ? Съ тѣхъ поръ, какъ прямыя сношенія съ крѣпостью прервались, неизвѣстно ничего о происходящемъ въ равелинѣ, и лишь ужасные слухи о позорномъ насиліи ходили по Петербургу, причемъ на это насиліе указывали, какъ на причину смерти Людмилы Терентьевой.

Мы не исчерпали всѣхъ ужасовъ... Остается разсказать еще объ *oubliettes* алексѣевскаго равелина. Четыре года тому назадъ, нѣкоему м-ру Ланселлю позволили заглянуть въ два каземата Трубецкого бастіона и онъ вслѣдъ за тѣмъ торжественно отрицалъ въ англійской печати самое существованіе полуподземныхъ казематовъ Трубецкого равелина, которые были описаны въ „Times'ѣ". М-ръ Ланселль задавалъ вопросъ: „Куда же дѣвались всѣ эти „cachots", „oubliettes", и темные казематы Петропавловской крѣпости, о которыхъ намъ столько говорили?" Я тогда отвѣтилъ на этотъ вызовъ слѣдующимъ образомъ:

„Я не буду отрицать существованія „oubliettes" въ крѣпости, хотя бы уже потому, что даже въ настоящее время въ Россіи исчезаютъ люди такъ безслѣдно, что никто не можетъ дознаться мѣста ихъ пребыванія. Въ видѣ примѣра, я укажу на Нечаева. Онъ убилъ въ Москвѣ шпіона, убѣжалъ въ Швейцарію и былъ выданъ федеральнымъ совѣтомъ съ тѣмъ условіемъ, что русское правительство отнесется къ Нечаеву, какъ къ обыкновенному уголовному преступнику, а не какъ къ своему политическому врагу. Судомъ присяжныхъ въ Москвѣ онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ и послѣ всякаго рода истязаній,—о которыхъ я говорю въ другомъ мѣстѣ,—онъ *исчезъ*. Согласно закону, онъ долженъ бы находиться въ настоящее время на Карѣ, или на Сахалинѣ или въ одной изъ каторжныхъ колоній Сибири. Но мы знаемъ, что въ 1881 г. его не было ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ. Гдѣ же онъ? Въ прошломъ году ходилъ слухъ, что ему удалось убѣжать изъ крѣпости, но слухъ этотъ не подтвердился; и я имѣю нѣкоторыя причины предполагать, что онъ два года тому назадъ находился,—а можетъ быть и теперь находится,—

въ одномъ изъ крѣпостныхъ казематовъ. Я не утверждаю, что съ нимъ тамъ плохо обращаются; напротивъ, я предполагаю, что онъ, подобно всѣмъ другимъ политическимъ заключеннымъ, успѣлъ завоевать симпатіи своихъ тюремщиковъ, и я надѣюсь, что онъ помѣщенъ въ удобообитаемой камерѣ. Но вѣдь онъ имѣетъ право быть теперь въ Сибири и пользоваться сравнительной свободой въ карійской вольной командѣ, вблизи рудниковъ. У него имѣются родные и друзья, которымъ хотѣлось-бы узнать, наконецъ: живъ ли онъ и если живъ, то гдѣ находится? И я спрашиваю, въ свою очередь, м-ра Ланселля: достаточно ли онъ увѣренъ въ справедливости того, что ему сказали о крѣпости люди, разрѣшившіе ему осмотръ крѣпости и уполномочиваетъ ли онъ насъ написать друзьямъ Нечаева, что въ крѣпости нѣтъ никакихъ „oubliettes“ и что они должны искать его въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ?“ *).

Конечно, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ мой остался безъ отвѣта, но съ тѣхъ поръ само русское правительство признало существованіе „oubliettes“ въ крѣпости, предоставляя своимъ англійскимъ восхвалителямъ выпутываться изъ этого противорѣчія, какъ имъ заблагоразсудится. Правительство отдало подъ судъ солдатъ за доставку писемъ именно въ эти „oubliettes“ алексѣевскаго равелина!

Въ 1882 восемнадцать человѣкъ солдатъ, состоявшихъ на караулѣ въ алексѣевскомъ равелинѣ, были преданы военному суду, вмѣстѣ съ студентомъ медицины, Дубровинымъ **). Солдаты обвинялись въ томъ, что они тайно передавали письма трехъ заключенныхъ въ равелинѣ студенту Дубровину и обратно. Обвинительный актъ, подписанный военнымъ прокуроромъ, полковникомъ Масловымъ, былъ напечатанъ цѣли-

---

*) «XIX «Century, june», 1883.

**) Ихъ имена даны въ приложеніи.

комъ *); приговоръ суда былъ опубликованъ въ петербургскихъ газетахъ. Изъ обвинительнаго акта видно, что въ 1881 г. въ равелинѣ содержались четыре человѣка. Въ текстѣ акта они не поименованы: прокуроръ упоминаетъ о нихъ, какъ объ арестантахъ, занимающихъ камеры № 1, № 5, № 6 и № 13. До ноября 1879 г.,—говорится въ актѣ,—въ равелинѣ было лишь два государственныхъ преступника: въ камерахъ № 5 и № 6. Въ ноябрѣ былъ привезенъ третій арестантъ, котораго помѣстили въ камерѣ № 1, а въ слѣдующемъ году (19 ноября 1880 г.)—четвертый, занявшій камеру № 13. Этотъ послѣдній арестантъ,—какъ видно изъ вышеупомянутаго оффиціальнаго документа,—былъ Ширяевъ. Солдаты, между прочимъ, обвинялись въ томъ, что они вели разговоры „преступнаго содержанія“ съ арестантомъ № 5; что они передавали письма арестантовъ №№ 1, 5 и 13 другъ къ другу и, что, со времени прибытія послѣдняго (№ 13), они начали носить письма изъ равелина къ студенту Дубровину и приносить въ равелинъ періодическія изданія, письма и деньги, которыя они передавали тремъ изъ находившихся въ равелинѣ арестантовъ.

Разговоры „преступнаго содержанія“, которые солдаты вели съ арестантомъ № 5, приведены въ обвинительномъ актѣ, по показаніямъ самихъ солдатъ во время предварительнаго слѣдствія; и, очевидно, что разговоры эти крѣпко засѣли въ памяти солдатъ. „Солдатъ и мужиковъ,—говорилъ № 5—теперь обижаютъ, но скоро настанетъ другое время...“ и т. д.

№ 5,—какъ мы знаемъ теперь,—былъ никто иной, какъ Нечаевъ. Печатая глубоко интересный оффиціальный документъ, отрывки изъ котораго мы привели выше, „Вѣстникъ Народной Воли“ привелъ также нѣсколько писемъ, полученныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ отъ Нечаева. Теперь, значитъ, можно съ увѣренностью сказать, что русское правительство, давшее швейцарской

*) «Вѣстникъ Народной Воли», № 1, Ноябрь 1883.

республикѣ при выдачѣ Нечаева торжественное обѣщаніе въ томъ, что послѣдній будетъ разсматриваемъ лишь въ качествѣ уголовнаго преступника,—сознательно и преднамѣренно лгало. Къ Нечаеву никогда не относились какъ къ простому уголовному преступнику. Московскимъ судомъ онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а не къ заключенію въ крѣпости. Но онъ не былъ посланъ ни въ Сибирь, ни въ одну изъ каторжныхъ тюремъ. Немедленно послѣ осужденія онъ былъ замурованъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и оставался тамъ съ 1874 г. Оффиціальный документъ—обвинительный актъ—прямо именуетъ его *„государственнымъ преступникомъ"*.

Какова была судьба Нечаева въ равелинѣ? Теперь извѣстно, что правительство дважды дѣлало Нечаеву предложенія — „дать откровенныя показанія"; первый разъ—черезъ графа Левашова и второй—черезъ генерала Потапова. Нечаевъ съ негодованіемъ отказался. Предложеніе, сдѣланное генераломъ Потаповымъ, было настолько возмутительно и по формѣ и по содержанію, что Нечаевъ отвѣтилъ на него полновѣсной пощечиной могущественному сатрапу Александра II. Нечаева за это страшно избили, надѣли оковы на руки и ноги, и приковали цѣпями къ стѣнѣ каземата. Въ концѣ 1881 г. онъ написалъ, употребляя вмѣсто пера свой ноготь и вмѣсто чернилъ—собственную кровь, письмо къ Александру III,—замѣтимъ, кстати —очень скромное письмо,—въ которомъ онъ указывалъ на его незаконное заключеніе въ крѣпости... Это письмо, копія котораго была сообщена Нечаевымъ Исполнительному Комитету и которое было позднѣе напечатано въ „Вѣстникѣ Народной Воли", было отдано Нечаевымъ лицу, случайно проходившему подъ окнами его каземата, во время какихъ-то починокъ въ равелинѣ; комендантъ крѣпости никогда не заходилъ въ камеру Нечаева, а смотритель равелина, конечно, не передалъ-бы подобнаго письма по назначенію.

Начиная съ лѣта 1882 г. нѣтъ прямыхъ свѣдѣній

отъ самого Нечаева. Въ декабрѣ 1882 г. ходили слухи, что онъ, не выдержавъ постоянныхъ придирокъ, сдѣлалъ какую-то сцену смотрителю и былъ за это страшно избитъ, а, можетъ быть, даже и высѣченъ; опять-таки по слухамъ, спустя нѣсколько дней онъ покончилъ съ собой. Единственнымъ достовѣрнымъ извѣстіемъ является лишь то, что 5 или 8 декабря одинъ изъ заключенныхъ въ равелинѣ—умеръ. Исполнительный Комитетъ счелъ Нечаева умершимъ и въ концѣ 1883 г. опубликовалъ выдержки изъ его писемъ. Но, можетъ быть, онъ и до сихъ поръ живъ.

Другой изъ узниковъ Алексѣевскаго равелина—Ширяевъ—умеръ 16 сентября 1881 года. Когда заключенныхъ перестали пускать гулять и заколотили ихъ окна (результатъ попытки Нечаева передать письмо) и даже душники, у Ширяева быстро развилась чахотка. Нечаевъ сообщалъ, что Ширяевъ умеръ въ состояніи страннаго возбужденія и предполагалъ, что его отравили какимъ-то возбуждающимъ средствомъ, даннымъ ему для того, чтобы выпытать у него какія-то свѣдѣнія. Предположеніе это весьма вѣроятно. Вѣдь давали же какія-то усыпляющія средства Сабурову, съ цѣлью, какъ говорили эти изверги,—„фотографировать его“. Можемъ, ли мы быть увѣрены, да увѣренъ ли и самъ Сабуровъ, что въ роли „усыпляющаго средства“ фигурировалъ лишь хлороформъ или опій? Люди, скрывающіе свои позорныя дѣянія подъ покровомъ тайны, не остановятся ни передъ чѣмъ.

Но кто же были узники № 1 и № 6? № 1 былъ,—вѣроятно,—террористъ. Что же касается № 6, то онъ не обмѣнивался письмами съ остальными тремя заключенными и мы знаемъ о немъ лишь изъ писемъ Нечаева. Это—нѣкто Шевичъ—офицеръ, академикъ, доведенный крѣпостью до потери разсудка, крики котораго были слышны всѣмъ проходящимъ у стѣнъ равелина. Въ чемъ заключалась его вина? Онъ не былъ политическимъ преступникомъ; онъ не принадлежалъ ни къ какой революціонной организаціи; даже имя его неизвѣст-

но революціонерамъ. Въ чемъ же, однако, его вина?

. . . . . .

Мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Но исторія съ Шевичемъ должна быть извѣстна въ Петербургѣ, и рано или поздно, правда обнаружится. Мы увѣрены лишь въ одномъ, а именно, что Шевичъ не былъ политическимъ преступникомъ и не былъ замѣшанъ ни въ какое политическое дѣло, начиная съ 1866 года. Онъ былъ доведенъ до безумія въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ видѣ наказанія за какой-то проступокъ иного характера.

Являются ли „oubliettes“ Алексѣевскаго равелина единственными въ Россіи? — Конечно нѣтъ. Кто знаетъ, сколько ихъ можетъ быть въ другихъ крѣпостяхъ, но мы знаемъ теперь навѣрное объ „oubliettes“ Соловецкаго монастыря, расположеннаго на одномъ изъ острововъ Бѣлаго моря.

Въ 1882 г. мы съ чувствомъ громадной радости прочли въ петербургскихъ газетахъ, что одинъ изъ узниковъ, просидѣвшій въ Соловецкомъ казематѣ *пятнадцать лѣтъ*, выпущенъ, наконецъ, на свободу. Я имѣю въ виду Пушкина. Въ 1858 г. онъ пришелъ къ заключенію, что ученіе православной вѣры не соотвѣтствуетъ истинѣ. Онъ изложилъ свои идеи въ формѣ книги и схематическихъ рисунковъ; дважды, въ 1861 и 1863 гг., ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ обратился къ церковнымъ властямъ съ просьбой опубликовать его работу.— „Міръ“, — говорилъ Пушкинъ, — „погрязъ въ грѣхахъ; Христосъ не вполнѣ совершилъ его спасеніе, для этого долженъ придти новый Мессія“. Подобныя идеи повели въ 1866 г. къ его аресту и высылкѣ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, въ Соловецкую тюрьму, конечно, безъ всякаго слѣдствія и суда. Тамъ его посадили въ темную и сырую камеру, въ которой продержали пятнадцать лѣтъ. У него была жена, но ей въ теченіе 14 лѣтъ не разрѣшали повидаться съ мужемъ, т.-е. вплоть до 1881 года. Лорисъ-Меликовъ, очутившійся въ роли диктатора послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, далъ ей разрѣшеніе, а до того времени Пушкина держали

какъ государственнаго преступника въ строжайшемъ секретѣ. Никому не было разрѣшено входить въ его казематъ за все это время, кромѣ архимандрита монастыря: лишь въ видѣ исключенія, однажды въ казематъ былъ допущенъ извѣстный путешественникъ Г. Диксонъ. Пругавинъ, который былъ чиновникомъ при архангельскомъ губернаторѣ, посѣтилъ Пушкина въ 1881 г. Послѣднему, во время визита Пругавина, было уже 55 лѣтъ и онъ сказалъ своему посѣтителю: „Я не знаю, въ чемъ моя вина и не знаю, какъ оправдаться. Мнѣ говорятъ:—„Присоединись къ церкви, отрекись отъ своихъ ересей и тебя освободятъ“.—Но какъ я могу сдѣлать это? Я пожертвовалъ всѣмъ ради моихъ убѣжденій: имуществомъ, семейнымъ счастьемъ, цѣлой жизнью... Какъ я могу отречься отъ моихъ убѣжденій? Лишь время покажетъ, былъ ли я правъ, какъ я надѣюсь. А если я былъ неправъ, если то, во что я вѣрилъ, лишь казалось мнѣ правдой—тогда пусть эта тюрьма будетъ моимъ гробомъ“! Въ 1881 г., какъ мы сказали выше, женѣ Пушкина было разрѣшено свиданіе съ нимъ, и она вслѣдъ за тѣмъ немедленно отправилась въ Петербургъ — хлопотать объ его освобожденіи. Къ этому времени Пругавинъ успѣлъ разсказать объ этой ужасной исторіи въ одномъ журналѣ и нѣсколькихъ газетахъ. Пресса заговорила о „милосердіи“ и Пушкина освободили; но — его держали пятнадцать лѣтъ въ „oubliette“ *).

Былъ ли Пушкинъ единственнымъ лицомъ, которое мучили подобнымъ образомъ? Не думаю. Около 15 лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ моихъ друзей, нѣмецкій геологъ Гёбель, „открылъ“ въ Соловкахъ одного артиллерійскаго офицера, находившагося въ положеніи Пушкина.

---

*) Сомнѣвающіеся въ справедливости вышеприведеннаго могутъ найти изложеніе этого возмутительнаго дѣла, сдѣланное г. Пругавинымъ въ „Русской Мысли“ (1881 г.); его же статьи объ этомъ были помѣщены въ „Голосѣ“ и въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (15 ноября 1881 г.).

Мы дѣлали всевозможные попытки въ Петербургѣ, обращались къ различнымъ вліятельнымъ лицамъ—съ цѣлью добиться его освобожденія. Въ его судьбѣ удалось заинтересовать даже одну изъ великихъ княгинь. Но всѣ наши хлопоты и усилія не повели ни къ чему и, можетъ быть, несчастный до сихъ поръ томится въ „тюрьмѣ“, если только онъ не умеръ.

Надо замѣтить, впрочемъ, что послѣднее время русскому правительству не везетъ съ его «oubliettes». Прежде, если кто-нибудь переступалъ сводчатую арку крѣпости, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, онъ, обыкновенно, безслѣдно исчезалъ. Десять, двадцать лѣтъ могло пройти и объ исчезнувшемъ не было ничего извѣстно, за исключеніемъ слуховъ, передававшихся подъ большимъ секретомъ въ семейномъ кружкѣ. Что же касается тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе попасть въ Алексѣевскій равелинъ, — русскіе самодержцы были твердо увѣрены, что никакой слухъ о постигшей узниковъ судьбѣ не просочится сквозь гранитныя стѣны крѣпости. Но положеніе дѣлъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнилось, и, можетъ быть, эта перемѣна лучше всего указываетъ, насколько упалъ престижъ самодержавія По мѣрѣ того, какъ росло число враговъ существующаго режима, росло и число заключенныхъ въ крѣпости, пока не достигло такого количества, которое сдѣлало невозможнымъ погребеніе узниковъ заживо, какъ это практиковалось съ ихъ предшественниками. Самодержавію пришлось пойти на уступки общественному мнѣнію; правительство нашло невозможнымъ предавать смертной казни или ссылать на всю жизнь въ Сибирь всѣхъ тѣхъ, кто былъ когда-либо заключенъ въ крѣпости. Нѣкоторые изъ нихъ въ концѣ концовъ были высланы въ «менѣе отдаленныя мѣста имперіи», какъ напр. въ Колу, и ухитрились бѣжать оттуда. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ разсказалъ въ европейской прессѣ исторію своего заключенія. *). Да и самая крѣпость мало по малу потеряла свой таинственный характеръ.

*) И. Павловскій, въ серіи статей, напечатанныхъ въ Парижскомъ Temps, съ предисловіемъ И. С. Тургенева.

Рядъ казематовъ Трубецкого бастіона былъ построенъ въ 1873 г. Я былъ однимъ изъ первыхъ постояльцевъ, попавъ туда въ началѣ 1874 г. Тогда бастіонъ, дѣйствительно, былъ могилой. Ничего, кромѣ тщательнѣйшимъ образомъ просмотрѣнныхъ писемъ, не выходило изъ него. Насъ, заключенныхъ, было всего шесть человѣкъ на 36 камеръ верхняго этажа, такъ что другъ отъ друга насъ отдѣляли 4—5 камеръ. Пять солдатъ караулили корридоръ, значитъ, на дверь каждой камеры приходилось почти по солдату, причемъ за каждымъ солдатомъ, въ свою очередь, слѣдилъ недавно произведенный унтеръ-офицеръ, слѣдилъ со всею ревностью новичка, желающаго выслужиться. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, никакія сношенія между заключенными не были возможны; еще менѣе были возможны подобныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Эта система была лишь тогда заведена и работала безукоризненно: взаимное шпіонство было доведено до такого совершенства, какъ будто это былъ іезуитскій монастырь.

Но не успѣло пройти и двухъ лѣтъ, какъ система начала портиться. Начальство убѣдилось, что революціонеры,—какими-то невѣдомыми путями,—оказываются освѣдомленными обо всемъ, происходящемъ въ Трубецкомъ бастіонѣ. Въ крѣпости не удерживались больше государственные секреты. При немногихъ свиданіяхъ, начальствомъ принимались самыя строжайшія предосторожности. Въ концѣ 1875 г. намъ даже не дозволяли близко подходить къ пришедшимъ на свиданія роднымъ: между ними и нами всегда находился полковникъ бастіона и жандармскій офицеръ. Позднѣе, какъ мнѣ говорили, была введена желѣзная рѣшетка и другія «послѣднія слова цивилизаціи». Но всѣ эти предосторожности ни къ чему не повели и, по словамъ моего друга Степняка, изъ бастіона получалась масса писемъ.

Былъ приспособленъ рядъ казематовъ, въ которыхъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, не были помѣщаемы арестанты (такъ называемыя испытательныя камеры Трубецкого равелина). Правительство надѣялось, что въ этихъ камерахъ оно можетъ похоронить заживо своихъ враговъ

и что теперь ужъ объ ихъ судьбѣ никто не узнаетъ. Но какими-то путями письма успѣвали проникать даже сквозь толстыя стѣны равелина; мало того,—эти письма публиковались въ революціонной прессѣ. Такимъ образомъ, обнаружились тайны одного изъ самыхъ секретныхъ уголковъ крѣпости. Еще позднѣе нѣкоторые изъ заключенныхъ въ вышеуказанныхъ казематахъ увидѣли, въ концѣ концовъ, свѣтъ божій. Весьма вѣроятно, что сначала правительство думало держать ихъ замурованными въ равелинѣ въ теченіе двѣнадцати-двадцати лѣтъ, т.-е. весь срокъ каторги, на который они были осуждены, а, можетъ быть, и въ теченіе всей ихъ жизни. Но, опять-таки, въ страшный равелинъ попадала такая масса народа и узники умирали или сходили съ ума въ немъ съ такою быстротою, что пришлось оставить первоначальный планъ, и когда многіе изъ заключенныхъ были уже на краю могилы,—выслать ихъ въ Сибирь.

Но все же въ крѣпости имѣлись „oubliettes“, откуда не проникала никакая вѣсть, можетъ быть, съ того времени, какъ онѣ были построены. Я имѣю въ виду, конечно, Алексѣевскій равелинъ, эту государственную тюрьму par excellence, нѣмую свидѣтельницу столькихъ преступленій русскаго правительства. Всякій въ Петербургѣ знакомъ съ ея страшнымъ именемъ. Правительство считало этотъ равелинъ самымъ надежнымъ мѣстомъ и въ немъ содержалось всего два человѣка. Но, какъ читатели видѣли, лишь только въ равелинѣ оказалось вмѣсто двухъ—четыре заключенныхъ, нѣмой равелинъ началъ выдавать свои тайны. Караульные солдаты попали подъ судъ. Но кто поручится, что новые солдаты, назначенные на мѣсто прежнихъ, не будутъ передавать писемъ изъ равелина?

Вслѣдъ затѣмъ правительство... возстановило тюрьму въ Шлиссельбургѣ *).

---

*) Писано въ 1882 году.

Въ 60 верстахъ отъ Петербурга, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, стоитъ эта мрачная крѣпость на одинокомъ островѣ. Вокругъ нея расположенъ маленькій заброшенный городокъ, за всѣми жителями котораго легко слѣдить,—такъ что цѣлые годы могутъ пройти, прежде чѣмъ революціонеры смогутъ найти какіе-либо пути для сношенія съ крѣпостью и для пропаганды въ ея предѣлахъ. Такимъ образомъ, русское правительство, настолько нуждающееся въ средствахъ, что оно не можетъ истратить какихъ-нибудь 10.000 руб. для починки сгнившихъ и разваливающихся зданій Карійской тюрьмы, не задумалось истратить 150.000 руб. для приспособленія Шлиссельбургской крѣпости въ новую государственную тюрьму, куда будутъ посылаемы наиболѣе энергичные революціонеры, приговариваемые къ каторжнымъ работамъ. Судя по израсходованнымъ деньгамъ, можно бы подумать, что новая тюрьма, по удобствамъ и роскоши, представляетъ нѣчто въ родѣ дворца; но дѣло въ томъ, что деньги расходовались не столько въ цѣляхъ удобства арестантовъ, сколько на приспособленія для тщательнѣйшаго надзора за ними и на предотвращеніе какихъ-либо попытокъ ихъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

Кто былъ посланъ туда? Намъ извѣстно около дюжины именъ, но сколько тамъ заключенныхъ—никто не можетъ сказать. Какова будетъ ихъ дальнѣйшая судьба? Опять-таки никому неизвѣстно. Не попытаются ли утопить ихъ тамъ? Можетъ быть... Или ихъ разстрѣляютъ одного за другимъ, «за нарушеніе тюремной дисциплины», какъ разстрѣляли Минакова, или полковника Ашенбреннера *), который былъ „помилованъ“ и былъ посланъ

*) Я нарочно оставляю это мѣсто безъ перемѣны. Оно показываетъ, въ какомъ невѣдѣніи были всѣ въ Россіи относительно того, что дѣлалось въ Шлиссельбургѣ. Теперь извѣстно, что Минаковъ, дѣйствительно, былъ разстрѣлянъ, но Ашенбреннеръ остался въ живыхъ. Но и эта Бастилія теперь открыла свои тайны. Всеобщая стачка въ октябрѣ 1905 года освободила десять жертвъ даже изъ Шлиссельбурга.

въ Шлиссельбургъ лишь для того, чтобы его тамъ тайкомъ разстрѣляли! Или ихъ оставятъ въ покоѣ, ожидая, пока они, одинъ за другимъ, перемрутъ, снѣдаемые цынгой и чахоткой? Возможно и это. Никто до сихъ поръ не знаетъ дальнѣйшей судьбы Шлиссельбургскихъ узниковъ. Скрытые за толстыми стѣнами крѣпости, тюремщики и придворные могутъ дѣлать съ заключенными, что имъ заблагоразсудится,—пока не настанетъ день русскаго «14-го іюля», который смететъ съ лица земли и эти позорныя тюрьмы и позорящихъ міръ тюремщиковъ.

ГЛАВА IV.

Отверженная Россія.

На пути въ Сибирь.

Сибирь,—страна изгнанія,—всегда являлась въ представленіи европейцевъ страной ужасовъ, страной цѣпей и кнута, гдѣ арестантовъ засѣкаютъ на смерть жестокіе чиновники или убиваютъ непосильной работой въ рудникахъ, страной, въ которой народные массы стонутъ отъ невыносимыхъ страданій и въ которой враги русскаго правительства подвергаются страшнымъ преслѣдованіямъ. Навѣрное каждый, кто пересѣкалъ Уральскія горы и останавливался на водораздѣлѣ, гдѣ стоитъ столбъ, съ надписью „Европа“ на одной сторонѣ и „Азія“ на другой, — не могъ побороть чувства нѣкотораго ужаса, при мысли, что онъ вступаетъ въ страну скорбей... Многіе путешественники, вѣроятно, думали про себя, что цитата изъ Дантовскаго „Ада“ была бы болѣе умѣстна на этомъ пограничномъ столбѣ, чѣмъ вышеприведенныя слова, которыя претендуютъ разграничить два материка.

Но, по мѣрѣ того, какъ путешественникъ спускается ниже къ роскошнымъ степямъ Западной Сибири; по мѣрѣ того, какъ онъ наблюдаетъ сравнительную зажиточность и вмѣстѣ съ тѣмъ независимость сибирскихъ

крестьянъ и сравниваетъ эти черты ихъ быта съ нищетой и рабскимъ положеніемъ крестьянъ въ Россіи,—онъ начинаетъ задумываться, знакомясь съ гостепріимствомъ „сибиряковъ“, которыхъ онъ считаетъ бывшими каторжниками, а также съ интеллигентнымъ обществомъ сибирскихъ городовъ, и не видя въ тоже время никакихъ признаковъ ссылки, не слыша о ней ни слова въ повседневныхъ разговорахъ, или же лишь въ формѣ хвастливаго заявленія „сибиряка“, — этого восточнаго янки, что ссыльнымъ въ Сибири живется лучше, чѣмъ крестьянамъ въ Россіи, — путешественникъ склоненъ бываетъ подумать, что его прежнія представленія о великой ссыльной колоніи были нѣсколько преувеличены и, что, въ концѣ-концовъ, ссыльнымъ, можетъ быть, и не такъ плохо въ Сибири, какъ объ этомъ говорили сантиментальные писатели.

Многіе путешественники по Сибири,—и не одни лишь иностранцы,—впадали въ подобную ошибку. Лишь какая-нибудь случайность: встрѣча съ арестантской партіей, тянущейся по невылазной грязи, подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ, или возстаніе поляковъ по круго - байкальской дорогѣ, или встрѣча съ ссыльнымъ въ якутскихъ дебряхъ, въ родѣ описанной съ такой теплотой Адольфомъ Эрманомъ въ его „Путешествіяхъ“, — лишь одно изъ подобныхъ случайныхъ обстоятельствъ можетъ натолкнуть путешественника на размышленія и помочь ему раскрыть истину, трудно замѣчаемую, благодаря оффиціальной лжи и обывательской индифферентности; повторяемъ, обыкновенно лишь такія случайности открываютъ глаза путешественнику и онъ начинаетъ видѣть ту бездну страданій, которая скрывается подъ этими простыми тремя словами: *ссылка въ Сибирь*. Тогда онъ начинаетъ понимать, что, помимо оффиціальной исторіи Сибири, имѣется другая, глубоко печальная исторія, страницы которой, со времени завоеванія Сибири и до настоящаго времени, написаны кровью и повѣствуютъ о безконечныхъ страданіяхъ. Тогда онъ узнаетъ, что какъ ни мрачно народное представленіе о Сибири, но все-таки свѣтлѣе ужасающей дѣйствительности; онъ видитъ, что потрясающіе разсказы, которые ему прихо-

дилось слышать давно, еще во времена дѣтства, и которые онъ считалъ принадлежащими къ области давно минувшаго, являются лишь слабымъ воспроизведеніемъ того, что совершается каждый день, теперь, въ настоящемъ столѣтіи, которое такъ много говоритъ о гуманитарныхъ принципахъ и такъ мало ихъ примѣняетъ.

Эта исторія уже тянется въ продолженіи трехъ столѣтій. Какъ только московскіе цари узнали, что ихъ вольные казаки завоевали новую страну „за Камнемъ“ (какъ тогда называли Уралъ), они начали посылать туда партіи ссыльныхъ. Казаки разселили этихъ ссыльныхъ по рѣкамъ и тропамъ, проложеннымъ между сторожевыми башнями, которыя постепенно, въ теченіи 70 лѣтъ, были построены отъ устьевъ Камы до Охотскаго моря. Гдѣ вольные поселенцы не хотѣли селиться, тамъ закованные колонисты должны были вступать въ отчаянную борьбу съ дикой природой. Что же касается до тѣхъ, кого московскіе цари считали самыми опасными врагами, то ихъ мы находимъ среди самыхъ заброшенныхъ казачьихъ отрядовъ, посланныхъ „за горы разъискивать новыя землицы“. Никакое разстояніе не казалось боярамъ достаточнымъ, чтобы отдѣлить этихъ враговъ отъ царской столицы. И какъ только выстраивался самый маленькій острожокъ или воздвигался монастырь, гдѣ-нибудь, на самомъ краю царскихъ владѣній, — за полярнымъ кругомъ, въ тундрахъ Оби, или за горами Даурiи, — и ссыльные были уже тамъ и собственными руками строили башни, которыя должны были стать ихъ могилами.

Даже теперь Сибирь, съ ея крутыми горами, съ ея непроходимыми лѣсами, бѣшеными рѣками, и суровымъ климатомъ осталась одной изъ самыхъ трудно доступныхъ странъ. Легко представить, чѣмъ она была три вѣка тому назадъ. И теперь Сибирь — осталась тою областью русской имперiи, гдѣ произволъ и грубость чиновниковъ безграничны. Каково же было здѣсь въ XVII столѣтіи? „Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, пытки жестокія, — огонь да встряска, — люди голодные. лишь станутъ мучить, анъ и умретъ“, — писалъ протопопъ

Аввакумъ, попъ старой вѣры, который шелъ съ одной изъ первыхъ партій, посланною на Амуръ.—„Долго ли муки сея, протопопъ, будетъ"?—спрашивала его жена, упавъ отъ изнеможенія на льду рѣки послѣ путешествія, которое тянулось уже пятый годъ. — „До самыя смерти, Марковна, до самыя смерти",—отвѣчалъ этотъ предшественникъ людей съ желѣзными характерами нашей эпохи; и оба, и мужъ и жена, шли въ дальнѣйшій путь, въ концѣ котораго протопопъ будетъ прикованъ цѣпями къ стѣнѣ мерзлой ямы, вырытой его собственными руками.

Начиная съ XVII вѣка потокъ ссыльныхъ, направлявшихся въ Сибирь, никогда не прерывалъ своего теченія. Въ первые же годы въ Пелымъ ссылаются жители Углича, вмѣстѣ со своимъ колоколомъ, который билъ въ набатъ, когда разнеслась вѣсть, что царевичъ Димитрій предательски убитъ по приказу Бориса Годунова. И люди, и колоколъ были сосланы въ глухую деревушку на окраинѣ тундры. И у людей и у колокола были вырваны языки и оторваны уши. Позднѣе, вслѣдъ за ними идетъ безконечный рядъ раскольниковъ, взбунтовавшихся противъ аристократическихъ нововведеній Никона въ управленіе церковью. Тѣ изъ нихъ, которые не погибли во время массового избіенія въ Россіи, шли населять сибирскія пустыни. За ними вскорѣ послѣдовали массы крѣпостныхъ, пытавшіяся сбросить недавно наложенное на нихъ ярмо; вожди московской черни, взбунтовавшейся противъ боярскаго правленія; стрѣльцы, возставшіе противъ всесокрушающаго деспотизма Петра I; украинцы, боровшіеся за автономію своей родины и ея древнія учрежденія; представители различныхъ народностей, не хотѣвшихъ подчиниться игу возникающей имперіи; поляки, ссылаемые десятками тысячъ одновременно послѣ каждой неудачной попытки возстанія и сотнями ежегодно за проявленія неумѣстнаго, по мнѣнію русскаго правительства, „патріотизма". Наконецъ, позднѣе, сюда попадаютъ всѣ тѣ, кого Россія боится держать въ своихъ городахъ и деревняхъ — убійцы и просто бродяги, раскольники и непокорные, воры и бѣдняки, которые не въ состояніи

заплатить за свой паспортъ; крѣпостные, навлекшіе на себя неудовольствіе господъ; еще позднѣе, „вольные крестьяне“, не угодившіе какому-нибудь исправнику или не смогшіе заплатить растущихъ съ каждымъ годомъ податей, — всѣ они идутъ умирать въ мерзлыхъ болотахъ, непроходимой тайгѣ, мрачныхъ рудникахъ. И этотъ потокъ течетъ неудержимо до нашихъ дней, увеличиваясь въ устрашающей пропорціи. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Сибирь ссылалось отъ 7000 до 8000 человѣкъ; теперь, въ концѣ столѣтія, ссылка возросла до 19000—20000 въ годъ, не считая такихъ годовъ, когда цифра эта почти удваивалась, какъ это было, напр., вслѣдъ за послѣднимъ польскимъ возстаніемъ; такимъ образомъ, начиная съ 1823 года (когда впервые завели статистику ссыльныхъ) въ Сибирь попало болѣе 700000 человѣкъ.

Къ сожалѣнію, немногіе изъ тѣхъ, кому пришлось пережить ужасы каторжныхъ работъ и ссылки въ Сибирь, занесли на бумагу результаты своего печальнаго опыта. Это сдѣлалъ, какъ мы видѣли, протопопъ Аввакумъ и его посланія до сихъ поръ распаляютъ фанатизмъ раскольниковъ. Печальная исторія Меньшикова, Долгорукихъ, Бирона и другихъ ссыльныхъ, принадлежавшихъ къ знати, сохранена для потомства почитателями ихъ памяти. Нашъ молодой поэтъ-республиканецъ, Рылѣевъ, прежде, чѣмъ его повѣсили въ 1827 г., успѣлъ разсказать въ трогательной поэмѣ „Войнаровскій“ о страданіяхъ этого украинскаго патріота. Воспоминанія нѣкоторыхъ декабристовъ и поэмы Некрасова „Дѣдушка“ и „Русскія женщины“ до сихъ поръ наполняютъ сердца русской молодежи любовью къ угнетаемымъ и ненавистью къ угнетателямъ. Достоевскій въ своемъ знаменитомъ „Мертвомъ домѣ“, этомъ замѣчательномъ психологическомъ изслѣдованіи тюремнаго быта, разсказалъ о своемъ заключеніи въ Омской крѣпости послѣ 1848 года; нѣсколько поляковъ описали мученическую жизнь ихъ друзей послѣ революцій 1831 и 1848 гг.. Но что такое всѣ эти страданія, когда сравнишь ихъ съ тѣми муками, которыя должны были вынести болѣе чѣмъ полмилліона людей изъ народа, на-

чиная съ того дня, когда они, прикованные къ желѣзному пруту, отправлялись изъ Москвы въ двухлѣтнее или трехлѣтнее путешествіе къ Забайкальскимъ рудникамъ, вплоть до того дня, когда, сломленные тяжкимъ трудомъ и лишеніями, они умирали, отдѣленные пространствомъ въ семь—восемь тысячъ верстъ отъ родныхъ деревень, умирали въ странѣ, самый видъ которой и обычаи были также чужды для нихъ, какъ и постоянные обитатели этой страны, сибиряки,—крѣпкая, интеллигентная, но эгоистическая раса!

Что такое страданія этихъ немногихъ культурныхъ или высокорожденныхъ людей, когда сравниваешь ихъ съ терзаніями тысячъ, корчившихся подъ плетью и кнутомъ легендарнаго изверга, Разгильдѣева, котораго имя до сихъ поръ съ ужасомъ произносится въ Забайкальскихъ деревняхъ; когда сравниваешь ихъ съ мученіями тѣхъ, кто, подобно польскому доктору Шокальскому и его товарищамъ, умеръ во время *седьмой тысячи* шпицрутеновъ за попытку къ побѣгу; или когда сравниваешь ихъ со страданіями тѣхъ тысячъ женщинъ, которыя послѣдовали въ ссылку за своими мужьями и которыхъ лишь смерть освобождала отъ жизни, полной голода, скорбей и униженій; и, наконецъ, со страданіями тѣхъ тысячъ бродягъ, которые пытаются бѣжать изъ Сибири и пробираются черезъ дикую тайгу, питаясь грибами и ягодами, поддерживаемые лишь надеждою, что, можетъ быть, имъ удастся взглянуть на родное село, увидѣть родныя лица?

И кто, наконецъ, повѣдалъ міру о менѣе бросающихся въ глаза, но не менѣе удручительныхъ страданіяхъ тысячъ людей, влекущихъ безполезную жизнь въ глухихъ деревушкахъ дальняго сѣвера и нерѣдко заканчивающихъ свое безконечно унылое существованіе, бросаясь съ тоски въ холодныя волны Енисея? Максимовъ попытался, въ своей работѣ „Сибирь и Каторга“, поднять слегка завѣсу, скрывающую эти страданія; но ему удалось показать лишь маленькій уголокъ мрачной картины. Полная исторія этихъ страданій пока остаётся,—и, вѣроятно, навсегда останется, — неизвѣстной; характерныя ея черты стираются съ каждымъ днемъ, остав-

ляя послѣ себя лишь слабые слѣды въ народныхъ сказаніяхъ и въ арестантскихъ пѣсняхъ; каждое новое десятилѣтіе налагаетъ свои новыя черты, принося новыя формы страданія все растущему количеству ссыльныхъ.

Само собой разумѣется, — я не могу набросать эту картину, во всей ея полнотѣ, въ узкихъ границахъ настоящей моей работы. Мнѣ придется ограничиться ссылкою, скажемъ, — за послѣдніе десять лѣтъ. Не менѣе 165.000 человѣческихъ существъ было отправлено въ Сибирь въ теченіи этого сравнительно короткаго періода времени. Если бы всѣ ссыльные были „преступниками", то такая цыфра была бы высокой для страны, съ населеніемъ въ 80.000.000 душъ. Но дѣло въ томъ, что лишь половина ссыльныхъ, переваливающихъ за Уралъ, высылаются въ Сибирь по приговорамъ судовъ. Остальная половина ссылается безъ всякаго суда, по административному распоряженію или по приговору волостного схода, почти всегда подъ давленіемъ всемогущихъ мѣстныхъ властей. Изъ 151,184 ссыльныхъ, перевалившихъ черезъ Уралъ въ теченіи 1867 — 1876 годовъ, не менѣе 78,676 принадлежало къ послѣдней категоріи. Остальные шли по приговорамъ судовъ: 18,582 на каторгу, и 54,316 на поселеніе въ Сибирь, въ большинствѣ случаевъ на всю жизнь, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ или всѣхъ гражданскихъ правъ *).

*) Наша уголовная статистика страдаетъ такими несовершенствами, что болѣе или менѣе точная классификація ссыльныхъ—очень затруднительна. Намъ извѣстна лишь одна хорошая работа, посвященная этому вопросу и принадлежащая перу г. М. Анучина; работа эта издана нѣсколько лѣтъ тому назадъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и награждена большой золотой медалью. Въ ней сведены данныя уголовной статистики съ 1827 по 1846 гг. Несмотря на устарѣлость статистическихъ данныхъ, приводимыхъ въ этой работѣ, они даютъ приблизительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣла въ настоящее время, такъ какъ современная статистика указываетъ, что, съ того времени, хотя *цыфровыя* данныя должны быть *удвоены*, но относительная пропорція различныхъ категорій ссыльныхъ осталась *почти той-же*. Такъ, напр., изъ 159,755 сосланныхъ въ періодъ съ 1827 по 1846 г. не менѣе 79,909 т.-е., 50% были высланы безъ суда, «административнымъ порядкомъ»; тридцать лѣтъ спустя, наблюдается почти

Въ 60-хъ годахъ ссыльнымъ приходилось совершать пѣшкомъ весь путь отъ Москвы до мѣста ихъ назначенія. Такимъ образомъ, имъ надо было пройти около 7000 верстъ, чтобы достигнуть каторжныхъ тюремъ Забайкалья и около 8000 верстъ, чтобы попасть въ Якутскую область, два года въ первомъ случаѣ и 2½ года—во второмъ. Съ того времени, въ способѣ транспорти-

---

та-же пропорція, а именно въ періодъ съ 1867 по 1876 изъ 151,184 ссыльныхъ, такихъ жертвъ произвола было 78,871 чел. То-же наблюдается и по отношенію къ другимъ категоріямъ ссыльныхъ. Судя по даннымъ, приводимымъ въ работѣ г. Анучина, изъ 79,846 сосланныхъ по приговору суда 14,531 (725 чел. въ годъ) судились за убійство; 14,248 обвинялись въ болѣе тяжелыхъ уголовныхъ преступленіяхъ, каковы поджегъ, грабежъ и подлогъ; 40,666 судились за воровство и 1426 за занятіе контрабандой; суммируя эти цыфры, получаемъ 70,871 чел. (около 3545 чел. въ годъ) такихъ преступниковъ, которые были бы осуждены кодексами любой европейской страны (хотя, конечно, при судѣ съ присяжными возможенъ былъ бы и значительный процентъ оправданій). Остальные (около 89000) попали въ ссылку въ громадномъ большинствѣ случаевъ за преступленія, которыя являлись прямымъ результатомъ политическаго строя Россіи. А именно: за бунтъ противъ помѣщиковъ и властей — 16,456; проявленіе сектантскаго фанатизма — 2138 чел.; побѣгъ съ военной службы (которая тогда продолжалась 25 лѣтъ)—1651 и за побѣгъ изъ Сибири, въ большинствѣ случаевъ изъ административной ссылки, — 18,328. Наконецъ, мы находимъ громадное число — 48,466 чел.—„бродягъ", относительно которыхъ г. Анучинъ замѣчаетъ: „Бродяжество это въ большинствѣ случаевъ было ничто иное, какъ отлучка въ сосѣднюю губернію *безъ паспорта*"; изъ вышеуказаннаго числа по меньшей мѣрѣ 40.000 чел. „были высланы за проступки противъ паспортной системы",—(т.-е., это были люди, у которыхъ голодала семья и у которыхъ не было 5 или 10 рублей для уплаты за паспортъ, чтобы уйти искать работу напр. изъ Калуги или Тулы въ Одессу или Астрахань). Далѣе г. Анучинъ замѣчаетъ: „что же касается 80.000 чел., сосланныхъ административнымъ порядкомъ, то мы не только сомнѣваемся въ ихъ преступности, но сомнѣваемся даже въ самомъ существованіи такихъ преступленій, которые были имъ приписаны". Число такого рода „преступниковъ" съ тѣхъ поръ не уменьшилось. Оно почти удвоилось, какъ и цыфры другихъ категорій. Россія ежегодно посылаетъ въ Сибирь, въ пожизненную ссылку, 4—5000 мужчинъ и женщинъ, которые въ другихъ странахъ были бы присуждены къ нѣсколькимъ рублямъ. Къ подобнаго рода „преступникамъ" необходимо прибавить еще около 1500 женщинъ и 2—2500 дѣтей, ежегодно слѣдующихъ въ Сибирь за мужьями и родителями, безвинно перенося всѣ ужасы этапнаго путешествія по Сибири и всѣ невзгоды ссылки.

ровки введены нѣкоторыя улучшенія. Теперь ссыльныхъ собираютъ со всѣхъ концовъ Россіи въ Москву или Нижній-Новгородъ, откуда ихъ препровождаютъ на пароходѣ до Перми, оттуда желѣзной дорогой до Екатеринбурга, затѣмъ на лошадяхъ до Тюмени и, наконецъ, опять на параходѣ до Томска. Такимъ образомъ, ссыльнымъ приходится идти пѣшкомъ, какъ выражается авторъ одной англійской книжки о ссылкѣ въ Сибирь,— «лишь пространство за Томскомъ». Но, переводя на языкъ цыфръ, это пустячное «пространство», напр. отъ Томска до Кары, будетъ равняться 3100 верстамъ, т.-е. около девяти мѣсяцевъ пути пѣшкомъ. А если арестантъ посылается въ Якутскъ, то ему придется идти только 4400 верстъ. Но русское правительство открыло, что даже Якутскъ является мѣстомъ черезчуръ близкимъ отъ Петербурга для высылки туда политическихъ ссыльныхъ и оно посылаетъ ихъ теперь въ Верхоянскъ и Нижне-Колымскъ (по сосѣдству съ зимней стоянкой Норденшильда),—значитъ, къ вышеуказанному «пустячному» разстоянію надо прибавить еще около $2^1/_2$ тысячъ верстъ и мы опять получаемъ магическую цыфру 7000 верстъ, или, другими словами, два года пѣшей ходьбы.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что для значительнаго количества ссыльныхъ пѣшій путь сокращенъ на половину и они начинаютъ свое путешествіе по Сибири въ спеціально приспособленныхъ повозкахъ. Г. Максимовъ очень наглядно описываетъ, какъ арестанты въ Иркутскѣ, которымъ дозволили выразить ихъ мнѣніе о достоинствахъ этого громоздкаго сооруженія, немедленно заявили, что оно является наиболѣе нелѣпымъ приспособленіемъ для передвиженія, какое когда-либо было изобрѣтено на муку лошадямъ и арестантамъ. Эти повозки безъ рессоръ тащатся по неровнымъ кочковатымъ дорогамъ, вспаханнымъ колесами безконечныхъ обозовъ. Въ Западной Сибири, на болотистыхъ склонахъ восточнаго Урала, путешествіе въ этихъ повозкахъ превращается въ прямое мученіе, такъ какъ дорога вымощена бревнами, и напоминаетъ ощущеніе во всемъ тѣлѣ, если провести пальцемъ по всѣмъ кла-

вишамъ рояля, включая черныя. Путешествіе при такихъ условіяхъ не особенно пріятно даже для путника, лежащаго на толстой войлочной подстилкѣ въ удобномъ тарантасѣ; легко можно себѣ представить, что переносятъ арестанты, которымъ приходится сидѣть восемьдесятъ часовъ неподвижно на скамьѣ изобрѣтенной чиновникомъ повозки, едва прикрываясь какой-нибудь тряпкой отъ дождя и снѣга.

Къ счастью, подобное путешествіе продолжается лишь нѣсколько дней, такъ какъ въ Тюмени ссыльныхъ пересаживаютъ на спеціальныя баржи, плавучія тюрьмы, буксируемыя параходами, и черезъ 8—10 дней они прибываютъ въ Томскъ. Едва-ли нужно говорить, что превосходная идея сокращенія такимъ образомъ на половину длиннаго пути черезъ Сибирь, по обыкновенію, очень сильно пострадала при ея примѣненіи. Арестанскія баржи бываютъ настолько переполнены и находятся въ такомъ грязномъ состояніи, что, обыкновенно, являются очагами заразы. «Каждая баржа была построена для перевозки 800 арестантовъ и ихъ конвоя»,—говоритъ томскій корреспондентъ «Московскаго Телеграфа» (15 ноября, 1881 г.), вычисленіе размѣровъ баржи не было сдѣлано, однако, въ соотвѣтствіи съ требованіями гигіены; главнымъ образомъ принимались въ соображеніе интересы господъ пароходовладѣльцевъ, Курбатова и Игнатова. Эти господа занимаютъ для своихъ собственныхъ надобностей два отдѣленія, расчитанныхъ на 100 человѣкъ каждое, и такимъ образомъ 800 арестантовъ приходится размѣщаться на такомъ пространствѣ, которое первоначально назначалось лишь для 600 чел. Вентиляція баржъ очень плоха, въ сущности, для нея не сдѣлано никакихъ приспособленій; а отхожія мѣста—отвратительны». Корреспондентъ прибавляетъ, что «смертность на этихъ баржахъ очень велика, особенно среди дѣтей», и его сообщеніе вполнѣ подтверждается цыфрами оффиціальныхъ отчетовъ за прошлый годъ. Изъ нихъ видно, что отъ 8 до 10% всего числа арестантовъ умираетъ во время девятидневнаго путешествія на этихъ баржахъ, т.-е., отъ 60 до 80 чел. на 800 душъ.

„Здѣсь вы можете наблюдать“,—писали намъ друзья, сами совершившіе это путешествіе,— „настоящее царство смерти. Дифтеритъ и тифъ безжалостно подкашиваютъ и взрослыхъ и дѣтей, особенно послѣднихъ. Госпиталь, находящійся въ вѣдѣніи невѣжественнаго военнаго фельдшера, всегда переполненъ“.

Въ Томскѣ ссыльные останавливаются на нѣсколько дней. Часть изъ нихъ, особенно уголовные, высылаемые административно, отправляются въ какой-нибудь уѣздъ Томской губерніи, простирающейся отъ вершинъ Алтая на югѣ до Ледовитаго океана на сѣверѣ. Остальныхъ отправляютъ дальше на востокъ. Можно себѣ представить, въ какой адъ обращается Томская тюрьма, когда прибывающія каждую недѣлю арестантскія партіи не могутъ быть немедленно отправляемы въ Иркутскъ, вслѣдствіе разлива рѣкъ или какого-либо другого препятствія. Тюрьма эта была построена на 960 душъ, но въ ней никогда не бываетъ меньше 1300—1400 арестантовъ, а иногда ихъ число доходитъ до 2200 и даже болѣе. Почти всегда около 1/4 ихъ общаго числа бываютъ больны, а тюремный госпиталь можетъ помѣстить не болѣе 1/3 всего количества заболѣвающихъ; вслѣдствіе этого больные остаются въ тѣхъ же камерахъ, валяясь на нарахъ или подъ нарами, на ряду съ здоровыми, причемъ переполненіе доходитъ до того, что тремъ арестантамъ приходится довольствоваться мѣстомъ, предназначеннымъ для одного. Стоны больныхъ, вскрикиванія находящихся въ бреду, хрипѣніе умирающихъ смѣшиваются съ шутками и хохотомъ здоровыхъ и руганью надзирателей. Испаренія этой грязной кучи человѣческихъ тѣлъ смѣшиваются съ испареніями ихъ грязной и мокрой одежды и обуви и вонью ужасной „параши“. — „Вы задыхаетесь, входя въ камеру и, во избѣжаніе обморока, должны поскорѣе выскочить изъ нея на свѣжій воздухъ; къ ужасной атмосферѣ, висящей въ камерахъ, подобно туману надъ рѣками, можно привыкнуть только исподоволь“,—таково свидѣтельство всѣхъ, кому приходилось посѣщать сибирскія тюрьмы. Камера „семейныхъ“ еще болѣе ужасна. „Здѣсь вы можете видѣть“,—говоритъ г. Мишла, сибирскій чинов-

никъ, завѣдывавшій тюрьмами, — „сотни женщинъ и дѣтей, стиснутыхъ въ крохотномъ пространствѣ, и переносящихъ невообразимыя бѣдствія“. Добровольно слѣдующія семьи ссыльныхъ не получаютъ казенной одежды. Такъ какъ ихъ жены, въ большинствѣ случаевъ, принадлежатъ къ крестьянскому сословію, то почти никогда не имѣютъ больше одной смѣны одежды; прожившп впроголодь чуть ли не съ того дня, когда мужъ, кормилецъ семьи, былъ арестованъ, онѣ одѣваютъ свою единственную одеженку и идутъ въ путь изъ Астрахани или Архангельска и, послѣ долгаго путешествія изъ одной тюрьмы въ другую, послѣ долгихъ годовъ задержекъ въ острогахъ и мѣсяцевъ пути, эта единственная одежда превращается въ изодранныя тряпки, едва держащіяся на плечахъ. Нагое изможденное тѣло и израненныя ноги выглядываютъ изъ подъ лохмотьевъ платья этихъ несчастныхъ женщинъ, сидящихъ на грязномъ полу, прожевывая черствый хлѣбъ, поданный добросердечными крестьянами. Среди этой массы человѣческихъ тѣлъ, покрывающихъ каждый вершокъ наръ и ютящихся подъ ними, вы нерѣдко можете увидѣть ребенка, умирающаго на колѣняхъ матери и рядомъ съ нимъ — другого, только что рожденнаго. Это новорожденное дитя является радостью и утѣхою женщинъ, изъ которыхъ каждая гораздо человѣчнѣе, чѣмъ любой смотритель или надзиратель. Ребенка передаютъ изъ рукъ въ руки, его дрожащее тѣльце прикрываютъ лучшими тряпками, ему расточаютъ самыя нѣжныя ласки... Сколько дѣтей выросло при такихъ условіяхъ! Одно изъ нихъ стоитъ теперь возлѣ меня, когда я пишу эти строки и повторяетъ мнѣ разсказы, которые она часто слышала отъ матери, о добротѣ „злодѣевъ“ и безчеловѣчіи „начальства“. Она разсказываетъ мнѣ объ игрушкахъ, которыми ее занимали арестанты во время томительнаго путешествія, — простыхъ игрушкахъ, въ которыя было вложено больше добраго сердца, чѣмъ искусства; она разсказываетъ о притѣсненіяхъ, о вымогательствахъ, о свистѣ нагаекъ, о проклятіяхъ и ударахъ, расточавшихся „начальствомъ“.

Тюрьма, однако, мало-по-малу освобождается отъ

излишка населенія: арестантскія партіи пускаются въ путь. Еженедѣльно партіи въ 500 чел. каждая, включая женщинъ и дѣтей, отправляются, если только погода и состояніе рѣкъ позволяетъ это, изъ Томской тюрьмы и пускаются въ длинный путь пѣшкомъ до Иркутска и Забайкалья. У тѣхъ, кому приходилось видѣть подобную партію въ пути, воспоминаніе о ней остается навсегда въ памяти. Русскій художникъ, Якоби, попытался изобразить ее на холстѣ; его картина производитъ удручающее впечатлѣніе, но дѣйствительность еще ужаснѣе.

Предъ вами—болотистая равнина, по которой носится леденящій вѣтеръ, взметая снѣгъ, начавшій покрывать замерзшую землю. Топи, заросшія тамъ и сямъ мелкимъ кустарникомъ и искривленными деревьями, согнувшимися отъ вѣтра и тяжести снѣга, тянутся кругомъ, насколько захватываетъ глазъ; до ближайшей деревни верстъ 30 разстоянія. Вдали, въ сумеркахъ обрисовываются силуэты пригорковъ, покрытыхъ густымъ сосновымъ лѣсомъ; по небу тянутся сѣрыя снѣжныя тучи. Дорога, утыканная по сторонамъ вѣхами, чтобы отличить ее отъ окружающей равнины, изрытая слѣдами тысячъ повозокъ, изрѣзанная колеями, могущими сломать самое крѣпкое колесо, вьется по обнаженной болотистой равнинѣ. Партія медленно плетется по этой дорогѣ; шествіе открываетъ рядъ солдатъ. За ними тяжело выступаютъ каторжане, съ бритой головой, въ сѣромъ халатѣ, съ желтымъ тузомъ на спинѣ, въ истрепанныхъ отъ долгаго пути котахъ, въ дыры которыхъ торчатъ тряпки, обертывающія израненныя ноги. На каждомъ каторжанинѣ надѣта цѣпь, заклепанная у щиколки, причемъ кольцо, охватывающее ногу, завернуто тряпкой—если ссыльному удалось собрать во время пути достаточно милостыни, чтобы заплатить кузнецу за болѣе снисходительную ковку. Цѣпь идетъ вверхъ по ногѣ и подвѣшивается на поясъ. Другая цѣпь тѣсно связываетъ обѣ руки и, наконецъ, третья соединяетъ отъ 6—8 арестантовъ. Каждое неловкое движеніе одного изъ такой сцѣпленной группы тотчасъ же чувствуется всѣми его товарищами по цѣпи; сильному приходится тащить за собою

слабыхъ: останавливаться нельзя, до этапа далеко, а осенніе дни коротки.

Вслѣдъ за каторжанами идутъ поселенцы, одѣтые въ такіе же сѣрые халаты и обутые также въ коты. Солдаты идутъ по бокамъ партіи, можетъ быть, размышляя о приказаніи, полученномъ при выступленіи:— „если арестантъ попытается бѣжать, стрѣляй въ него. Если убьешь — собакѣ собачья смерть, а ты получишь пять рублей награды!“ Въ хвостѣ партіи медленно движутся нѣсколько повозокъ, запряженныхъ изнуренными крестьянскими лошаденками. Онѣ завалены арестантскими мѣшками, а на верху ихъ нерѣдко привязаны веревками больные и умирающіе.

Позади повозокъ плетутся жены; немногимъ изъ нихъ удалось найти свободный уголокъ на заваленныхъ арестантскою кладью повозкахъ, чтобы приткнуться и онѣ сидятъ тамъ скорчившись, едва имѣя возможность пошевелиться; но большинство плетется за повозками, ведя дѣтей за руку или неся ихъ на рукахъ. Одѣтыя въ лохмотья, замерзая подъ холодной вьюгой, шагая почти босыми ногами по замерзшимъ колеямъ, вѣроятно, многія изъ нихъ повторяютъ вопросъ жены Аввакума: „Долго ли муки сея будетъ?“ Партію замыкаетъ наконецъ второй отрядъ солдатъ, которые подгоняютъ прикладами женщинъ, останавливающихся въ изнеможеніи отдохнуть на минуту среди замерзающей дорожной грязи. Процессія заканчивается экипажемъ, на которомъ возсѣдаетъ конвойный офицеръ *).

Когда партія вступаетъ въ какое-нибудь большое село, она обыкновенно затягиваетъ „милосердную“. „Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется...“ Эта, единственная въ своемъ родѣ, пѣсня состоитъ, въ сущности, изъ

---

*) Согласно русскимъ законамъ, семьи арестантовъ не подчинены контролю конвоя; но, въ дѣйствительности, съ ними обращаются, какъ съ арестантами. Приведу лишь одинъ примѣръ. Томскій корреспондентъ «Московскаго телеграфа» (3 ноября, 1881 г.) писалъ: «Мы встрѣтили арестантскую партію, вышедшую изъ Томска 14 сентября. Измученныя женщины и дѣти буквально завязали въ грязи и солдаты подгоняли ихъ побоями, чтобы они не отставали отъ партіи».

ряда воплей, единовременно вырывающихся изъ сотенъ грудей; это—скорбный разсказъ, въ которомъ съ дѣтскою простотою выраженій описывается горькая судьба арестанта; это — потрясающій призывъ русскаго ссыльнаго къ милосердію, обращенный къ крестьянамъ, судьба которыхъ нерѣдко мало чѣмъ отличается отъ его собственной. Вѣка страданій, скорбей и нищеты, преслѣдованій, задавливавшихъ самыя могучія силы нашего народа, слышатся въ этой рыдающей пѣснѣ. Ея звуки глубокой скорби напоминаютъ о пыткахъ прошлыхъ вѣковъ, о полузадушенныхъ крикахъ подъ палками и плетями нашего времени, о мракѣ тюремъ, о дикости тайги, о слезахъ стонущей жены. Крестьяне придорожныхъ сибирскихъ деревень понимаютъ эти звуки: они знаютъ ихъ дѣйствительное значеніе по собственному опыту и этотъ призывъ къ милосердію со стороны „несчастныхъ“,—какъ нашъ народъ называетъ арестантовъ,— всегда находитъ откликъ въ сердцахъ крестьянской бѣдноты; самая убогая вдова, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, спѣшитъ подать „несчастнымъ“ нѣсколько грошей или кусокъ хлѣба, низко кланяясь передъ ними, благодаря ихъ, что они не пренебрегаютъ ея бѣдной милостыней.

Къ вечеру, сдѣлавъ пѣшкомъ 20 или 30 верстъ, арестантская партія, наконецъ, достигаетъ этапа, на которомъ проводитъ ночь и отдыхаетъ цѣлыя сутки послѣ каждыхъ двухъ дней, проведенныхъ въ пути. Какъ только вдали покажутся высокія пали ограды, за которой помѣщается старое бревенчатое зданіе этапа, наиболѣе крѣпкіе изъ арестантовъ бѣгутъ впередъ, стараясь заблаговременно занять лучшія мѣста на нарахъ. Большинство этаповъ было построено лѣтъ 50 тому назадъ и, благодаря суровому климату и постоянному пребыванію въ нихъ сотенъ тысячъ арестантовъ, они страшно загрязнились и прогнили насквозь. Ветхое бревенчатое зданіе не въ состояніи уже дать защиту закованнымъ постояльцамъ; вѣтеръ и снѣгъ свободно проникаютъ въ зіяющія между бревнами щели; цѣлыя кучи обледенѣвшаго снѣга скопляются по угламъ камеръ. Этапы устроены на 150 человѣкъ; таковъ былъ средній размѣръ арестант-

скихъ партій лѣтъ 30 тому назадъ. Теперь же партіи доходятъ до 450—500 чел., и всѣ они должны размѣщаться на пространствѣ, скупо разсчитанномъ на 150 челов. *).

Аристократія тюрьмы—старые бродяги и извѣстные убійцы—занимаютъ всѣ этапныя нары; остальной арестантской массѣ, количествомъ въ 2—3 раза превосходящей „аристократію", приходится размѣщаться на сгнившемъ полу, густо покрытомъ липкой грязью, подъ нарами и въ проходахъ между ними. Легко можно себѣ представить атмосферу камеръ, когда ихъ двери заперты и онѣ переполнены человѣческими существами, лежащими въ обнаженномъ видѣ, имѣя подстилкой грязную одежду насквозь промокшую отъ дождя и снѣга во время пути.

Эти этапы, однако, являются дворцами, по сравненію съ полуэтапами, гдѣ арестантскія партіи останавливаются лишь для ночевки. Зданія полуэтаповъ еще меньше по размѣрамъ и, вообще, находятся въ еще болѣе ветхомъ и антисанитарномъ состояніи. Грязь, вонь и духота въ нихъ иногда доходятъ до такихъ размѣровъ, что арестантская партія предпочитаетъ проводить холодныя сибирскія ночи въ легкихъ лѣтнихъ баракахъ, построенныхъ на дворѣ, въ которыхъ нельзя разводить огонь. Полуэтапы почти никогда не имѣютъ отдѣльнаго помѣщенія для женщинъ и послѣднимъ приходится помѣщаться въ караульной комнатѣ съ солдатами (см. Максимова „Сибирь и Каторга"). Съ покорностью, свойственной „всевыносящимъ" русскимъ матерямъ, онѣ забиваются съ своими дѣтьми, завернутыми въ тряпки,

*) Согласно русскимъ законамъ, которые въ большинствѣ случаевъ были сочиняемы, не справляясь съ дѣйствительностью, воспрещается высылка подобныхъ, крупныхъ по количеству, арестантскихъ партій. Въ дѣйствительности же, теперь обыкновенная партія бываетъ около—480 чел. Въ 1881 г., согласно свѣдѣніямъ «Голоса», 6607 арестантовъ были высланы въ составѣ 16 партій, такимъ образомъ, въ среднемъ на партію приходилось — 406 чел. За этими партіями слѣдовало 954 женщины и 895 дѣтей; такимъ образомъ, въ сущности, на партію приходилось до 521 душъ. Въ 1884 г. средній размѣръ партіи былъ—около 400 чел. (300 мужчинъ и 100 женщинъ и дѣтей).

куда-нибудь въ самый отдаленный уголъ подъ нарами или ютятся у дверей, гдѣ стоятъ ружья конвойныхъ.

Неудивительно, что, согласно оффиціальной статистикѣ, изъ 2.561 дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ, отправившихся въ 1881 г. въ Сибирь съ родителями, «*выжило лишь очень незначительное количество*». „Большинство дѣтей", — говоритъ „Голосъ", — „не могло перенести очень тяжелыхъ условій пути и умерли или не дойдя до мѣста назначенія или немедленно по прибытіи въ Сибирь". „Безъ всякаго преувеличенія транспортировка въ Сибирь въ той формѣ, въ какой она практикуется теперь, воистину является „избіеніемъ младенцевъ" *).

Нужно ли прибавлять, что на этапахъ и полуэтапахъ не имѣется спеціальныхъ помѣщеній для заболѣвающихъ и что лишь люди, обладающіе исключительно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, могутъ остаться въ живыхъ, если заболѣютъ въ пути? На всемъ пространствѣ между Томскомъ и Иркутскомъ, занимающемъ около 4 мѣсяцевъ пути, имѣется всего лишь пять маленькихъ госпиталей, причемъ во всѣхъ ихъ въ совокупности не больше 100 кроватей. Судьба тѣхъ больныхъ, которымъ не удалось добраться до госпиталя, слѣдующимъ образомъ описывается въ „Голосѣ" (5-го января 1881 г.): „ихъ бросаютъ на этапахъ безъ какой-либо медицинской помощи. Въ камерахъ нѣтъ ни кроватей, ни тюфяковъ, ни одѣялъ и, конечно, никакого постельнаго бѣлья. Сорокъ одна съ половиною копейка, отпускаемыя ежедневно казной на каждаго больного арестанта, почти цѣликомъ попадаетъ въ карманы тюремнаго начальства".

Нужно ли упоминать о тѣхъ вымогательствахъ, со стороны этапныхъ сторожей, которымъ подвергаются ссыльные, не смотря на ихъ ужасающую нищету. Достаточно, впрочемъ, указать, что казна выдаетъ этимъ

*) Количество дѣтей, слѣдующихъ за арестантскими партіями, доходитъ теперь отъ 5000 до 8000 душъ. Многимъ изъ нихъ приходится проводить два года въ пути. Согласно свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (1883 г.) всѣ дѣвочки, достигшія 14-лѣтняго возраста и даже моложе, подвергаются въ пути растлѣнію.

этапнымъ сторожамъ, кромѣ пайка, всего только 3 руб. въ годъ. — „Печка развалилась, нельзя топить“, — говоритъ сторожъ, когда партія, иззябшая отъ дождя или снѣга, является на этапъ и арестантамъ приходится платить за разрѣшеніе—ростопить печку.—„Рама въ починкѣ“ говоритъ другой и партія опять платитъ за тряпки, чтобы заткнуть дыры, сквозь которыя дуетъ леденящій вѣтеръ.—„Вымойте полъ передъ уходомъ“, говоритъ третій, „а не хотите мыть—заплатите“ и партія опять платитъ, и т. д., и т. д. Наконецъ, нужно ли упоминать о томъ, какъ обращаются съ арестантами и ихъ семьями во время пути? Даже политическимъ ссыльнымъ пришлось въ 1881 г. бунтоваться противъ офицера, осмѣлившагося въ темномъ корридорѣ оскорбить одну изъ политическихъ ссыльныхъ. Съ уголовными же, конечно, церемонятся еще менѣе...

И все это относится не къ области отдаленнаго прошлаго. Увы, аналогичныя сцены происходятъ теперь, можетъ быть, въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки. Н. Лопатинъ, который совершилъ подобное путешествіе въ 80-мъ году и которому я показывалъ эти страницы, съ своей стороны вполнѣ подтверждаетъ точность моихъ описаній и сообщаетъ много другихъ подробностей, столь же возмутительнаго характера. Уничтожена—и то очень недавно — лишь одна мѣра, о которой я упоминалъ выше, а именно — сковка на одной цѣпи нѣсколькихъ арестантовъ. Эта ужасная мѣра отмѣнена въ январѣ, 1881 г. Теперь, на каждаго арестанта надѣвается отдѣльная пара ручныхъ кандаловъ. Но все же цѣпь, соединяющая эти кандалы настолько коротка, что кисти рукъ, вслѣдствіе ненормальнаго положенія, чрезвычайно устаютъ во время 10—12-ти часоваго пути, не говоря уже о томъ, что, благодаря страшнымъ сибирскимъ морозамъ, кандалы неизбѣжно вызываютъ ревматическія боли. Эти боли, какъ мнѣ говорили, отличаются необыкновенной остротой и превращаютъ жизнь арестанта въ сплошное мученіе.

Едва ли нужно добавлять, что вопреки свидѣтельству г. Ланселля, недавно проѣхавшагося по Сибири, политическіе ссыльные совершаютъ пугешествіе на Кару

или на мѣста ихъ поселенія при тѣхъ же самыхъ условіяхъ и совмѣстно съ уголовными ссыльными. Уже одинъ тотъ фактъ, что Избицкій и Дебогорій-Мокріевичъ могли „смѣняться“ съ двумя уголовными ссыльными и такимъ образомъ убѣжать съ пути на каторгу,—лучше всего указываетъ на недостовѣрность свѣдѣній англійскаго путешественника. Николай Лопатинъ, о которомъ я говорилъ выше и который былъ осужденъ на поселеніе въ Сибирь, совершилъ весь путь пѣшимъ этапомъ, совмѣстно съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей. Правда, что значительное количество польскихъ ссыльныхъ 1864 г. — въ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ къ дворянству и игравшихъ крупную роль въ возстаніи, — отправлялись въ ссылку на почтовыхъ лошадяхъ. Но, начиная съ 1866 г., политическіе (присужденные къ каторжнымъ работамъ или ссылкѣ) въ большинствѣ случаевъ совершали весь путь пѣшимъ этапомъ, вмѣстѣ съ уголовными. Исключеніемъ являются 1877—1879 годы, когда нѣкоторымъ изъ политическихъ, слѣдовавшимъ въ Восточную Сибирь, даны были подводы, но весь путь совершался по линіи этаповъ. Начиная, однако, съ 1879 г., всѣ политическіе, безъ различія пола, должны совершать путешествіе вышеописаннымъ мною образомъ, причемъ на многихъ изъ нихъ надѣваютъ кандалы, вопреки закону 1827 г. Что же касается высылаемыхъ административнымъ порядкомъ, то имъ, какъ и раньше, теперь даютъ подводы, но весь путь они совершаютъ въ составѣ уголовныхъ партій, останавливаясь на этапахъ и въ тюрьмахъ вмѣстѣ съ уголовными.

Заканчивая свою книгу о Сибири *), М. Максимовъ выразилъ надежду, что описанные имъ ужасы пѣшаго этапа вскорѣ отойдутъ въ область исторіи. Но надежда его не осуществилась до сихъ поръ. Либеральное движеніе 1861 г. было задушено правительствомъ; всякія попытки реформъ стали разсматриваться, какъ „опасныя тенденціи“ и ссылка въ Сибирь осталась въ такомъ же состояніи, въ какомъ она была раньше—источникомъ

*) «Сибирь и Каторга». 3 тома, СПБ., 1871.

неописуемыхъ страданій для 20.000 чел., ссылаемыхъ каждогодно.

Эта позорная система, осужденная уже давно всѣми, кому приходилось изучать ее, была удержана цѣликомъ; и въ то время какъ прогнившія насквозь зданія этаповъ постепенно разрушаются и вся система приходитъ все въ большее и большее разстройство, новыя тысячи мужчинъ и женщинъ прибавляются каждый годъ, къ тѣмъ несчастнымъ, которые уже раньше попали въ Сибирь и число которыхъ, такимъ образомъ, возрастаетъ въ ужасающей пропорціи.

ГЛАВА V.

Ссыльные въ Сибири.

Недаромъ слово „каторга“ получила такое ужасное значеніе въ русскомъ языкѣ и сдѣлалось синонимомъ самыхъ тяжелыхъ физическихъ и нравственныхъ страданій. „Я не могу больше переносить этой *каторжной* жизни“, т.-е. жизни, полной мукъ, невыносимыхъ оскорбленій, безжалостныхъ преслѣдованій, физическихъ и нравственныхъ мученій, превосходящихъ человѣческія силы,— говорятъ люди, доведенные до полнаго отчаянія, передъ тѣмъ какъ покончить съ собой. Такой смыслъ слово „каторга“ получила недаромъ и всѣ, кому приходилось серьезно изслѣдовать положеніе каторжныхъ въ Сибири, пришли къ заключенію, что народное представленіе о каторгѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я уже описалъ томительный путь, ведущій на каторгу. Перейдемъ теперь къ условіямъ жизни арестантовъ въ каторжныхъ колоніяхъ и тюрьмахъ Сибири.

Въ началѣ 60-хъ годовъ изъ 1500 чел., осуждавшихся ежегодно на каторгу, почти всѣ посылались въ Восточную Сибирь. Часть изъ нихъ работала на серебряныхъ, свинцовыхъ и золотыхъ рудникахъ Нерчинскаго округа, или же на желѣзныхъ заводахъ Петровскомъ (не далеко отъ Кяхты) и Иркутскомъ, или же, наконецъ, на соле-

варняхъ въ Усольѣ и Усть-Кутѣ; немногіе работали на суконной фабрикѣ близъ Иркутска, а остальныхъ посылали на Карійскіе золотые промыслы, гдѣ они обязаны были выработать въ годъ традиціонные „100 пудовъ“ золота для „Кабинета Его Величества“. Ужасные разсказы о подземныхъ серебряныхъ и свинцовыхъ рудникахъ, гдѣ при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ, подъ плетями надсмотрщиковъ, каторжнаго заставляли выполнять двойную противъ нормальнаго работу; разсказы каторжанъ, которымъ приходилось работать въ темнотѣ, закованными въ тяжелые кандалы и прикованными къ тачкамъ; объ ядовитыхъ газахъ въ рудникахъ, о людяхъ, засѣкаемыхъ до смерти извѣстнымъ злодѣемъ Разгильдѣевымъ или же умиравшихъ послѣ пяти-шести тысячъ ударовъ шпицрутенами,— всѣ эти общераспространенные разсказы вовсе не были плодомъ воображенія сенсаціонныхъ писателей: они являлись вѣрнымъ отраженіемъ печальной дѣйствительности *).

И все это не преданія старины глубокой, а въ такихъ условіяхъ работали въ Нерчинскомъ горномъ округѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Они еще въ памяти людей, дожившихъ до настоящаго времени.

Мало того, многія, очень многія, черты этого ужаснаго прошлаго сохранились въ неприкосновенности вплоть до настоящаго времени. Каждому въ Восточной Сибири извѣстно, хотя-бы по наслышкѣ, объ ужасной цынготной эпидеміи, разразившейся на Карійскихъ зо-

---

*) Кутомарскіе и Александровскіе серебряные рудники всегда пользовались репутаціей очень нездоровыхъ, вслѣдствіе мышьяковыхъ испареній руды; не только люди, но даже скотъ страдалъ отъ нихъ, такъ что крестьяне этихъ мѣстностей принуждены выращивать скотъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Что же касается до ртутныхъ испареній, то каждому, знакомому съ литературой о Нерчинскомъ горномъ округѣ, извѣстно, что серебряная руда этого округа сопровождается киноварью, особенно въ Шахгамѣ и Култумѣ, гдѣ всегда работаютъ каторжные. Правительство даже нѣсколько разъ пыталось начать добываніе ртути въ этихъ рудникахъ. Акатуйскій серебряный рудникъ того же округа пользуется страшной репутаціей, какъ одно изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ.

лотыхъ промыслахъ, въ 1857 г., когда, согласно оффиціальнымъ отчетамъ, бывшимъ въ распоряженіи М. Максимова, не менѣе 1000 каторжанъ умерло въ теченіе лишь одного лѣта. Причина эпидеміи также не была секретомъ: всѣмъ было хорошо извѣстно, что горное начальство, убѣдившись въ невозможности выработать, при обычныхъ условіяхъ, традиціонныхъ „100 пудовъ“ золота, заставило работать безъ отдыха, сверхъ силы, пока нѣкоторые не падали мертвыми на работѣ. Много позднѣе, въ 1873 г., мы были свидѣтелями подобной же эпидеміи, вызванной подобными же причинами, разразившейся въ Енисейскомъ округѣ и унесшей въ теченіе очень короткаго періода сотни жизней. Теперь арестанты мучатся въ другихъ мѣстахъ, характеръ работы нѣсколько измѣненъ, но самая сущность каторжнаго труда осталась все той же, и слово „каторга“ до сихъ поръ сохраняетъ свое прежнее страшное значеніе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ система каторжнаго труда подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Наиболѣе богатые серебромъ рудники Нерчинскаго горнаго округа были выработаны: вмѣсто того, чтобы обогащать Императорскій Кабинетъ ежегодно 220—280 пудами серебра, какъ это бывало прежде, они стали давать (въ 1860—63 гг.) всего отъ 5 до 7 пудовъ, и ихъ пришлось закрыть. Что же касается золотыхъ пріисковъ, то горное начальство успѣло убѣдить Кабинетъ, что въ округѣ не имѣется болѣе пріисковъ, заслуживающихъ разработки, и Кабинетъ предоставилъ золотые промыслы частнымъ предпринимателямъ, оставивъ за собой лишь розсыпи на рѣчкѣ Карѣ, впадающей въ Шилку. Конечно, какъ только было обнародовано разрѣшеніе—разработывать пріиски частнымъ лицамъ, очень богатыя розсыпи, мѣсто нахожденія которыхъ давно было извѣстно, были немедленно „открыты“ золотопромышленниками. Благодаря всему вышеуказанному, правительство было вынуждено найти какое-либо другое занятіе для арестантовъ и, до извѣстной степени, измѣнить всю систему каторжныхъ работъ. Были изобрѣтены „центральныя тюрьмы“, въ Европейской Россіи, описаніе которыхъ я далъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, и теперь ка-

торжане до высылки ихъ въ Сибирь отбываютъ около 1/3 срока наказанія въ этихъ тюрьмахъ. Я уже говорилъ, какимъ ужаснымъ образомъ съ ними обращаются. Число этихъ несчастныхъ, для которыхъ даже сибирская каторга кажется облегченіемъ, доходитъ до 5000 чел. Помимо этого, въ послѣдніе годы пытаются населять ссыльно-каторжными островъ Сахалинъ.

Каторжане, высылаемые ежегодно въ Сибирь въ количествѣ 1800—1900 чел., распредѣляются различнымъ образомъ и употребляются для разнаго рода работъ. Часть такихъ ссыльныхъ (2700—3000) попадаютъ въ каторжныя тюрьмы Западной и Восточной Сибири, остальныхъ же посылаютъ или на Карійскіе золотые пріиски или на соляные заводы Усолья и Усть-Кута. Въ виду того, однако, что немногіе рудники и заводы, принадлежащіе казнѣ въ Сибири, не могутъ использовать труда почти 10.000 человѣкъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ и которыхъ приходится держать въ Сибири,—изъ этого положенія былъ найденъ выходъ въ томъ, что такихъ арестантовъ стали отдавать въ наемъ, въ качествѣ рабочихъ, на частные золотые пріиски. Легко себѣ представить, что въ такихъ условіяхъ люди, присужденные къ каторжной работѣ, могутъ попасть въ совершенно различную обстановку по волѣ или капризу начальства, а также и по средствамъ, которыми они располагаютъ. Онъ можетъ умереть подъ плетями на Карѣ или въ Усть-Кутѣ, но можетъ также вести довольно комфортабельную жизнь на частныхъ пріискахъ какого-нибудь пріятеля, въ качествѣ „надсмотрщика“, чувствуя неудобство ссылки въ Сибирь лишь въ замедленіи полученія новостей отъ друзей изъ Россіи.

Ссыльно-каторжные въ Сибири могутъ быть раздѣлены на три главныя категоріи: содержимые въ тюрьмахъ, работающіе на золотыхъ пріискахъ Кабинета или частныхъ владѣльцевъ и, наконецъ, работающіе на соляныхъ заводахъ.

Судьба первыхъ мало чѣмъ отличается отъ судьбы арестантовъ, находящихся въ центральныхъ тюрьмахъ Россіи. Можетъ быть, сибирскій тюремный смотритель

куритъ трубку, а не сигару, во время порки арестантовъ; можетъ быть, онъ употребляетъ плети, а не розги; можетъ быть, онъ поретъ арестантовъ, озлобленный тѣмъ, что жена приготовила ему плохой обѣдъ,—между тѣмъ какъ русскій тюремный смотритель поретъ ихъ вслѣдствіе того, что ему не повезло на охотѣ: результаты для арестантовъ получаются тѣ же самые. Въ Сибири, какъ и въ Россіи, если смѣнятъ смотрителя, „сѣкущаго безъ пощады", то на смѣну является смотритель, „который прогуливается кулакомъ по физіономіи арестантовъ и самымъ безсовѣстнымъ образомъ обкрадываетъ ихъ"; если же на должность смотрителя случайно попадаетъ честный человѣкъ, онъ скоро уходитъ въ отставку, или его увольняютъ изъ состава тюремной администраціи, гдѣ честные люди являются лишь „помѣхой".

Не лучше и судьба тѣхъ двухъ тысячъ арестантовъ, которыхъ посылаютъ на Карійскіе золотые пріиски. Уже въ шестидесятыхъ годахъ въ оффиціальныхъ отчетахъ указывалось на состояніе тюрьмы въ Верхней Карѣ: это было старое, пострадавшее отъ непогодъ, бревенчатое зданіе, построенное на болотистой почвѣ и насквозь пропитанное грязью, скоплявшейся въ теченіе многихъ лѣтъ цѣлыми поколѣніями арестантовъ, переполнявшихъ тюрьму. Уже тогда, въ оффиціальномъ отчетѣ указывалось на необходимость — немедленно разобрать это обветшавшее зданіе; но оно до сихъ поръ служитъ мѣстомъ заключенія арестантовъ и, даже во время управленія тюрьмой полковникомъ Кононовичемъ, полы въ ней мылись четыре раза въ годъ. Она всегда переполнена вдвое противъ того, сколько позволяетъ ей кубическая вмѣстимость и арестанты спятъ не только на нарахъ, расположенныхъ въ 2 этажа, одинъ надъ другимъ, но и на полу, покрытомъ толстымъ слоемъ липкой грязи, причемъ ихъ мокрая и грязная одежда служитъ для нихъ и подстилкой и одѣяломъ. Такъ было тогда, такъ оно и теперь. Главная тюрьма Карійскихъ золотыхъ пріисковъ, Нижняя Кара, судя по сдѣланному въ 1863 г. г. Максимовымъ описанію и по тѣмъ оффиціальнымъ документамъ, которые я читалъ, уже тогда была ветхимъ, гнилымъ зданіемъ, по которому гулялъ вѣтеръ и въ

которое свободно проникалъ дождь и снѣгъ. Такова она и теперь, какъ говорили мнѣ друзья. Средне-Карійская тюрьма была нѣсколько лѣтъ тому назадъ подновлена, но вскорѣ сдѣлалась такой же грязной, какъ и двѣ другія. Шесть или восемь мѣсяцевъ въ году арестанты въ этихъ тюрьмахъ ровно ничего не дѣлаютъ; и уже этого одного достаточно для полной деморализаціи обитателей тюрьмы и развитія среди нихъ всевозможныхъ пороковъ. Желающіе изучить вопросъ о моральномъ вліяніи русскихъ тюремъ на заключенныхъ найдутъ обильный матеріалъ въ замѣчательномъ психологическомъ трудѣ Достоевскаго, работахъ Максимова, Львова и многихъ другихъ.

Работа на золотыхъ пріискахъ, въ общемъ, очень тяжела. Правда, она производится на поверхности земли, причемъ въ алювіальной почвѣ долины дѣлаются глубокія выемки, съ цѣлью — извлечь золотоносный илъ и песокъ, которые потомъ на телѣгахъ подвозятся къ золотопромывательной машинѣ. Но, въ общемъ, какъ мы сказали, это—очень трудная и нездоровая работа. Выемки всегда ниже уровня рѣки, которая искусственнымъ каналомъ отводится на извѣстной высотѣ къ золотопромывательной машинѣ; вслѣдствіе этого, выемки въ большей или меньшей степени наполняются просачивающейся водою, не говоря уже о потокахъ ледяной воды, льющейся со стѣнъ выемокъ, по мѣрѣ того, какъ земля оттаиваетъ подъ горячими лучами солнца. Насосы для откачиванія воды мало помогаютъ и людямъ приходится работать (я пишу объ этомъ на основаніи собственныхъ наблюденій)—въ теченіи цѣлаго дня, стоя въ ледяной водѣ, доходящей до колѣнъ, а иногда даже до пояса; по возвращеніи въ тюрьму, арестанту не даютъ сухой одежды для перемѣны и ему приходится спать въ мокрой. Правда, что тысячи свободныхъ рабочихъ находятъ возможнымъ работать при тѣхъ же условіяхъ на частныхъ золотыхъ пріискахъ. Но дѣло въ томъ, что владѣльцы этихъ пріисковъ въ Сибири, пожалуй, совсѣмъ не нашли бы рабочихъ, если бы при ихъ наймѣ они не прибѣгали къ тѣмъ способамъ, которые практиковались въ XVII ст. для пополненія арміи. Ихъ обыкно-

венно нанимаютъ въ состояніи полнаго опьяненія, всовывая имъ крупные задатки, немедленно переходящіе въ карманы кабатчиковъ. Что же касается до ссыльно-поселенцевъ, голодная армія которыхъ поставляетъ значительный контингентъ рабочихъ для частныхъ золотыхъ промысловъ, то они въ большинствѣ случаевъ сдаются въ работы волостнымъ начальствомъ, которое немедленно захватываетъ ихъ задатки въ уплату податей, всегда накопляющихся за поселенцами.

Вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ, каждую весну, при отправкѣ „вольныхъ рабочихъ“ на пріиски, дѣло не обходится безъ вмѣшательства уѣздной полиціи или даже посылки военнаго конвоя. Понятно, что условія работы ссыльно-каторжныхъ еще болѣе тяжелы. Дневной „урокъ“, который каждому изъ нихъ приходится выполнить—больше по размѣрамъ и тяжелѣе по условіямъ работы, чѣмъ на частныхъ пріискахъ; кромѣ того, многіе изъ каторжанъ работаютъ въ кандалахъ; а на Карѣ имъ приходится дѣлать 7 верстъ пѣшкомъ—разстояніе отъ тюрьмы до мѣста работы, такимъ образомъ, къ ихъ ежедневному „уроку“ присоединяется еще 3 часа ходьбы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда золотоносный слой оказывается бѣднѣе по содержанію золота, чѣмъ ожидалось, и предполагавшееся количество не можетъ быть промыто при обычныхъ условіяхъ труда, каторжанъ заставляютъ работать сверхъ силъ, до поздней ночи, вслѣдствіе чего и безъ того высокій среди нихъ процентъ смертности достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Короче говоря, всѣ, серьезно изучавшіе условія каторжнаго труда въ Сибири, пришли къ заключенію, что каторжный, отбывшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ наказаніе на Карѣ или на соляныхъ заводахъ, выходитъ изъ нихъ на поселеніе съ совершенно разбитымъ здоровьемъ, потерявъ работоспособность и вплоть до смерти является лишь бременемъ для общества.

Пища, — въ общемъ менѣе питательная, чѣмъ на частныхъ золотыхъ пріискахъ, можетъ быть разсматриваема, какъ вполнѣ достаточная, когда арестанты получаютъ пайки, установленные для рабочаго времени. На каждаго арестанта тогда отпускается ежедневно 4 фун.

чернаго хлѣба и ежемѣсячно такое количество мяса, капусты, гречневой крупы и пр., какое можно купить на 1 руб. Хорошій экономъ могъ бы отпускать при этихъ условіяхъ около полфунта мяса на человѣка ежедневно. Но вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было контроля, арестанты самымъ безжалостнымъ образомъ обкрадываются начальствомъ. Если въ Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія, подъ самымъ носомъ у дюжины инспекторовъ, подобное хищеніе практиковалось въ теченіи ряда лѣтъ въ колоссальныхъ размѣрахъ, то чего же можно ожидать отъ каторжной тюрьмы, на краю свѣта, въ Забайкальскихъ горахъ? Честные экономы, цѣликомъ отдающіе арестантамъ ихъ казенный паекъ, являются, конечно, рѣдкими исключеніями. Кромѣ того, не должно забывать, что вышеуказанный паекъ дается въ такихъ размѣрахъ лишь въ періодъ золотопромывательныхъ работъ, который продолжается менѣе 4-хъ мѣсяцевъ въ году. Въ продолженіи же всей зимы, когда замерзшая почва напоминаетъ по твердости желѣзо, работа на пріискахъ прекращается. И какъ только „годовой урожай“ снятъ съ розсыпей, пища арестантовъ доводится до размѣровъ и качества, едва достаточныхъ лишь для поддержанія жизни. Что же касается платы за работу, то она—совершенно смѣхотворнаго размѣра, что-то около 1½—2 рублей въ мѣсяцъ, причемъ даже изъ этой нищенской платы большую половину арестанту приходится расходовать на покупку одежды, въ виду того, что даваемая казной быстро изнашивается на работѣ. Не мудрено, что цынга, эта ужасная гостья всѣхъ сибирскихъ золотыхъ пріисковъ, находитъ массу жертвъ среди арестантовъ и что смертность на Карѣ колеблется ежегодно между 90—287 на 2000 чел., т.-е., отъ 1 на 11 до 1 на 7, что является высокимъ процентомъ для взрослаго населенія. Оффиціальныя цифры, однако, не вполнѣ совпадаютъ съ правдой, такъ, какъ тяжело и безнадежно больныхъ отсылаютъ съ пріисковъ въ богадѣльни или пріюты для калѣкъ, гдѣ они и умираютъ.

Положеніе арестантовъ было бы, однако, еще болѣе тяжелымъ, еслибы не то обстоятельство, что переполненіе тюремъ и интересы владѣльцевъ золотыхъ пріисковъ

заставили правительство сократить срокъ заключенія. Вообще говоря, ссыльно каторжный долженъ содержаться въ каторжной тюрьмѣ лишь около 1/3 всего срока его наказанія. По истеченіи этого срока онъ долженъ быть поселенъ въ деревнѣ вблизи пріисковъ, въ отдѣльномъ домѣ, совмѣстно съ семьей, если жена послѣдовала за нимъ въ ссылку; хотя онъ обязанъ работать наравнѣ съ другими арестантами, но съ него снимаютъ кандалы, у него имѣется домъ, имѣется собственный очагъ. Понятно, что этотъ законъ могъ бы служить громаднымъ облегченіемъ для ссыльныхъ, если бы только онъ, по обыкновенію, не былъ изуродованъ при его примѣненіи. Освобожденіе арестанта изъ заключенія цѣликомъ зависитъ отъ каприза завѣдывающаго пріисками. Кромѣ того, вслѣдствіе до смѣшного незначительной заработной платы, состоящей изъ 1 1/2—2 рублей въ мѣсяцъ, въ придачу къ пайку, освобожденный арестантъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, впадаетъ въ страшную нищету. Всѣ изслѣдователи единогласно изображаютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ нищету этой категоріи ссыльныхъ и утверждаютъ, что большое число побѣговъ изъ „вольной команды“ объясняется нищенскими условіями ея существованія.

Наказанія, налагаемыя на арестантовъ, цѣликомъ зависятъ отъ воли управляющаго заводомъ и въ большинствѣ случаевъ отличаются жестокостью. Лишеніе пищи и карцеръ—а читатель уже знаетъ, что такое карцеръ въ Сибири—въ счетъ не идутъ. Наказаніемъ начинаютъ считаться только плети, удары которой щедро разсыпаются въ неограниченномъ количествѣ за малѣйшій проступокъ по волѣ и расположенію духа управляющаго.

Плети являются въ глазахъ надсмотрщиковъ такой обыкновенной вещью, что „сто плетей“ назначается за такія же проступки, которые въ Европейской тюрьмѣ повлекли бы за собою заключеніе въ карцерѣ; но, кромѣ плетей, имѣется цѣлая скала очень жестокихъ наказаній: напр., приковка къ стѣнѣ въ подземномъ карцерѣ на цѣлые годы, практикуемая въ Акатуѣ; приковка на 5 или на 6 лѣтъ къ тачкѣ, причиняющая самыя ужасныя нравственныя страданія и, наконецъ,

„лиса“ т.-е. обрубокъ дерева или кусокъ желѣза, вѣсомъ въ 1½ пуда, прикрѣпляемый къ кандаламъ и носимый преступникомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Ужасное наказаніе „лисой“ выводится изъ употребленія, но приковка на нѣсколько лѣтъ къ тачкѣ до сихъ поръ въ большомъ ходу. Сравнительно недавно политическіе арестанты: Понко, Ѳомичевъ и Березнюкъ были присуждены за попытку бѣжать изъ Иркутской тюрьмы къ приковкѣ къ тачкамъ въ теченіи 2 лѣтъ.

Нечего и говорить, что управляющій пріисками является чѣмъ-то вродѣ самодержавнаго монарха и что какія-либо жалобы на него — совершенно безполезны. Онъ можетъ грабить арестантовъ, подвергать ихъ самымъ ужаснымъ наказаніямъ, можетъ даже мучить ихъ дѣтей — никакія жалобы не дойдутъ до начальства; а если бы нашелся арестантъ, осмѣлившійся пожаловаться, его просто заморятъ въ темномъ карцерѣ или онъ умретъ подъ плетьми. Всѣмъ пипущимъ о ссылкѣ въ Сибирь слѣдуетъ помнить, что надъ смотрителями нѣтъ никакого контроля, честный же человѣкъ не сможетъ долго оставаться во главѣ каторжной тюрьмы въ Сибири. Если его обращеніе съ арестантами отличается гуманностью, это качество разсматривается въ Петербургѣ, какъ „опасная сантиментальность“ и онъ будетъ уволенъ со службы. Если онъ отличается даже примитивной честностью, его непремѣнно выживетъ компанія грабителей и всякихъ охотниковъ до казеннаго пирога, которая собирается обыкновенно вокругъ такого лакомаго куска, какъ казенные золотые пріиски. Русская пословица говоритъ: „Дайте мнѣ на прокормъ казеннаго воробья и я съ нимъ прокормлю все мое семейство“, а золотые пріиски представляютъ несомнѣнно величину болѣе значительную, чѣмъ казенный воробей. На нихъ работаютъ тысячи арестантовъ, которыхъ надо кормить и снабжать орудіями для работы; на нихъ имѣются машины, требующія починокъ и, наконецъ, — самое главное — на нихъ производится очень выгодная торговля краденымъ казеннымъ золотомъ. Вообще, на казенныхъ пріискахъ изъ поколѣнія въ поколѣніе работаетъ солидно-организованная шайка казнокрадовъ, ко-

торая настолько сильна, что даже деспотическій, всесильный Муравьевъ-Амурскій не могъ справиться съ ней. Честный человѣкъ, случайно попавшій въ эту воровскую шайку, разсматривается ею, какъ „безпокоій-ный“ и если ему не устроятъ отставки при помощи различныхъ подвоховъ, онъ обыкновенно уходитъ въ концѣ концовъ со службы по собственному желанію, утомленный безплодной борьбою съ ворами. Вслѣдствіе этого Карійскіе золотые пріиски рѣдко имѣли, въ качествѣ начальниковъ, такихъ честныхъ людей какъ Барбоде-Марни или Кононовичъ; во главѣ ихъ почти всегда стояли жестокіе негодяи, вродѣ Разгильдѣева.

Эти традиціонные порядки тянутся вплоть до нашего времени. Не говоря уже о томъ, что поразительная жестокость управляющихъ заводомъ вошла въ пословицу, не далѣе какъ въ 1871 г. на Карѣ практиковалась средневѣковая пытка. Даже такой осторожный писатель, какъ г. Ядринцевъ, разсказываетъ о случаѣ пытки, практиковавшейся начальникомъ пріисковъ, Демидовымъ, надъ свободной женщиной и ея 11-ти-лѣтней дочерью.

„Въ 1871 г.“, — говоритъ Ядринцевъ, — „смотритель Карійскаго золотого промысла, Демидовъ, открылъ убійство, совершенное однимъ каторжнымъ; чтобы раскрыть всѣ подробности преступленія, Демидовъ пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и слѣдовательно избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ 11 лѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ сѣкъ ее плетью съ головы до пятъ; ребенку дано уже было нѣсколько ударовъ плети, когда она попросила пить; ей подали соленаго омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы самъ палачъ не отказался продолжать битье *).

Люди не дѣлаются такими звѣрями сразу и всякій вдумчивый читатель пойметъ, что Демидовъ воспиталъ и развилъ въ себѣ эту жестокость путемъ долговременной практики, которая, въ свою очередь, была возможна лишь вслѣдствіе его полной безнаказанности. Въ

*) «Сибирь, какъ колонія». Спб., 1882, стр. 207.

виду того, что женщина, подвергнутая истязаніямъ, не была арестанткой, ея жалобы дошли до начальства; но на одинъ эпизодъ, случайно обнаружившійся, сколько сотенъ случаевъ такого же рода остались не обличенными и никогда не будутъ отданы на судъ общественнаго мнѣнія!

Мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которыхъ казна отдаетъ въ наймы владѣльцамъ частныхъ золотыхъ пріисковъ. Эта система не была еще введена во время моего нахожденія въ Сибири и свѣдѣнія о ней, вообще, не отличаются обиліемъ. Я знаю только, что опытъ былъ признанъ неудачнымъ. Лучшіе изъ частныхъ владѣльцевъ избѣгаютъ нанимать ссыльно-каторжныхъ, убѣдившись вскорѣ на опытѣ, что всякое соприкосновеніе съ чиновниками въ Сибири приходится дорого оплачивать; лишь мелкіе промышленники или люди, не брезгующіе ничѣмъ, продолжаютъ пользоваться наемнымъ арестантскимъ трудомъ. На пріискахъ такихъ промышленниковъ арестантамъ приходится меньше страдать отъ жестокости надсмотрщиковъ, но зато они страдаютъ отъ недостаточнаго питанія, непосильнаго труда и скверныхъ помѣщеній, не говоря уже объ утомительности долгаго пути съ пріисковъ и обратно, по тропинкамъ, прорѣзывающимъ дикую Сибирскую тайгу.

Что же касается соляныхъ варницъ, гдѣ работаетъ нѣкоторое число ссыльно-каторжныхъ и теперь, то это самый худшій видъ каторги и я никогда не забуду поляковъ ссыльныхъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть на Усть-Кутскомъ соляномъ заводѣ. Вода соляныхъ источниковъ обыкновенно выкачивается при помощи самыхъ примитивныхъ механическихъ приспособленій; и работа при насосахъ, которая продолжается и въ теченіи всей зимы, по общему отзыву—очень изнурительна. Но еще хуже положеніе рабочихъ, занятыхъ при громадныхъ сковородахъ, на которыхъ выпаривается соль и подъ которыми для этой цѣли разводится адскій огонь. Людямъ приходится по цѣлымъ часамъ стоять совершенно обнаженными, мѣшая разсолъ въ сковородахъ: по ихъ тѣлу струится потъ отъ невыносимой жары и

въ то же время они стоятъ на сквозномъ потокѣ холоднаго воздуха, проходящаго сквозь зданія, чтобы способствовать скорѣйшей выпаркѣ соли. За исключеніемъ немногихъ, занятыхъ той или иной формой болѣе легкаго труда, всѣ видѣнные мною на этомъ заводѣ каторжане болѣе напоминали призраки, чѣмъ живыхъ людей. Чахотка и цынга собираютъ обильную жатву среди этихъ несчастныхъ.

Я не буду касаться въ настоящей главѣ послѣдняго нововведенія—каторжной работы и поселенія ссыльныхъ въ новой, болѣе отдаленной Сибири, на островѣ Сахалинѣ. Судьба ссыльныхъ на этомъ островѣ, гдѣ никто не хочетъ селиться по доброй волѣ, ихъ борьба съ безплодной почвой и суровымъ климатомъ, будетъ разсмотрѣна мною въ отдѣльной главѣ. Я не буду также касаться на этихъ страницахъ положенія ссыльныхъ поляковъ, попавшихъ въ Сибирь послѣ возстанія, въ 1863 г. Ихъ судьба заслуживаетъ болѣе, чѣмъ бѣглой замѣтки. Я еще ничего не сказалъ о громадной категоріи ссыльныхъ, посылаемыхъ въ Сибирь, съ цѣлью водворенія ихъ тамъ въ качествѣ земледѣльческихъ рабочихъ и ремесленниковъ.

Тѣ изъ нихъ, которые были присуждены къ каторжнымъ работамъ, не только лишаются всѣхъ личныхъ и гражданскихъ правъ, но также и права возвратиться на родину. Вслѣдъ за ихъ освобожденіемъ отъ каторжныхъ работъ, они включаются въ огромную категорію ссыльно-поселенцевъ и остаются въ Сибири на всю жизнь. Возвратъ въ Россію имъ отрѣзанъ навсегда. Категорія ссыльно-поселенцевъ отличается наибольшей численностью въ Сибири. Она состоитъ не только изъ освобожденныхъ отъ каторжной работы, но также изъ почти 3000-наго контингента мужчинъ и женщинъ (28.382 въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1867 по 1876), высылаемыхъ ежегодно въ качествѣ ссыльно-поселенцевъ, т.-е. долженствующихъ быть поселенными въ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ личныхъ и гражданскихъ правъ. Къ этимъ ссыльно-поселенцамъ, или просто поселенцамъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ, должно прибавить 23.383 высланныхъ въ теченіи тѣхъ же 10 лѣтъ

на водвореніе, т.-е., на поселеніе съ лишеніемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ; 2.551 высланныхъ на житье, безъ лишенія правъ, и 76.686 высланныхъ въ теченіи того же самаго періода времени административнымъ порядкомъ; такимъ образомъ, общее число ссыльныхъ этой категоріи за 10-ти лѣтній періодъ достигаетъ почти 130.000 чел. Въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ эта цифра еще увеличилась, такъ какъ она доходила до 17.000 чел. въ годъ.

Мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ настоящей книги о характерѣ тѣхъ „преступленій", за которыя эта масса человѣческихъ существъ выбрасывается изъ Россіи. Что же касается ихъ положенія въ странѣ изгнанія, то оно оказалось настолько печальнымъ, что по этому вопросу въ послѣдніе годы создался цѣлый отдѣлъ литературы, занявшійся разоблаченіемъ ужасовъ ссылки. По этому поводу назначались оффиціальныя разслѣдованія; была напечатана масса статей, посвященныхъ вопросу о результатахъ ссылки въ Сибирь, и всѣ они пришли къ слѣдующему выводу: за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, вродѣ напр. превосходнаго вліянія польскихъ и русскихъ политическихъ ссыльныхъ на развитіе ремесленнаго дѣла въ Сибири и такого же вліянія сектантовъ и украинцевъ (которые высылались въ Сибирь сразу цѣлыми волостями) на развитіе земледѣлія,—оставляя въ сторонѣ эти немногія исключенія, громадная масса ссыльныхъ, вмѣсто того, чтобы снабжать Сибирь полезными колонистами и искусными ремесленниками, снабжаетъ ее лишь бродячимъ населеніемъ, въ большинствѣ случаевъ нищенствующимъ и не способнымъ ни къ какому полезному труду (см. работы и статьи Максимова, Львова, Завалишина, Ровинскаго, Ядринцева, Пэйзена, д-ра Шперха и многихъ другихъ, а также выдержки изъ оффиціальныхъ изслѣдованій, приводимыя въ этихъ работахъ).

Суммируя результаты вышеупомянутыхъ работъ, мы находимъ, что хотя съ 1825 по 1885 годы въ Сибирь было выслано болѣе полумилліона людей, изъ нихъ не болѣе 200.000 находилось въ 1885 г. занесенными въ списки мѣстнаго населенія; остальные или умерли, не

оставивъ послѣ себя потомства, или исчезли безслѣдно. Даже изъ этихъ 200.000, которые фигурируютъ въ оффиціальныхъ спискахъ, не менѣе одной трети, т.-е. около 70.000 (и даже больше, согласно другому исчисленію) исчезли въ теченіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ, неизвѣстно куда. Они улетучились, какъ облако въ жаркій лѣтній день. Часть изъ нихъ убѣжала и присоединилась къ тому потоку бродягъ, насчитывающему около 20.000 ч., который медленно и молчаливо пробирается сквозь Сибирскую тайгу съ востока на западъ, по направленію къ Уралу. Другіе—и такихъ большинство,—усѣяли своими костями „бродяжные тропы“ по тайгѣ и болотамъ и дороги, ведущія на золотые пріиски и обратно. Остальные составляютъ бродячее населеніе большихъ городовъ, пытающееся избѣжать обременительнаго надзора при помощи фальшивыхъ паспортовъ и т. п.

Что же касается 130.000 ссыльныхъ (по другому исчисленію эта цифра значительно меньше), остающихся подъ контролемъ администраціи, они являются, согласно свидѣтельствамъ всѣхъ изслѣдователей, какъ оффиціальныхъ такъ и добровольныхъ, бременемъ для страны вслѣдствіе нищенскаго положенія, въ которомъ они находятся. Даже въ наиболѣе плодородныхъ губерніяхъ Сибири, — какъ напр. Томская и южная часть Тобольской губ., — лишь 1/4 всего числа ссыльныхъ имѣетъ собственные дома и лишь 1 изъ 9-ти занимается земледѣліемъ. Въ восточныхъ губерніяхъ этотъ процентъ еще менѣе значителенъ. Тѣ изъ ссыльныхъ, которые не занимаются земледѣльческой работой, — а такихъ на всю Сибирь насчитывается около 100.000 мужчинъ и женщинъ, — обыкновенно бродятъ изъ города въ городъ безъ постояннаго занятія, ходятъ на золотые пріиски и обратно, или перебиваются со дня на день по деревнямъ въ неописуемой нищетѣ, страдая всѣми пороками, являющимися неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нищеты *).

Въ объясненіе этого явленія можно указать на нѣсколько причинъ. Но, по отзывамъ всѣхъ, главной изъ нихъ является та деморализація, которой подвергаются

*) См. приложеніе А.

арестанты во время заключенія въ тюрьмахъ и въ теченіи долгаго странствованія по этапамъ. Еще задолго до прибытія въ Сибирь, они уже деморализованы.

Вынужденная лѣность въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ мѣстныхъ острогахъ, развившееся въ острогахъ пристрастіе къ азартнымъ карточнымъ играмъ; систематическое подавленіе воли арестанта и развитіе пассивности являются прямой противоположностью той моральной силы, которая требуется для успѣшной колонизаціи молодой страны; нравственное разложеніе, потеря воли, развитіе низкихъ страстей, мелочныхъ желаній и противообщественныхъ идей, прививаемыхъ тюрьмою—все это необходимо принять во вниманіе, чтобы вполнѣ оцѣнить всю глубину развращенія, распространяемаго нашими тюрьмами и понять, почему бывшіе обитатели этихъ карательныхъ учрежденій навсегда теряютъ способность къ суровой борьбѣ за существованіе въ приполярной русской колоніи.

Но тюрьма сокрушаетъ не только нравственныя силы арестанта; его физическія силы, въ большинствѣ случаевъ, также бываютъ подорваны долгимъ странствованіемъ по этапамъ и пребываніемъ въ каторжной работѣ. Многіе арестанты наживаютъ неизлечимыя болѣзни и почти всѣ отличаются физической слабостью. Что же касается тѣхъ изъ нихъ, которымъ пришлось провести около 20 лѣтъ на каторгѣ (попытка къ побѣгу нерѣдко доводитъ срокъ каторги до вышеуказаннаго размѣра), то они, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, оказываются совершенно неспособными къ какой-либо работѣ. Даже поставленные въ наилучшія условія, они будутъ все-таки бременемъ для общества. Но дѣло въ томъ, что условія, при которыхъ приходится работать поселенцу — очень тяжелы. Его посылаютъ въ какую-нибудь отдаленную деревню, гдѣ его надѣляютъ землей—обыкновенно худшею въ данной деревнѣ — и онъ долженъ превратиться въ земледѣльца. Въ дѣйствительности же такой поселенецъ не имѣетъ никакого понятія объ условіяхъ земледѣліи въ Сибири, и пробывъ 3 — 4 года въ тюрьмѣ, онъ, кромѣ того, потерялъ всякую любовь къ такого рода работѣ, если онъ даже зани-

мался ею раньше. Крестьянская община встрѣчаетъ его съ враждой и презрѣніемъ. Для нея онъ „рассейскій", т.-е. нѣчто пренебрежительное въ глазахъ сибиряка и, кромѣ того, онъ—ссыльный! Онъ принадлежитъ, съ точки зрѣнія сибиряка, къ той громадной массѣ „дармоѣдовъ", перевозка и содержаніе которыхъ стоитъ сибирскому крестьянину столькихъ расходовъ и хлопотъ. Въ большинствѣ случаевъ такой поселенецъ—холостъ и не можетъ жениться, такъ какъ на шесть ссыльныхъ мужчинъ приходится одна ссыльная женщина, а сибирякъ не отдаетъ ему своей дочери, несмотря на соблазнъ 50 р., выдаваемыхъ въ такихъ случаяхъ казною, но обыкновенно исчезающихъ на половину въ карманахъ чиновниковъ, пока деньги эти достигнутъ мѣста назначенія. Сибирь не можетъ пожаловаться на отсутствіе бюрократическихъ мечтателей, которые, напр., приказывали мѣстнымъ крестьянамъ строить дома для поселенцевъ и поселяли послѣднихъ группами въ 5 — 6 чел., мечтая создать такимъ образомъ ссыльно-поселенческую деревенскую идиллію. Всѣ подобнаго рода замыслы обыкновенно заканчивались неуспѣхомъ. Пять поселенцевъ изъ шести, насильственно соединенныхъ вышеуказаннымъ образомъ, не выдерживали долго и, послѣ безполезной борьбы съ голодомъ, убѣгали подъ чужимъ именемъ въ города, или шли въ поискахъ за работой на золотые пріиски. Цѣлыя деревни пустыхъ домовъ на большомъ сибирскомъ пути до сихъ поръ напоминаютъ путешественнику о безплодности оффиціальныхъ утопій, вводимыхъ при помощи березовыхъ розогъ.

Судьба поселенцевъ, попавшихъ въ работники къ сибирскому крестьянину, также очень незавидна. Вся система найма рабочихъ въ Сибири основана на выдачѣ имъ задатковъ, съ цѣлью сдѣлать ихъ неоплатными должниками и держать такимъ образомъ въ состояніи постояннаго рабства; сибирскіе крестьяне обыкновенно придерживаются именно этой системы при наймѣ рабочихъ. Что же касается тѣхъ ссыльныхъ, составляющихъ громадный процентъ всего ссыльнаго населенія, которые добываютъ себѣ средства къ жизни путемъ работы на золотыхъ пріискахъ, то они теряютъ всѣ свои

заработки, какъ только доходятъ до первой деревни и перваго кабака, хотя эти заработки являются результатомъ 4—5 мѣсячнаго труда—воистину каторжнаго труда, со всѣми его лишеніями—на пріискахъ. Деревни по Ленѣ, Енисею, Кану и пр., куда выходятъ осенью рабочіе съ пріисковъ, пользуются, въ этомъ отношеніи, широкой извѣстностью. Кто не знаетъ въ Восточной Сибири двухъ злосчастныхъ заброшенныхъ приленскихъ деревушекъ, носящихъ громкія имена Парижа и Лондона, вслѣдствіе прославленнаго искусства ихъ обитателей въ дѣлѣ очищенія кармановъ рабочихъ, вышедшихъ съ пріисковъ? Когда рабочій прокутитъ въ кабакѣ свой заработокъ до послѣдней копейки и оставитъ кабатчику даже шапку и рубашку, приказчики золотопромышленниковъ немедленно нанимаютъ его на слѣдующее лѣто и, въ замѣнъ своего паспорта, онъ получаетъ задатокъ подъ будущую работу, съ которымъ онъ и возвращается домой, часто расходуя его до послѣдней копейки на пути. Онъ возвращается такимъ образомъ въ свою деревню съ пустыми руками и нерѣдко проводитъ долгіе зимніе мѣсяцы въ ближайшемъ острогѣ! Короче говоря, всѣ оффиціальныя изслѣдованія, вплоть до настоящаго времени, указываютъ, что тѣ немногіе изъ ссыльныхъ, которымъ удалось устроиться въ качествѣ домохозяевъ, живутъ въ состояніи страшной нищеты; остальные же, бросивъ землю, обращаются въ рабовъ на службѣ у суроваго сибирскаго крестьянина и золотопромышленниковъ, или же, наконецъ, — говоря словами оффиціальнаго отчета,— „умираютъ отъ холода и голода“.

Тайга (дѣвственные лѣса, покрывающіе сотни тысячъ квадр. верстъ въ Сибири) густо населена бѣглецами, которые пробираются потихоньку по направленію къ западу; этотъ непрерывный потокъ человѣческихъ существъ движется надеждою достигнуть родныхъ деревень, находящихся по ту сторону Урала. Какъ только закукуетъ кукушка, возвѣщая, что лѣса освободились отъ снѣжнаго покрова, что они вскорѣ смогутъ снабжать странника грибами и ягодами, ссыльные тысячами убѣгаютъ съ золотыхъ пріисковъ и соляныхъ заводовъ, изъ деревень, гдѣ они голодали, и изъ городовъ, гдѣ они

скрывались подъ чужими именами. Руководимые полярной звѣздой, мохомъ на деревьяхъ или, имѣя во главѣ старыхъ бродягъ, изучившихъ въ тюрьмахъ до тонкости сложную и драгоцѣнную для бѣглеца науку, трактующую о „бродяжныхъ тропахъ“ и „бродяжныхъ пристанищахъ“, они пускаются въ длинный и полный опасностей обратный путь. Они идутъ вокругъ байкальскаго озера, взбираясь на высокія и дикія горы по его берегамъ или перебираются черезъ озеро на плоту, или даже, какъ поется въ народной пѣснѣ, въ омулевой бочкѣ изъ-подъ рыбы. Они всячески избѣгаютъ большихъ дорогъ, городовъ и бурятскихъ поселеній, хотя нерѣдко располагаются на стоянку въ лѣсахъ, вблизи городовъ; каждую весну можно видѣть въ Читѣ костры „бродягъ“, вспыхивающіе вокругъ маленькой столицы Забайкалья на лѣсистыхъ склонахъ окружающихъ горъ. Они свободно заходятъ также въ русскія деревни, гдѣ, вплоть до настоящаго дня, сохранился обычай выставлять на окнахъ крестьянскихъ домовъ хлѣбъ и молоко для „несчастныхъ“.

Если бѣглые не занимаются въ пути кражами, крестьяне не мѣшаютъ ихъ путешествію. Но лишь только кто-либо изъ бродягъ нарушаетъ этотъ взаимный молчаливый договоръ, сибиряки дѣлаются безжалостными. „Промышленные“ (охотники)—а ихъ не мало въ каждой сибирской деревнѣ—разсыпаются по тайгѣ и безжалостно истребляютъ бродягъ, доходя иногда до утонченной жестокости. Около 30 лѣтъ тому назадъ охота за „горбачами“ была своего рода промысломъ; впрочемъ, этого рода охота за людьми остается и до сихъ поръ промысломъ, которымъ занимаются преимущественно карымы, помѣсь туземцевъ съ русскими. „Съ сохатаго возьмешь только одну шкуру,—говорятъ эти охотники,—а съ „горбача“ сдерешь по меньшей мѣрѣ двѣ: рубашку и хоботье“. Нѣкоторые изъ бродягъ находятъ работу на крестьянскихъ заимкахъ, расположенныхъ вдали отъ деревень, но большинство избѣгаетъ этого рода работы въ виду того, что лѣтомъ удобнѣе всего пробираться къ западу: тайга питаетъ и укрываетъ странниковъ въ теченіи теплаго времени года. Правда, она въ это время наполняется густыми тучами мошекъ и бродяги, кото-

рыхъ приходится встрѣчать лѣтомъ, имѣютъ ужасающій видъ: ихъ лица представляютъ одну сплошную опухшую рану; глаза воспалены и почти закрыты раздувшимися, напухшими вѣками; ноздри и губы покрыты сочащимися язвами. Въ Сибири и люди и скотъ доходятъ до бѣшенства отъ страданій, причиняемыхъ мошками, которыя проникаютъ вездѣ, несмотря на дымъ разложенныхъ костровъ. Но бродяга неутомимо продолжаетъ свой путь къ горнымъ вершинамъ, отдѣляющимъ Сибирь отъ Россіи, и его сердце радостно бьется, когда онъ видитъ опять ихъ голубоватыя очертанія на горизонтѣ. Около 20, пожалуй, даже 30.000 чел. ведутъ постоянно такого рода жизнь и не менѣе 100.000 чел. пыталось пробраться обратно на родину такимъ образомъ въ теченіи 50 лѣтъ (съ 1835 по 1885 г.). Сколькимъ изъ нихъ удалось попасть въ Россію? Никто не можетъ сказать даже приблизительно. Тысячи сложили свои кости въ тайгѣ и счастливы были тѣ изъ нихъ, глаза которыхъ закрыли преданные товарищи по странствованію. Другія тысячи должны были искать убѣжища въ острогахъ, когда ихъ захватывала въ пути суровая сибирская зима, во время которой замерзаетъ ртуть и которой не могутъ выдержать изможденныя тѣла злосчастныхъ бродягъ. Они получаютъ въ наказаніе за неудавшійся побѣгъ неизбѣжную сотню плетей, возвращаются опять въ Забайкалье и на слѣдующую весну, умудренные неудачнымъ опытомъ, снова пускаются въ тотъ-же путь. Тысячи бродягъ преслѣдуются, захватываются или убиваются бурятами, карымами и сибирскими промышленными охотниками. Нѣкоторыхъ арестовываютъ, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ они ступили на почву ихъ „матушки-Россіи“, когда они едва успѣли обнять стариковъ родителей, едва успѣли поглядѣть на родную деревню, оставленную ими много лѣтъ тому назадъ, часто лишь потому, что они не угодили исправнику, или вызвали злобу мѣстнаго кулака... Какая бездна страданій скрывается за этими тремя словами: „побѣгъ изъ Сибири!“

* * *

Перехожу теперь къ положенію политическихъ ссыльныхъ въ Сибири. Конечно, я не беру на себя смѣлости разсказать на этихъ страницахъ исторію политической ссылки, начиная съ 1607 г., когда одинъ изъ родоначальниковъ нынѣ царствующей династіи, Василій Никитичъ Романовъ, явился первымъ изъ безконечнаго ряда слѣдовавшихъ за нимъ политическихъ ссыльныхъ, закончивъ свою жизнь въ подпольной тюрьмѣ въ Нырдобѣ, въ цѣпяхъ, вѣсившихъ 64 фунта. Я не буду останавливаться на трагической исторіи Барскихъ конфедератовъ, прибывшихъ въ Сибирь съ отрѣзанными носами и ушами и, какъ говоритъ преданіе, спущенныхъ со ската Тобольскаго Кремля, привязанными къ бревнамъ; я не буду распространяться о преступленіяхъ безумца Трескина и исправника Лоскутова; я упомяну лишь мелькомъ объ экзекуціи 7 марта 1837 г., когда поляки Шокальскій, Сѣрочинскій и четверо другихъ умерли подъ ударами, шпицрутеновъ; я не буду описывать страданій декабристовъ и политическихъ ссыльныхъ первыхъ годовъ царствованія Александра II; я не буду перечислять здѣсь имена всѣхъ нашихъ поэтовъ и публицистовъ, начиная отъ временъ Радищева и кончая Одоевскимъ и позднѣе Чернышевскимъ и Михайловымъ. Я ограничусь теперь лишь изображеніемъ положенія политическихъ ссыльныхъ, находившихся въ Сибири въ 1883 году.

Кара служитъ мѣстомъ заключенія для политическихъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, и осенью 1882 г. хъ было тамъ 150 мужчинъ и женщинъ. Послѣ пребыванія отъ двухъ до четырехъ лѣтъ подъ слѣдствіемъ въ Петропавловской крѣпости, въ знаменитомъ Литовскомъ Замкѣ, въ Петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія и въ провинціальныхъ тюрьмахъ, они были посажены, послѣ суда, въ Харьковскую центральную тюрьму, въ которой содержались отъ трехъ до пяти лѣтъ, опять въ одиночномъ заключеніи, лишенные возможности заниматься какой-либо физической или умственной работой. Вслѣдъ за тѣмъ ихъ перевели на нѣсколько мѣсяцевъ въ Мценскую пересыльную тюрьму, гдѣ съ ними обращались гораздо лучше, и, наконецъ, отправили въ Забайкалье. Большинство изъ нихъ совершили путешествіе

на Кару при тѣхъ условіяхъ, которыя я описывалъ раньше,—за Томскомъ имъ пришлось идти пѣшкомъ въ кандалахъ. Немногимъ изъ нихъ начальство разрѣшило пользоваться подводами, на которыхъ они медленно тащились съ этапа на этапъ. Но даже эти, счастливые, по сравненію съ пѣшими товарищами, политическіе описываютъ это путешествіе, какъ рядъ мученій, говоря: „Люди впадали въ безуміе, не вынося нравственныхъ и физическихъ мученій этого пути. Жену д-ра Бѣлого, сопровождавшую мужа, постигла эта участь; кромѣ нея еще 2-3 товарища начали страдать психическимъ разстройствомъ".

Тюрьма, въ которой содержатся политическіе на Средней Карѣ, это—одно изъ тѣхъ ветхихъ прогнившихъ зданій, о которыхъ я говорилъ выше. Оно страдало переполненіемъ уже, когда въ немъ помѣщались 91 политич. арест.; съ прибытіемъ новой партіи въ 60 чел., переполненіе, конечно, усилилось въ громадной степени; вѣтеръ и снѣгъ свободно проникаютъ въ щели, образовавшіяся между сгнившими бревнами; благодаря такимъ же щелямъ на полу, изъ-подъ него страшно дуетъ. Главной пищей арестантовъ является черный хлѣбъ и гречневая каша; мясо выдается имъ лишь тогда, когда они работаютъ надъ добычей золота, т.-е. всего въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ въ году, да и тогда его получаютъ лишь 50 чел. изъ 150. Вопреки закону и обычаю, всѣ они были закованы въ 1881 г. въ кандалы и даже работали въ кандалахъ.

Для „политическихъ" не имѣется госпиталя и больные, которыхъ не мало, остаются на нарахъ, рядомъ съ здоровыми, въ тѣхъ же холодныхъ камерахъ, въ той же удушающей атмосферѣ. Даже психически разстроенную М. Ковалевскую до сихъ поръ держатъ въ тюрьмѣ. Къ счастью, среди политическихъ имѣются собственные врачи. Что же касается тюремнаго врача, то для его характеристики достаточно сказать, что М. Ковалевская была въ его присутствіи, во время одного изъ припадковъ ея безумія, брошена на полъ и жестоко избита. Женамъ политическихъ арестантовъ разрѣшено жить на Нижней Карѣ и посѣщать мужей дважды въ недѣлю, а также—

приносить имъ книги. Значительное количество заключенныхъ умираютъ медленной смертью, въ большинствѣ случаевъ отъ чахотки, и процентъ смертности быстро возрастаетъ.

Самымъ страшнымъ зломъ Карійской каторги является ничѣмъ не сдерживаемый произволъ тюремнаго начальства; заключенные находятся цѣликомъ въ зависимости отъ капризовъ людей, назначаемыхъ начальствомъ со спеціальной цѣлью „держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ". Начальникъ военной команды на Карѣ открыто говоритъ, что онъ былъ бы радъ, если бы какой-нибудь „политическій" оскорбилъ его, такъ какъ оскорбителя повѣсили бы; тюремный врачъ лѣчитъ арестантовъ при помощи кулаковъ; адъютантъ генералъ-губернатора, капитанъ Загаринъ, въ отвѣтъ на угрозу арестантовъ пожаловаться министру юстиціи, громко заявилъ: „Я вашъ губернаторъ, вашъ министръ, вашъ царь!" Достаточно ознакомиться съ исторіей „бунта" въ Красноярской тюрьмѣ, вызваннаго тѣмъ же капитаномъ Загаринымъ, чтобы убѣдиться, что вмѣсто того, чтобы находиться на государственной службѣ, подобный господинъ долженъ былъ бы сидѣть въ домѣ умалишенныхъ. Даже женщинамъ изъ политическихъ приходилось терпѣть отъ его грубости: онъ оскорблялъ въ нихъ даже чувство стыдливости. Но когда Щедринъ, защищая свою невѣсту, ударилъ Загарина по лицу, военный судъ вынесъ Щедрину смертный приговоръ. Генералъ Педашенко поступилъ согласно громко выраженному мнѣнію всего Иркутскаго общества, замѣнивъ смертный приговоръ двухнедѣльнымъ арестомъ въ карцерѣ, но, къ сожалѣнію, немногіе русскіе чиновники отличаются смѣлостью исправлявшаго должность генералъ-губернатора Восточной Сибири. Карцера, кандалы, приковка къ тачкѣ, — таковы обычныя наказанія, и при томъ вѣчныя угрозы „сотней плетей". — „Запорю! Сгною въ карцерѣ!" — постоянно слышатъ арестанты окрики начальства. Но, къ счастью, тѣлесное наказаніе не примѣняется къ политическимъ. Пятидесятилѣтній опытъ научилъ чиновниковъ, что день, когда бы вздумали примѣнить это наказаніе къ политическимъ, былъ бы „днемъ великаго кровопролитія", какъ

выражаются издатели „Народной Воли“, описывая жизнь своихъ друзей въ Сибири *).

Предписанія закона, относящіяся къ ссыльнымъ, открыто ставятся ни во что, какъ высшимъ, такъ и низшимъ начальствомъ. Такъ напр. Успенскій, Чарушинъ, Семеновскій и Шишко были выпущены въ вольныя команды въ деревнѣ Карѣ, въ качествѣ „испытуемыхъ“, согласно закону. Но въ 1881 г., по министерскому распоряженію, вызванному, неизвѣстно, какими причинами, было рѣшено посадить ихъ обратно въ тюрьму.

Убѣдившись такимъ образомъ, что политическіе каторжане находятся внѣ закона и что надежды на улучшеніе участи тщетны, двое изъ карійцевъ совершили самоубійство. Успенскій, мучившійся на каторжныхъ работахъ съ 1872 г., твердо переносившій всѣ бѣдствія, силу воли котораго ничто до того времени не могло сломить, послѣдовалъ примѣру двухъ своихъ товарищей. Если бы политическіе на Карѣ были обыкновенными уголовными убійцами, у нихъ все же была бы надежда, что, отбывъ 7—10—12 лѣтъ каторжныхъ работъ, они въ концѣ концовъ были бы выпущены на свободу и переведены въ какую-либо губернію Южной Сибири, сдѣлавшись такимъ образомъ, согласно закону, поселенцами. Но законы писаны не для политическихъ... Н. Г. Чернышевскій уже въ 1871 г. отбылъ 7 лѣтъ каторжныхъ работъ, согласно приговору суда. Если бы онъ убилъ своихъ отца и мать, или поджогъ домъ съ полъ-дюжиной дѣтей, по отбытіи каторги онъ былъ бы поселенъ въ какой-нибудь деревушкѣ Иркутской губерніи. Но онъ писалъ статьи по экономическимъ вопросамъ; онъ печаталъ ихъ... съ разрѣшенія цензуры; правительство считало его, какъ возможнаго вождя конституціонной партіи въ Россіи и, вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, онъ былъ похороненъ заживо въ крохотномъ городишкѣ Вилюйскѣ, находящемся среди болотъ и лѣсовъ въ 750 верстахъ за Якутскомъ. Тамъ, изолированный отъ всего міра, всегда подъ строгимъ надзоромъ двухъ жандармовъ, живущихъ въ одной съ нимъ избѣ, онъ прожилъ

*) Писано раньше извѣстнаго случая съ Сигидой.

уже цѣлые годы, и ни агитація русской прессы, ни резолюціи международныхъ литературныхъ конгрессовъ не могли вырвать его изъ рукъ подозрительнаго правительства. Такова же, вѣроятно, будетъ и судьба „политическихъ“, находящихся въ настоящее время на Карѣ. Когда наступитъ законный срокъ ихъ выхода на поселеніе — вмѣсто освобожденія ихъ переведутъ изъ болѣе мягкой по климату Забайкальской области куда-нибудь въ тундры полярнаго круга.

Какъ ни тяжело положеніе уголовныхъ ссыльно-каторжныхъ въ Сибири, правительство нашло возможнымъ подвергнуть такому же, если не худшему наказанію тѣхъ изъ своихъ политическихъ враговъ, которыхъ оно не смогло, даже при помощи подтасовки судовъ, сослать на каторгу или на поселеніе. Оно достигаетъ этого результата при помощи „административной ссылки или высылки“ въ болѣе или менѣе отдаленныя губерніи имперіи безъ приговора, даже безъ признака какого-либо суда, просто по приказанію всемогущаго шефа жандармовъ.

Каждый годъ отъ 500 до 600 юношей и дѣвушекъ бываютъ арестовываемы по подозрѣнію въ революціонной агитаціи. Слѣдствіе продолжается отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и даже болѣе, сообразно съ числомъ лицъ арестованныхъ по этому „дѣлу“ и важностью обвиненія. Не болѣе $^1/_{10}$ части изъ всего числа арестованныхъ бываетъ предаваемо суду. Всѣ же остальные, противъ которыхъ нельзя выдвинуть никакого обоснованнаго обвиненія, но которые были аттестованы шпіонами въ качествѣ людей „опасныхъ“, всѣ тѣ, кто, по своему уму, энергіи и „радикальнымъ взглядамъ“, могутъ сдѣлаться „опасными“; и въ особенности тѣ, кто во время подслѣдственнаго заключенія, проявили „духъ непочтительности“, — всѣ они высылаются въ какое-нибудь болѣе или менѣе отдаленное, глухое мѣсто, лежащее на пространствѣ между Колой и Камчаткой. Николай I не унижалъ себя до подобныхъ лицемѣрныхъ способовъ преслѣдованія и въ теченіи всего царствованія „желѣзнаго деспота“ административная ссылка „политическаго“ характера мало практиковалась. Но въ царствованіе

Александра II къ ней прибѣгали въ такихъ поразительныхъ размѣрахъ, что теперь едва ли найдется какой-нибудь городъ или селеніе за 55° широты, начиная отъ границъ Норвегіи до прибережья Охотскаго моря, гдѣ бы не нашлось пяти—десяти—двадцати административныхъ ссыльныхъ. Въ Январѣ 1881 г. ихъ насчитывалось 29 чел. въ Пинегѣ, деревушкѣ съ 750 обывателями, 55—въ Мезени (1800 жителей), 11 въ Колѣ (740 жителей), 47—въ Холмогорахъ, деревнѣ, въ которой имѣется всего 90 домовъ, 160—въ Зарайскѣ (5000 жителей), 19—въ Енисейскѣ и т. д.

Составъ ссыльныхъ этой категоріи—неизмѣнно одного и того же характера: студенты и дѣвушки „превратнаго образа мыслей"; писатели, которыхъ невозможно законнымъ путемъ преслѣдовать за ихъ литературную дѣятельность, но которые, по мнѣнію начальства, заражены „опаснымъ духомъ"; рабочіе, осмѣлившіеся „дерзко говорить" съ начальствомъ; лица, проявившія „непочтительность" по отношенію къ губернатору, и т. п.,—всѣ они ежегодно высылаются сотнями въ глухіе городишки и деревушки „болѣе или менѣе отдаленныхъ губерній имперіи". Что же касается людей ярко радикальнаго образа мыслей, подозрѣваемыхъ въ „опасныхъ тенденціяхъ", то достаточно самаго нелѣпаго доноса, самаго неосновательнаго подозрѣнія, чтобы попасть въ ссылку. Дѣвушки (какъ напр. Бардина, Субботина, Любатовичъ и многія др.) были осуждены на 6—8 лѣтъ каторжныхъ работъ лишь за то, что онѣ осмѣлились распространять соціалистическія брошюры среди рабочихъ. Былъ даже и такой случай, когда 14-ти лѣтняя Гуковская была сослана за то, что протестовала въ толпѣ противъ казни Ковальскаго. Если каторга и ссылка назначается судами за такіе проступки, то естественно, что къ административной ссылкѣ прибѣгаютъ тогда, когда, при всѣхъ усиліяхъ, нельзя возвести никакого болѣе или менѣе доказаннаго обвиненія *); короче говоря,

*) Изъ многочисленныхъ образчиковъ подобнаго рода административнаго произвола, опубликованныхъ въ 1881 г., когда печать на короткое время пользовалась нѣкоторой свободой, я приведу лишь одинъ.

Въ 1872 г. Курское дворянство чествовало мѣстнаго губерна-

административная ссылка приняла такіе размѣры и примѣнялась съ такимъ презрѣніемъ къ закону въ царствованіе Александра II, что какъ только, во время краткаго диктаторства Лорисъ-Меликова, губернскія земства смогли воспользоваться нѣкоторой свободой, ими немедленно была послана масса адресовъ императору, въ которыхъ земства просили о немедленной отмѣнѣ этого рода ссылки, ярко характеризуя всю чудовищность административнаго произвола *). Какъ извѣстно, всѣ эти протесты не повели, въ сущности, ни къ чему и правительство, шумно заявивъ о своемъ намѣреніи—амнистировать ссыльныхъ, ограничилось назначеніемъ коммиссіи для разсмотрѣнія ихъ „дѣлъ", амнистировало очень, очень немногихъ и для значительнаго количества административно-ссыльныхъ назначенъ былъ срокъ ссылки въ 5—6 лѣтъ, по истеченіи котораго „дѣла" ихъ должны были быть пересмотрѣны заново **). Они дѣйствительно были пересмотрѣны и въ результатѣ многіе получили новую прибавку, съ тѣмъ, однако, что, по истеченіи этого срока, „дѣла" ихъ опять будутъ пересмотрѣны. Многіе изъ ссыльныхъ не пожелали дожидаться новыхъ пересмотровъ и въ 1883 году въ Сибири началась эпидемія самоубійствъ.

тора обѣдомъ. Крупному землевладѣльцу М. Анненкову было поручено произнесть тостъ въ честь губернатора. Онъ произнесъ этотъ тостъ, но въ концѣ его прибавилъ: «Ваше Превосходительство, пью за Ваше здоровье, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ души желаю, чтобы Вы посвящали больше времени дѣламъ ввѣренной Вамъ губерніи».

Недѣлю спустя послѣ этого эпизода, у дверей его дома остановилась почтовая кибитка съ двумя жандармами; и, не давая Анненкову проститься не только со своими друзьями, а даже — съ женой, его отвезли въ Вятку. Его женѣ и Курскому и Фатешскому предводителямъ дворянства пришлось въ теченіи шести мѣсяцевъ самымъ настойчивымъ образомъ хлопотать у различныхъ очень вліятельныхъ особъ въ Петербургѣ, чтобы Анненкова вернули изъ ссылки. («Голосъ», «Порядокъ» и др. газеты, февр. 20—21, 1881 г.).

*) Въ приложеніи приводится извлеченіе изъ рѣчи Шакѣева, произнесенной въ Петербургскомъ дворянскомъ собраніи.

**) Въ теченіи 1881 г. было разсмотрѣно 2837 «дѣлъ» о политическихъ, сосланныхъ административнымъ порядкомъ; изъ нихъ—1950 находились въ то время въ Сибири. («Порядокъ», сентябрь 17,1881 г.).

Легко себѣ представить положеніе этихъ ссыльныхъ, если мы вообразимъ студента, или дѣвушку изъ хорошей семьи или искусснаго рабочаго, привезенныхъ жандармами въ какой-нибудь городишко, насчитывающій всего сотню домовъ, жителями котораго являются нѣсколько десятковъ зырянскихъ и русскихъ охотниковъ, два три торговца мѣхами, священникъ и исправникъ. Хлѣбъ страшно дорогъ; всякаго рода товары, вродѣ сахара, чая, свѣчей, продаются чуть ли не на вѣсъ золота; о какомъ-нибудь заработкѣ въ городишкѣ нечего и думать. Правительство выдаетъ такимъ ссыльнымъ отъ 4 до 8 руб. въ мѣсяцъ, причемъ выдача этой нищенской суммы прекращается, если ссыльный получитъ отъ родныхъ или друзей хотя бы самую ничтожную сумму денегъ, напр. 10 руб. въ теченіи года. Давать уроки—строго воспрещено, хотя бы даже дѣтямъ станового или исправника. Большинство ссыльныхъ изъ культурныхъ классовъ не знаютъ никакого ремесла. Найти же занятіе въ какой-нибудь конторѣ или частномъ предпріятіи, если таковыя находятся въ городишкѣ, совершенно невозможно.

„Мы боимся давать имъ занятія“, — писалъ Енисейскій корреспондентъ „Русскаго Курьера“, — „въ виду того, что мы сами можемъ за это попасть подъ надзоръ полиціи... Достаточно встрѣтиться съ административно-ссыльнымъ или обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами, чтобы, въ свою очередь, попасть въ число подозрительныхъ... Глава одной торговой фирмы заставилъ недавно своихъ приказчиковъ подписать условіе, въ которомъ они обязываются не заводить знакомства съ „политическими“ и даже не здороваться съ ними при случайной встрѣчѣ на улицѣ“.

Болѣе того, въ 1880 г. намъ пришлось читать въ русскихъ газетахъ, что министръ финансовъ сдѣлалъ предложеніе „о разрѣшеніи уголовнымъ и политическимъ административно-ссыльнымъ заниматься всякаго рода ремеслами, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, причемъ такое разрѣшеніе должно быть испрашиваемо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ“. Я не знаю, былъ ли этотъ планъ приведенъ въ исполненіе, но мнѣ извѣстно, что

еще недавно занятіе почти всѣми видами ремесла воспрещалось административно-ссыльнымъ, не говоря уже о томъ, что во многихъ случаяхъ занятіе извѣстнаго рода ремеслами прямо-таки невозможно, въ виду того, что административно-ссыльнымъ воспрещается отлучка изъ города даже на нѣсколько часовъ. Послѣ всего вышесказаннаго нужно ли говорить объ ужасной невообразимой нищетѣ, въ которой приходится ссыльнымъ влачить жизнь?—„Безъ одежи, безъ сапоговъ, безъ какихъ-либо занятій, ютясь въ крохотныхъ нездоровыхъ избушкахъ, они въ большинствѣ случаевъ умираютъ отъ чахотки“,—сообщалось въ „Голосѣ“ (2 февраля, 1881 г.). „Наши административные ссыльные буквально голодаютъ. Нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя квартиръ, устроились въ подпольѣ подъ колокольней“,—писалъ другой корреспондентъ. „Административная ссылка, проще говоря, сводится къ убійству путемъ голоданія“,—таково было мнѣніе русской прессы, когда она имѣла возможность высказаться по этому вопросу. „Это—приговоръ къ медленной, но вѣрной смерти“,—писалъ по тому-же поводу „Голосъ“.

И все-же нищета не является наиболѣе острымъ въ ряду бѣдствій, постигающихъ административно ссыльнаго. Мѣстное начальство обращается съ ними самымъ возмутительнымъ образомъ. За помѣщеніе свѣдѣнія въ газетахъ объ ихъ положеніи ссыльные переводятся въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири. Молодымъ дѣвушкамъ, сосланнымъ въ Каргополь, приходится принимать ночные визиты пьяныхъ мѣстныхъ властей, силою врывающихся въ ихъ комнаты подъ предлогомъ, что власти имѣютъ право посѣщать ссыльныхъ во всякое время дня и ночи. Въ другой мѣстности полицейскій чиновникъ требуетъ отъ политическихъ ссыльныхъ дѣвушекъ являться каждую недѣлю въ полицейскій участокъ для „освидѣтельствованія, совмѣстно съ проститутками“, и т. д.; и т. д.*).

*) «Голосъ», 12 февраля, 1881 г. Съ апрѣля 1881 г. газетамъ строжайше было воспрещено печатать какія-либо свѣдѣнія объ административно-ссыльныхъ, да и всѣ газеты, носившія болѣе или менѣе независимый характеръ, были закрыты.

Если таково положеніе ссыльныхъ въ менѣе отдаленныхъ частяхъ Россіи и Сибири, можно себѣ представить, каково оно въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Олекминскъ, Верхоянскъ или Нижне-Колымскъ, деревушка, лежащая у устья Колымы за 68° широты и имѣющая лишь 190 жителей. Во всѣхъ этихъ деревушкахъ, состоящихъ нерѣдко всего изъ нѣсколькихъ домовъ, живутъ ссыльные, мученики, заживо-погребенные въ нихъ за то, что правительство не смогло выставить противъ нихъ никакого серьезнаго обвиненія. Пространствовавши цѣлые мѣсяцы по покрытымъ снѣгомъ горамъ, по замерзшимъ рѣкамъ, по тундрамъ, они заточены въ эти деревушки, гдѣ прозябаютъ лишь нѣсколько полуголодныхъ людей, промышляющихъ охотой. Не ограничиваясь ссылкой въ такія, казалось бы, достаточно глухія и угрюмыя мѣстности, правительство — какъ ни трудно этому повѣрить — высылаетъ нѣкоторыхъ административно-ссыльныхъ въ Якутскіе улусы, гдѣ имъ приходится жить въ юртахъ, вмѣстѣ съ якутами, нерѣдко страдающими самыми отвратительными накожными болѣзнями. „Мы живемъ во мракѣ“, — писалъ одинъ изъ нихъ своимъ друзьямъ, воспользовавшись поѣздкой охотника въ Верхоянскъ, откуда письму пришлось путешествовать 10 мѣсяцевъ, пока оно достигло Олекминска,— „мы живемъ во мракѣ и зажигаемъ свѣчи лишь на 1½ часа въ день; онѣ стоятъ черезчуръ дорого. Хлѣба совсѣмъ нѣтъ и мы питаемся рыбой. Мяса не достать ни за какую цѣну“. Другой писалъ: „Пишу вамъ, страдая отъ мучительныхъ болей, вслѣдствіе воспаленія надкостной плевы... Я просился въ госпиталь, но безуспѣшно. Не знаю, долго ли продолжатся мои мученія; единственное мое желаніе теперь какъ-нибудь избавиться отъ этой боли. Намъ не позволяютъ видаться другъ съ другомъ, хотя мы живемъ всего на разстояніи около 5 верстъ. Казна отпускаетъ намъ 4 руб. 50 коп. — въ мѣсяцъ“. Третій ссыльный писалъ около того же времени: „Спасибо вамъ, дорогіе друзья, за газеты, но, къ сожалѣнію, не могу читать ихъ: нѣтъ свѣчей и негдѣ купить ихъ. Моя цынга прогрессируетъ и такъ какъ нѣтъ надежды на переводъ, я надѣюсь умереть въ теченіи этой зимы“.

„Надѣюсь умереть въ теченіи этой зимы!“ — такова единственная надежда, которую можетъ питать ссыльный, попавшій въ Якутскій улусъ подъ 68° широты!

Читая подобныя письма, мы снова переносимся въ XVII столѣтіе и, кажется, слышимъ опять снова протопопа Аввакума: „а я остался здѣсь въ холодномъ срубѣ, а позднѣе съ грязными тунгузами, какъ хорошій пёсъ, лежа на соломѣ; когда покормятъ меня, а когда и забудутъ“. И, подобно женѣ Аввакума, мы спрашиваемъ снова и снова: „Долго ли муки сея будетъ“. Со времени эпизода съ Аввакумомъ прошли вѣка; въ продолженіи цѣлаго столѣтія мы слышали патетическія декламаціи о прогрессѣ и гуманитарныхъ принципахъ и все это лишь для того, чтобы ему возвратиться къ тому же самому пункту, возвратиться къ тому времени, когда московскіе цари, по нашептываніямъ приближенныхъ бояръ, посылали своихъ враговъ умирать въ тундрахъ.

А на вопросъ Аввакумовой жены, повторяемый снова и снова по всему пространству Сибири, у насъ имѣется лишь одинъ отвѣтъ: никакая частичная реформа, никакая замѣна однихъ людей другими не смогутъ улучшить этого ужасающаго положенія вещей; его можетъ измѣнить лишь полное измѣненіе всѣхъ основныхъ условій русской жизни.

ГЛАВА VI.

Ссылка на Сахалинъ.

На сѣверѣ Тихаго Океана, вблизи береговъ русской Манджуріи, лежитъ большой островъ, по величинѣ одинъ изъ самыхъ обширныхъ острововъ міра, но его положеніе вдали отъ морскихъ путей, дикость его природы, безплодіе почвы и трудность доступа къ нему были причиной того, что вплоть до прошлаго столѣтія на него не обращали никакого вниманія, разсматривая его, какъ полуостровъ. Мало есть мѣстъ на всемъ пространствѣ

Россійской имперіи хуже острова Сахалина; а потому туда и ссылаетъ нынче русское правительство уголовныхъ каторжанъ.

При ссылкѣ въ Сибирь всегда имѣлась въ виду троякая цѣль: избавиться отъ накопленія преступныхъ элементовъ въ Россіи, при наименьшихъ расходахъ со стороны казны; снабдить рудники дешевыми рабочими и, наконецъ, колонизовать Сибирь. Въ теченіи многихъ лѣтъ предполагалось, что вышеуказанная цѣль достигается; эта иллюзія могла держаться лишь, пока мнѣніе самихъ сибиряковъ доходило до Петербурга при помощи губернаторовъ, назначаемыхъ въ томъ же Петербургѣ. Но въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ сдѣлалось все болѣе и болѣе затруднительнымъ заглушить независимыя мнѣнія, какъ самихъ сибиряковъ, такъ и вообще людей, знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вопроса о ссылкѣ; возникла цѣлая литература, безжалостно разрушавшая бюрократическія иллюзіи. Петербургское правительство вынуждено было заняться разслѣдованіемъ вопроса о ссылкѣ и о ея конечныхъ результатахъ и это разслѣдованіе вполнѣ подтвердило мнѣніе людей, занимавшихся изученіемъ этого вопроса по собственному почину.

Оказывалось, прежде всего, что если кабинетъ дѣйствительно имѣетъ дешевыхъ рабочихъ въ лицѣ ссыльно-каторжныхъ, добывающихъ золото и серебро изъ рудниковъ, то эта дешевизна достигается путемъ совершеннаго презрѣнія къ цѣнности человѣческой жизни. Необычайно высокій процентъ смертности среди каторжанъ, работавшихъ въ этихъ рудникахъ, возмущалъ общественную совѣсть. Если 20 лѣтъ тому назадъ возможно было замучивать до смерти на работѣ, съ цѣлью добыть такое количество золота, какое предписывалось изъ Петербурга; если каторжанъ можно было заставлять работать сверхъ силъ и въ тоже время голодать, вслѣдствіе чего они умирали сотнями въ теченіи одного лѣта и никто не смѣлъ пикнуть ни слова объ этихъ звѣрствахъ,—это стало невозможнымъ, когда подобные факты сдѣлались общеизвѣстными. Со времени открытія воднаго пути по Амуру, императорскіе золотые рудники на Карѣ и серебряные—на Газимурѣ не были уже болѣе

гдѣ-то на краю свѣта. Предполагаемая дешевизна труда, при болѣе детальномъ изслѣдованіи, также оказывалась обманчивой: хотя кабинетъ платилъ каторжанамъ за работу гроши, но транспортировка арестантовъ изъ Россіи, страшная смертность, господствующая среди нихъ, масса бѣглецовъ, бродившихъ по всей Сибири, необходимость содержанія громадной администраціи, а равнымъ образомъ—солдатъ и казаковъ, все это ложилось такимъ тяжелымъ бременемъ на Россію и Сибирь, что страна, чтобы избавиться отъ этого бремени, несомнѣнно съ охотой поднесла бы кабинету сумму въ два раза превосходящую ту, которая добывалась въ его рудникахъ путемъ „дешеваго“ арестантскаго труда.

Другую иллюзію, согласно которой Сибирь была облагодѣтельствована заселеніемъ ея ссыльными, — было труднѣе разсѣять. Статистика указывала, что, начиная съ 1754 до 1885 г., въ Сибирь было выслано около 1.200.000 ссыльныхъ и каково бы ни было число убѣжавшихъ и преждевременно умершихъ, все-же многія сотни тысячъ жителей были этимъ путемъ присоединены къ коренному населенію страны. Доказывали даже, что если Сибирь обладаетъ теперь 4.100.000 населенія, то это населеніе составилось, главнымъ образомъ, изъ ссыльныхъ и ихъ потомства.

Цыфра, приведенная нами въ предыдущей главѣ, а равнымъ образомъ многія другія статистическія данныя помогли, однако, до извѣстной степени разсѣять и эту иллюзію. Оффиціальное разслѣдованіе, произведенное въ 1875 г., указывало, что хотя въ 4-хъ милліонномъ населеніи Сибири имѣется значительный процентъ потомковъ ссыльныхъ, все-же колонизація страны совершалась главнымъ образомъ путемъ свободныхъ переселеній, которыя дали странѣ неизмѣримо лучшіе элементы, по сравненію съ толпами ссыльныхъ арестантовъ, деморализованныхъ долгимъ заключеніемъ въ тюрьмахъ, изнуренныхъ трудомъ на каторгѣ и поселявшихся въ Сибири вовсе безъ намѣренія начать въ ней новую жизнь. Если статистическія данныя и не совпадаютъ вполнѣ съ крайними взглядами нѣкоторыхъ сибиряковъ, готовыхъ утвер-

ждать, что ссылка не играла никакой роли въ ростѣ населенія Сибири, все-же эти данныя показываютъ, что приростъ населенія путемъ притока ссыльныхъ оплачивался чрезмѣрными человѣческими страданіями, тѣмъ болѣе, что лишь менѣе половины ссыльныхъ превращаются въ осѣдлыхъ поселенцевъ. Другая же половина является только тяжелымъ бременемъ для колоніи *).

Незначительность результатовъ, достигнутыхъ въ дѣлѣ колонизаціи Сибири путемъ ссылки, должна была бы заставить правительство воздержаться отъ дальнѣйшихъ опытовъ въ этомъ направленіи, въ особенности, если бы были приняты во вниманіе тѣ страданія, которымъ подвергаются ссыльные. Но желаніе имѣть постоянное русское населеніе на островѣ Сахалинѣ, а равнымъ образомъ стремленіе сибирскихъ генералъ-губернаторовъ — освободиться отъ ежегодно увеличивающагося притока каторжанъ, посылаемыхъ въ Нерчинскіе заводы, побудили правительство предпринять новый опытъ—колонизаціи этого дикаго острова, путемъ ссылки туда ссыльно-каторжныхъ. Эта идея пришлась по вкусу въ Петербургѣ, а поэтому сибирскіе генералъ-губернаторы легко подыскали соотвѣтственныхъ чиновниковъ, которые изобразили островъ, какъ наиболѣе подходящее мѣсто для подобнаго эксперимента, и расписали въ самыхъ яркихъ краскахъ минеральныя богатства острова, его каменноугольныя залежи и т. д. Правительство не желало прислушаться къ голосамъ частныхъ изслѣдователей, людей науки, горныхъ инженеровъ и морскихъ офицеровъ, которые характеризовали Сахалинъ сообразно суровой дѣйствительности. Начиная съ 1869 г. потокъ ссыльно-каторжныхъ направляется на злосчастный островъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ печать не проникало никакихъ свѣдѣній объ этомъ нелѣпомъ экспериментѣ; но, въ концѣ концовъ, правда начала обнаруживаться и мы теперь имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы составить общее понятіе о результатахъ этой бюрократической затѣи.

Хотя по пространству Сахалинъ занимаетъ одно изъ

*) См. приложеніе А.

первыхъ мѣстъ среди острововъ міра, онъ долженъ быть причисленъ къ мѣстностямъ, наименѣе пригоднымъ для цѣлей колонизаціи. Въ этомъ отношеніи, среди острововъ міра, развѣ лишь Новая Земля и Новая Сибирь могутъ быть поставлены ниже Сахалина. Собственно говоря, онъ является соединительнымъ звеномъ между Японскимъ архипелагомъ и Курильскими островами, такъ что Японія разсматривала Сахалинъ, какъ часть своей территоріи вплоть до того времени, когда русскіе, въ 1853 г., устроили первый военный постъ въ Южной части острова. Три года спустя былъ устроенъ другой постъ при каменно-угольныхъ копяхъ Дуэ, напротивъ устья Амура. Россія, такимъ образомъ, завладѣла островомъ и онъ былъ обслѣдованъ въ періодѣ 1860—1867 гг. нѣсколькими научными экспедиціями. Военные посты были усилены; начата была разработка юрскихъ каменноугольныхъ отложеній въ Дуэ и въ 1875 г. Японія, продолжавшая разсматривать южный Сахалинъ, какъ часть своей территоріи, уступила его Россіи, въ обмѣнъ на Курильскіе острова.

Собственно говоря, островъ не обладаетъ ни малѣйшей привлекательностью въ какомъ бы то ни было отношеніи и, не смотря на его обширные размѣры (1000 верстъ длины и отъ 30 до 220 верстъ ширины), населеніе на немъ едва достигаетъ 5000 душъ. Около 2000 гиляковъ влачатъ печальное существованіе на сѣверѣ острова, занимаясь охотой; около 2500 айновъ—бородатое племя одного корня съ курильцами—живутъ въ немногихъ поселеніяхъ, разбросанныхъ по южной части и, наконецъ, нѣсколько сотенъ орочей, т.-е. тунгузовъ, ведутъ кочевую жизнь въ гористой области острова. Айны находятся въ состояніи прямого рабства у нѣсколькихъ японскихъ купцовъ, снабжающихъ ихъ зерновымъ хлѣбомъ, солью и другими необходимыми продуктами, въ обмѣнъ на которые этотъ несчастный народецъ принужденъ расплачиваться тяжелой работой: японскіе купцы отбираютъ у айновъ всю рыбу, которую послѣдніе успѣваютъ наловить въ заливахъ и въ устьяхъ немногихъ рѣкъ, оставляя айнамъ лишь количество, необходимое для скуднаго пропитанія. Сахалинъ, за все время его

историческаго существованія, будучи сначала подъ владычествомъ Китая, а позднѣе Японіи, никогда не обладалъ осѣдлымъ населеніемъ; на немъ жили лишь кучки нищенски-бѣдныхъ охотниковъ и рыболововъ.

Да, въ сущности, лишь охотники и рыболовы и могли найти здѣсь какія-либо средства къ жизни.

Не то, чтобы островъ лежалъ въ очень широкихъ высотахъ: его южная оконечность доходитъ до 46°, а сѣверная не переходитъ за 54°. Но дѣло въ томъ, что теплое морское теченіе, которое могло бы принести къ острову теплоту Китайскихъ водъ, не достигаетъ его; въ то время, какъ ледяное холодное теченіе, выходящее изъ „великаго ледника“ Тихаго океана — Охотскаго моря— омываетъ восточные берега острова. Въ серединѣ лѣта русскіе изслѣдователи нашли восточные берега покрытыми ледяными полями и кучами льда, нанесеннаго сѣверо-восточными вѣтрами. А на западѣ узкій продолговатый островъ имѣетъ огромный холодильникъ—холодныя и высокія горныя цѣпи Сибири, отъ которыхъ онъ отдѣленъ лишь очень узкимъ и мелкимъ проливомъ. Лучи солнца скрываются за тяжелыми облаками и густыми туманами. Когда Ив. Сем. Поляковъ высадился въ Дуэ, (на среднемъ Сахалинѣ), въ концѣ іюня, онъ нашелъ горы покрытыми снѣгомъ, а почву замерзшей до глубины 21 дюйма. Лѣтніе всходы едва начинали прозябать, а высадку огородныхъ овощей нельзя было начать раньше 20 іюня. Іюнь приближался къ концу, но термометръ за все это время не поднимался выше 18° С. За все время не выдалось ни одного яснаго дня; густой туманъ окутывалъ побережье и сосѣднія горы цѣлыхъ восемь дней втеченіи іюня.

Нѣсколько горныхъ цѣпей (высотой отъ 2000 до 5000 футовъ) пересѣкаютъ островъ. Ихъ болотистые, или каменистые склоны сверху до низу покрыты жалкими лѣсами, состоящими изъ деревьевъ свойственныхъ субарктической полосѣ. А между горъ проходятъ лишь узкія, сырыя, болотистыя долины—совершенно непригодныя для земледѣлія. Крутые склоны горъ спускаются къ самому Татарскому проливу, такъ что дорогу нельзя проложить по берегу, не пробивая утесовъ.

Въ сущности только двѣ долины прорѣзаютъ горы, заполняющія островъ: долина рѣки Дуэ, продолжающаяся къ сѣверо-востоку долиною Тыми и долина Пороная въ южной части острова. Въ первую изъ нихъ, къ тому мѣсту, гдѣ добываютъ каменный уголь, и направлены были ссыльно-каторжные.

И. С. Поляковъ, посѣтившій Сахалинъ въ 1881—82 г. по порученію Петербургской Академіи Наукъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ эту долину, которая въ воображеніи русскихъ бюрократовъ должна была сдѣлаться центромъ русской цивилизаціи на островѣ. Горы, окружающія эту узкую долину, въ большинствѣ обнажены отъ растительности и ихъ склоны черезчуръ круты, чтобы на нихъ можно было засѣять хлѣбъ. Дно самой долины состоитъ изъ слоя тяжелой глины, покрытой сверху лишь тонкимъ пластомъ пахатной земли. Вся долина имѣетъ очень болотистый характеръ. „Можно ходить, не увязая очень глубоко въ грязи — говоритъ Поляковъ, — „но вся долина усѣяна торфяниками и глубокими болотами... Почва нигдѣ не пригодна для земледѣлія... Мѣстность сильно напоминаетъ худшія части Олонецкой губерніи, съ той лишь разницей, что она часто покрыта водой, даже въ лѣсахъ и что дѣлаетъ невозможнымъ методъ, практикуемый въ Олонецкой губерніи, т.-е. — выжиганіе лѣса, за которымъ слѣдуетъ корчеваніе". „Въ такихъ условіяхъ земледѣліе и огородничество въ окрестностяхъ Дуэ невозможны. Лишь нѣсколько полосъ въ верхней части долины и по верховью Тыми могутъ быть использованы для этой цѣли. Но эти немногія полоски, встрѣчаемыя изрѣдка, въ большей части, уже обработаны *).

Между тѣмъ, именно тутъ, въ окрестностяхъ Дуэ, сосредоточены каторжане въ качествѣ колонистовъ, послѣ отбытія ими каторги въ Александровской тюрьмѣ. Поселеніе вокругъ этой тюрьмы отличается необыкно-

*) Ив. Поляковъ. «Путешествіе на островъ Сахалинъ въ 1881—2 году». Эта работа была напечатана въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества» (1883).

венной мрачностью. Имѣются двѣ большія казармы—тюрьмы, возлѣ нихъ разбросано нѣсколько домовъ, а за ними начинается тайга. Лишь Верхне-Александровскъ, расположенный нѣсколько выше по долинѣ и Корсаково, съ его нѣсколькими домами имѣетъ болѣе жилой видъ; но и тамъ уже вся земля, пригодная для огородничества, находится подъ обработкой. А, между тѣмъ, Сахалинъ былъ выбранъ мѣстомъ ссылки для каторжанъ именно лишь съ цѣлью образовать изъ нихъ постоянныя земледѣльческія поселенія. Предполагалось, что, отбывъ часть срока на каменно-угольныхъ копяхъ, они будутъ поселены по близости и станутъ выращивать достаточно хлѣба для своего прокормленія и для снабженія тюрьмы.

Въ верхней части долины, которая, согласно преувеличеннымъ отчетамъ администраціи, должна была сдѣлаться житницей Сахалина, почва отличается тѣми же качествами и небольшимъ поселеніямъ, Рыкову и Мало-Тимовскому,—„являющимся наиболѣе удобными мѣстами для земледѣлія на всемъ островѣ“, — приходится вести ту же упорную борьбу съ природой. Овесъ не вызрѣваетъ и выращиваютъ только ячмень. Что же до дорогъ, соединяющихъ эти поселенія, то сообщеніе по нимъ очень трудно. Въ лѣсахъ прорѣзаны просѣки, но лошади вязнутъ въ болотистой почвѣ. Много надеждъ возлагалось на Тымскую долину, которая является продолженіемъ Александровской долины къ сѣверо-востоку и доходитъ до Охотскаго моря. Но ея болотистая почва, а тѣмъ болѣе холодъ и туманы Охотскаго моря, дѣлаютъ занятіе земледѣліемъ въ долинѣ, за исключеніемъ верхней части ея, совершенно невозможнымъ. Ея растительность имѣетъ субполярный характеръ, а приморское побережье ничѣмъ не отличается отъ Сибирской тундры. „Если впослѣдствіи—говоритъ Поляковъ въ оффиціальномъ отчетѣ,—„послѣ тщательныхъ поисковъ и найдутся нѣсколько мѣстъ въ Тымской долинѣ, пригодныхъ для садоводства и распашки подъ зерновые хлѣба, слѣдовало бы подождать результатовъ опыта въ уже имѣющихся поселеніяхъ, прежде чѣмъ заводить новыя; тѣмъ болѣе, что снабженіе этихъ поселеній пищевыми про-

дуктами уже и теперь сопряжено съ значительными затрудненіями и колонія серьезно страдаетъ отъ недостатка провизіи. Что же касается надежды относительно устройства деревень въ устьѣ Тыма, она совершенно ошибочна, такъ какъ это — область тундры и полярной березы". Эти заключенія русскаго путешественника, выраженныя въ столь сдержанной, — можетъ быть черезчуръ сдержанной,—формѣ, вполнѣ подтверждаются наблюденіями д-ра Петри въ 1883 г., съ той лишь разницей, что итальянскій докторъ не отличается сдержанностью русскаго ученаго. Всѣ разсказы о „Колонизаціи Сахалина",—писалъ онъ въ Jahresbericht Бернскаго географическаго общества за 1883 и 1884 г.—„ничто иное, какъ самая наглая ложь, распускаемая администраціей острова. Въ то время, какъ мѣстная администрація показываетъ на бумагѣ 1000 десятинъ якобы уже находящихся подъ обработкой, съемка, сдѣланная г. Карауловскимъ, даетъ только 510 десятинъ дѣйствительно обработанныхъ. Выходитъ, что 700 семействъ ссыльно-каторжныхъ, которымъ были обѣщаны надѣлы въ 13 дес. пахатной земли на каждую душу мужского пола. въ дѣйствительности успѣли очистить не болѣе $^2/_3$ десят. на семью" *). Д-ръ Петри приходитъ къ заключенію, что островъ совершенно непригоденъ для земледѣлія и что правительство рѣшилось на подобный экспериментъ, вслѣдствіе лживыхъ отчетовъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ въ этомъ предпріятіи.

Насколько можно судить, по обнаружившимся фактамъ, опытъ вполнѣ подтвердилъ мрачныя предсказанія Полякова и д-ра Петри. Выращиваніе зерновыхъ посѣвовъ на островѣ сопровождается такими затрудненіями и такой неизвѣстностью въ успѣхѣ, что новые поселенцы должны питаться продуктами, привозимыми изъ Россіи; при чемъ нѣтъ никакой надежды на улучшеніе въ этой области. Пищевые продукты приходится переносить изъ долины Дуэ въ Тымскую долину (селеніе Дербинское)

*) Jahresbericht der Geographischen Gesellschaw von Bern, 1883—84, см. стр 129 и 39. См. также «St. Petersburg's Herold», №№ 353—356, за 1884 г.

черезъ горную цѣпь, на спинахъ арестантовъ, на пространствѣ 90 верстъ *); теперь читатель можетъ понять, что, въ сущности, обозначали сдержанныя слова Полякова о „недостаткѣ провизіи". Что же касается тѣхъ немногихъ свободныхъ колонистовъ, которые, повѣривъ лживымъ обѣщаніямъ, бросили свои дома въ Тобольской губерніи, и переселились въ Таной, основавъ тамъ деревню въ 25 домовъ,—они вынуждены были бросить Сахалинъ послѣ 3-хъ лѣтней отчаянной борьбы съ негостепріимнымъ климатомъ и безплодной почвой. Несмотря на субсидіи отъ казны, они не пожелали остаться на островѣ и выселились на материкъ на Тихо-океанское побережье.

Несомнѣнно, что Сахалинъ никогда не сдѣлается земледѣльческой колоніей. Если и заведутъ тамъ колонистовъ, то, подобно переселенцамъ нижняго Амура, они будутъ служить постояннымъ обремененіемъ казны и правительство, въ концѣ концовъ, вынуждено будетъ разрѣшить имъ переселиться въ какую-либо иную мѣстность, ибо въ противномъ случаѣ ему придется долгіе годы кормить колонистовъ. Пожалуй, на островѣ можно было бы вести съ нѣкоторымъ успѣхомъ скотоводство. Но во всякомъ случаѣ, Сахалинъ можетъ разсчитывать лишь на очень незначительное количество колонистовъ, которые могли бы пропитываться продуктами скотоводства и рыбной ловлей.

Въ Россіи много говорили о Сахалинскомъ каменномъ углѣ. Но и въ этомъ отношеніи были допущены большія преувеличенія. Правда, сахалинскій каменный уголь предпочитается на Востокѣ австралійскому, но онъ несравненно хуже Нью-Кестльскаго или Кардиффскаго**).

Добываніе каменнаго угля на Сахалинѣ было начато еще въ 1858 г. и въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ его было добыто 30.000 тонъ. Но уголь получался плохой, съ массой камней, а его добываніе (которое производилось при

*) Д-ръ Петри, l. c.

**) По свѣдѣніямъ, приводимымъ д-ромъ Петри за сахалинскій каменный уголь платятъ отъ 7 до 7½ долларовъ за тонну, въ то время, какъ японскій и австралійскій уголь обходится 5 дол.

свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей! *) обходилось баснословно дорого. Но все же запасъ добытаго угля быстро возросталъ по мѣрѣ того, какъ, партія за партіей, прибывали каждый годъ новые ссыльно-каторжные, такъ что теперь часть ихъ занята проведеніемъ дороги по побережью, съ цѣлью облегчить сношенія между Дуэ и Александровскомъ. Между прочимъ, въ скалахъ былъ пробитъ туннель; но этотъ знаменитый туннель, который долженъ былъ еще прославить Сахалинъ и объ окончаніи работъ въ которомъ торжественно возвѣщалось въ русскихъ газетахъ, 1886 г. еще вовсе не былъ готовъ; тогда это была лишь круглая дыра, сквозь которую люди могли пробираться лишь на четверенькахъ.

Хуже всего, пожалуй, что на всемъ береговомъ пространствѣ Сахалина не имѣется ни одной природной гавани и доступъ къ его берегамъ чрезвычайно затруднителенъ, вслѣдствіе тумановъ, поздняго наступленія лѣта и отсутствія маяковъ въ Татарскомъ проливѣ. Рейдъ въ Дуэ совсѣмъ не защищенъ отъ вѣтровъ. Большой заливъ Терпѣнія черезчуръ мелокъ, глубина его не превышаетъ 24 фут. на разстояніи полумилли отъ берега. Лучшій заливъ—Анивскій, который замерзаетъ лишь на нѣсколько недѣль, также совершенно не защищенъ отъ вѣтровъ и не имѣетъ гаваней. Только заливъ Мордвиново даетъ хорошую якорную стоянку.

Пройдетъ, вѣроятно, не мало лѣтъ, пока сахалинскій уголь сможетъ конкурировать съ Европейскимъ въ портахъ Китая. А пока это наступитъ, для добыванія 5.000 тонъ, необходимыхъ для той части русскаго флота, которая находится въ этихъ водахъ, вполнѣ было бы достаточно работы 120 чел. Тысячамъ арестантовъ, такимъ образомъ, въ сущности, нечего дѣлать на Сахалинѣ и добытый ими уголь, вѣроятно, будетъ лежать десятки лѣтъ безъ употребленія.

Первая партія арестантовъ, состоявшая изъ 800 чел., была послана на Сахалинъ въ 1869 г. Слѣдуя установившимся традиціямъ, администрація не могла изобрѣсть

*) Кеппенъ. «Сахалинъ». Его каменноугольныя копи и каменноугольная промышленность. Спб., 1875. (Очень цѣнная работа, которой можно довѣряться).

ничего лучшаго, какъ послать ихъ черезъ Сибирь; такимъ образомъ, тѣмъ изъ нихъ, которые слѣдовали изъ Карійскихъ каторжныхъ тюремъ, пришлось совершить путешествіе въ 3000 верстъ внизъ по Амуру, а высылавшимся изъ Россіи пришлось совершить не менѣе 7000 верстъ, прежде чѣмъ они добрались до Николаевска, у устья Амура.

Результаты этого путешествія были, поистинѣ, ужасающи. Когда первая партія, выступившая въ путь въ составѣ 250 чел., достигла наконецъ Николаевска, то, не говоря уже о смертности въ пути, *всѣ* арестанты въ партіи страдали цынгою; 50 чел. изъ нихъ не могли двигаться... *). И эти несчастные люди предназначались быть піонерами колонизаціи на Сахалинѣ! Не удивительно, что въ первые годы смертность на Сахалинѣ достигала 117 чел. на 1000 и что каждый ссыльный находился нѣкоторое время въ госпиталѣ *трижды* въ теченіи одного года **).

Лишь послѣ длиннаго ряда подобныхъ „ошибокъ", о которыхъ говорилось даже въ нашей подцензурной прессѣ, транспортированіе ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ черезъ Сибирь было прекращено и ихъ начали высылать моремъ, черезъ Одессу и Суэзскій каналъ. Англичане, вѣроятно, еще помнятъ, въ какомъ ужасномъ состояніи были привезены каторжане въ Суецъ и какой крикъ негодованія былъ поднятъ по этому поводу въ англійской прессѣ. Положеніе вещей въ теченіи послѣднихъ лѣтъ нѣсколько улучшилось, судя по врачебнымъ отчетамъ, которые утверждаютъ, что транспортированіе арестантовъ, на пароходахъ, идущихъ изъ Одессы, производится при сравнительно сносныхъ условіяхъ. Но еще недавно въ газетахъ появилось извѣстіе, что послѣдній транспортъ (въ 1886 г.) пострадалъ отъ оспенной эпидеміи и что смертность снова достигла ужасающихъ размѣровъ. Вслѣдъ за этимъ газетнымъ извѣстіемъ, вѣроятно, послѣдуетъ оффиціальное опроверженіе, но кто ему повѣритъ?

---

*) Тальбергъ. «Ссылка на Сахалинъ». „Вѣстн. Европы", Май, 1879).
**) Кеппенъ, l. c.

О положеніи ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ извѣстно, въ сущности, немного*). Въ 1879 г. въ русскихъ газетахъ появилось заявленіе, подписанное русскимъ купцомъ, о безграничномъ произволѣ главноуправляющаго островомъ. Тюремная администрація обвинялась въ томъ, что она обкрадываетъ нищихъ арестантовъ. Докторъ А. А. писалъ, въ Октябрѣ 1880 г. изъ Александровска: „Я назначенъ въ Корсаковскій госпиталь (на югѣ острова), но не смогу добраться до него раньше слѣдующаго іюня... Мой товарищъ ушелъ со службы... онъ не могъ долѣе переносить совершающихся безобразій!**). Многозначительныя слова, дающія русскому читателю возможность догадываться о правдѣ, въ особенности въ сопоставленіи со слѣдующимъ: „Завѣдывающій колоніей рѣдко посѣщаетъ казармы, да и то лишь окруженный вооруженными надзирателями. Начальникъ тюрьмы не осмѣливается появляться среди арестантовъ". Позднѣе, въ петербургской газетѣ „Страна" было напечатано о продѣлкахъ администраціи на островѣ, открытыхъ главнымъ командиромъ русской тихо-океанской эскадры. Оказывалось, что въ то время, какъ каторжане изъ бѣдняковъ посылались на самыя тяжелыя работы, закованными въ кандалы, богатые негодяи изъ арестантовъ занимали привеллегированное положеніе: они пользовались на островѣ совершенной свободой, сорили деньгами и устраивали банкеты начальству.

Вышеприведенныя разоблаченія вызвали оффиціальное разслѣдованіе. Газеты торжествовали по этому поводу, но каковы были результаты этого изслѣдованія—осталось неизвѣстнымъ. Съ тѣхъ поръ, въ прессѣ не появлялось никакихъ свѣдѣній о Сахалинѣ, за исключеніемъ вышеупомянутой нами работы д-ра Петри. Переполненіе Александровской тюрьмы, вѣроятно, достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Она была построена всего на 600 человѣкъ, но въ 1881 г. въ ней помѣщалось 1103 чел., а въ 1882 г.—2230 чел. Вѣроятно, были построены какія-

*) Писано въ 1886 г.; съ тѣхъ поръ труды Чехова и Дорошевича пролили полный свѣтъ на Сахалинскіе порядки.

**) «Порядокъ». 8 Сентября 1881 г.

нибудь временныя казармы. Но можно себѣ представить, что должны представлять „временныя казармы“ на Сахалинѣ!

Изъ всего вышесказаннаго видно, что наибольшимъ затрудненіемъ для Сахалинской администраціи является размѣщеніе каторжанъ и подысканіе какого-либо занятія для тѣхъ, которые освобождаются отъ выполненія каторжной работы. Такъ какъ ни въ Россіи, ни въ Сибири не имѣется подходящаго мѣста для содержанія каторжанъ, ихъ высылаютъ на Сахалинъ въ увеличивающейся съ каждымъ годомъ пропорціи. Въ Сибири, послѣ освобожденія, они получаютъ надѣлъ земли и нѣкоторыя земледѣльческія орудія; по истеченіи двухъ лѣтъ правительство слагаетъ съ себя всякую заботу о нихъ. Но что дѣлать съ ними на Сахалинѣ? Земледѣліе на островѣ, какъ мы видѣли, почти невозможно, поселенцамъ приходится буквально голодать и администрація вынуждена подвозить имъ пищевые продукты изъ Россіи, подвергаясь всевозможному обычному риску. Такъ, напр., лѣтомъ 1886 г., судя по замѣткѣ въ полуоффиціальной газетѣ, выходящей во Владивостокѣ, грузъ муки, предназначавшійся для Сахалина, прибылъ подмоченнымъ и въ немъ завелись черви. По этому поводу было назначено, по обыкновенію, „разслѣдованіе“; но это „разслѣдованіе“ мало поможетъ Сахалинцамъ, оставшимся безъ муки.

Исторія Сахалинской „колонизаціи“ является повтореніемъ того, что мнѣ пришлось наблюдать въ 60-хъ годахъ на Амурѣ и Уссури; разница развѣ въ томъ, что Сахалинъ находится въ худшихъ условіяхъ. На Сахалинѣ пудъ ржаной муки самаго сквернаго качества обходится въ 4 руб.; цѣна эта удваивается, въ случаѣ недохватки въ казенныхъ складахъ, вслѣдствіе несвоевременной доставки или какой-либо другой случайности. Такимъ образомъ, предполагаемые земледѣльцы, которые должны были вскорѣ снабжать тюрьму продуктами земледѣльческаго труда и которые при болѣе соотвѣтственной обстановкѣ, пожалуй, могли бы достигнуть этой цѣли,—при настоящемъ положеніи вещей должны быть сами спасаемы отъ голода. Да это и понятно, когда

каждой семьѣ удалось расчистить среднимъ числомъ лишь $^2/_3$ десятины — изъ-подъ болотистыхъ лѣсовъ.

Однимъ изъ крупныхъ преимуществъ Сахалина, съ точки зрѣнія тюремной администраціи, было то обстоятельство, что побѣгъ былъ обставленъ чрезвычайными трудностями. Этимъ преимуществомъ Сахалинъ, дѣйствительно, обладаетъ. Въ сущности, не самый побѣгъ — невозможенъ. Въ 1870 г. не менѣе 16% всего арестантскаго населенія острова пытались бѣжать. Но громадное большинство изъ нихъ было поймано туземцами, которые или убивали ихъ, если захватили вдали отъ военнаго поста, или же приводили на постъ, если думали, что за это получатъ должное вознагражденіе. За каждаго бѣглаго, захваченнаго въ Сибири, туземцамъ платится казной по 10 руб., если его приведутъ живымъ и 5 руб., если его убьютъ. На Сахалинѣ арестантовъ расцѣниваютъ дешевле и въ первомъ случаѣ платятъ 6 руб., а въ послѣднемъ—3 руб., думая, что и такая расцѣнка побудитъ нищихъ гиляковъ охотиться за бѣглецами. Они ведутъ эту „охоту“ самымъ варварскимъ образомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Сахалинское начальство раздало имъ ружья. Д-ръ Петри разсказываетъ, что однажды гиляки встрѣтили партію сектантовъ, принадлежавшихъ къ сектѣ бѣгуновъ, религіозное ученіе которыхъ понуждаетъ ихъ порвать всякія связи съ грѣшнымъ міромъ, находящимся во власти антихриста, и вести жизнь постоянныхъ странниковъ, не имѣющихъ не только домовъ, но и никакой собственности. Ихъ было 12 душъ; у нѣкоторыхъ были на рукахъ дѣти, и всѣ они были убиты гиляками. Наиболѣе замѣчательной чертой характера этихъ злосчастныхъ туземцевъ является отсутствіе какой-либо злобы по отношенію къ бѣглецамъ: они отнесутся къ бѣглецу самымъ лучшимъ образомъ, если послѣдній дастъ имъ 3 руб. или что-либо равноцѣнное. Но, если бѣглецъ не можетъ заплатить требуемаго выкупа, гиляки безжалостно убиваютъ его, съ цѣлью полученія „цѣны крови“, 3-хъ рублей, платимыхъ тюремной администраціей. Когда выдача этой преміи за человѣческую жизнь была временно пріостановлена, гиляки сами помогали бѣглецамъ. — „Что подѣ-

лаешь",—говорятъ Сахалинскіе ссыльные, — они сами голодаютъ, а 3 рубля, да одежа съ убитаго — немалый соблазнъ для голоднаго человѣка".

И все-же, побѣги—многочисленны. Бѣглецы пробираются на юго-востокъ, хотя этотъ путь по горамъ и лѣсамъ чрезвычайно трудный и, добравшись до морского берега, они ждутъ тамъ, пока завидятъ американское китоловное судно. Нѣкоторые перебираются черезъ Татарскій проливъ, который имѣетъ всего 9 верстъ ширины у мыса Погоби, гдѣ зимой можно по льду перейти на материкъ, другіе же, срубивши плотъ изъ 3-хъ—4-хъ деревьевъ, пускаются въ море. Шкуна „Востокъ" недавно встрѣтила въ проливѣ такой плотъ. Со шкуны замѣтили какую-то черную движущуюся точку и, приблизившись къ ней, увидали двухъ бѣглецовъ на плоту изъ четырехъ бревенъ. У нихъ было ведро прѣсной воды, запасъ хлѣбныхъ сухарей и два кирпича чая; они носились по морю, не имѣя представленія — куда ихъ занесетъ теченіе. На вопросъ: куда они плывутъ? бѣглецы отвѣчали: „Туда, въ Россію!"—указывая при этомъ куда-то на западъ. Большинство изъ нихъ умираетъ въ пути, потопленные набѣжавшимъ шкваломъ, или попавъ подъ буранъ,—ужасный Амурскій буранъ, — который иногда погребаетъ Николаевскъ на нѣсколько дней подъ снѣгомъ. А если имъ и удается, въ концѣ концовъ, добраться до материка, имъ приходится переносить массу страданій, прежде чѣмъ они доберутся до населенныхъ частей Амура. Говорятъ, бывали даже случаи людоѣдства. И все-таки нѣкоторымъ удается возвратиться въ Россію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ нихъ, Камоловъ, который уже добрался до родной деревни, но былъ выданъ какимъ-то личнымъ врагомъ, былъ преданъ суду за побѣгъ и его простой разсказъ тронулъ сердца многихъ въ Россіи. Онъ странствовалъ 2 года, переплывая озера и рѣки, пробираясь сквозь лѣса и степи, пока добрался до дома. Жена ждала его возвращенія. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль онъ былъ счастливъ. „Рѣки, горы, бурный Байкалъ, страшныя снѣжныя бури не причинили мнѣ зла", — говорилъ онъ на судѣ, — „звѣри пожалѣли меня. Но люди, мои

односельчане, оказались безжалостными: они выдали меня!"

„Назадъ, въ Россію!"—такова мечта неустанно преслѣдующая всякаго ссыльнаго. Его могутъ сослать на Сахалинъ, но мысли его непрестанно обращены къ западу и даже съ Сахалина онъ будетъ всячески пытаться вернуться въ свою родную деревню, увидать свою заброшенную избу. Система ссылки, очевидно, отжила свое время, если ссыльныхъ приходится поселять на уединенномъ островѣ, съ цѣлью—предупредить побѣги.

Мы надѣемся, что, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, ссылка въ Сибирь будетъ прекращена. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо Сибирь велика, а бюрократическая фантазія безпредѣльна. Кто можетъ поручиться, что завтра чиновникамъ не придетъ въ голову устроить новыя земледѣльческія колоніи въ Землѣ Чукчей или на Новой Землѣ и посвятить новые гекатомбы страдальцевъ, съ единственной цѣлью — дать нѣсколькимъ чиновникамъ доходныя должности?

Во всякомъ случаѣ, бюрократическіе невѣжды въ Петербургѣ, кажется, рѣшили отказаться отъ выполненія фантастическаго плана, имѣвшаго цѣлью превращеніе Сахалина въ уголовную колонію *). Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, предполагается расширить Карійскія тюрьмы и увеличить количество каторжанъ, ссылаемыхъ туда, на 1000 чел.; предполагается также снова начать разработку Нерчинскихъ серебряныхъ рудниковъ, работы въ которыхъ были пріостановлены нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какъ видите, въ дѣлѣ ссылки, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, мы возвращаемся къ тому положенію вещей, какое было 35 лѣтъ тому назадъ, наканунѣ Крымской войны.

---

*) Все оставалось по-прежнему, покуда японцы не овладѣли Сахалиномъ.

ГЛАВА VII.

Иностранцы о русскихъ тюрьмахъ.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, если они обладали достаточной наблюдательностью, подмѣчали слѣдующую характерную черту русской бюрократіи. Русскіе чиновники хорошо знаютъ недостатки своей бюрократической системы, знаютъ ея худшія стороны; да оно и не мудрено: они вѣдь сами являются составной частью этой бюрократіи. Нѣкоторые изъ нихъ даже не скрываютъ этихъ недостатковъ, и открыто указываютъ въ разговорахъ, въ кругу друзей, на многоразличные недостатки русской бюрократіи. Даже въ оффиціальныхъ отчетахъ начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ не скрываютъ недостатковъ, замѣченныхъ ими среди своихъ подчиненныхъ. Но стоитъ иностранцу зайти въ гостинную, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ русская администрація осуждалась самымъ безпощаднымъ образомъ, чтобы тѣже критики хоромъ начали увѣрять иностранца, что „конечно, наша администрація не свободна отъ нѣкоторыхъ мелкихъ погрѣшностей, — но вѣдь и на солнцѣ есть пятна; притомъ же Его Превосходительство N. N. уже принимаетъ самыя энергичныя мѣры, чтобы сгладить послѣдніе слѣды тѣхъ погрѣшностей, которыя, къ несчастью, вкрались въ администрацію при его предшественникѣ, генералѣ М. М.“. Если же иностранецъ окажется корреспондентомъ какой-нибудь газеты и выкажетъ наклонность довѣрчиво дѣлиться съ читающей публикой своей страны тѣми свѣдѣніями, которыя онъ извлекаетъ изъ частныхъ разговоровъ, тогда тѣ самые, кто былъ „безпощаднымъ критикомъ“ въ кругу своихъ, постараются все представить иностранцу въ самомъ розовомъ свѣтѣ, всю русскую администрацію и, такимъ образомъ, постараются сокрушить тѣхъ „мстительныхъ публицистовъ“, которые разглашаютъ заграницей то, что писалось въ Россіи этими же самыми чиновниками, но только для домашняго употребленія. Мнѣ хорошо зна-

комо было такое отношеніе въ манджурской администраціи, а равнымъ образомъ и въ русской — какъ въ Иркутскѣ, такъ и въ Петербургѣ. Трудно найти, въ самомъ дѣлѣ, болѣе поразительное изображеніе поголовнаго грабительства въ рядахъ всей высшей администраціи Россіи, чѣмъ то, которое давалось въ отчетахъ Государственнаго Контролера Александру II-му, когда контроль впервые былъ введенъ въ Россіи. Но какой вопль негодованія поднялся бы противъ того русскаго, который перевелъ бы эти отчеты и сообщилъ бы ихъ содержаніе въ иностранной прессѣ!—„Сору изъ избы не выноси!"— закричали бы всѣ, такъ или иначе прикосновенные къ бюрократическимъ сферамъ.

Легко можно себѣ представить, насколько затруднительно для иностранца ознакомленіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ такой отрасли администраціи, какъ русскія тюрьмы, въ особенности если ему приходится вращаться исключительно въ административныхъ кругахъ, если онъ при этомъ не знакомъ съ русскимъ языкомъ и если онъ не изучилъ русской литературы, относящейся къ этому предмету. Если бы даже онъ былъ воодушевленъ самымъ искреннимъ желаніемъ добраться до правды и не сдѣлаться игрушкой въ рукахъ бюрократіи, которая всегда рада найти удобный случай для своего обѣленія въ иностранной прессѣ, то и тогда его путь былъ бы усѣянъ всевозможными затрудненіями.

Къ сожалѣнію, эта простая истина не всегда была понята иностранцами, посѣщавшими Россію, и въ то время, когда Степнякъ (Кравчинскій) и я пытались обратить вниманіе англійскаго общественнаго мнѣнія на ужасы, совершавшіеся въ русскихъ тюрьмахъ, нашелся англичанинъ, священникъ Ланселль, взявшійся обѣлять русскую администрацію. Проѣхавшись со стремительною быстротою по Сибири, онъ выпустилъ сперва рядъ статей, а потомъ и цѣлую книгу, въ которой разсказывалъ чудеса, даже про такія ужасныя тюрьмы, какъ Тюменская и Томская пересыльныя тюрьмы.

Такъ какъ его описанія не сходились съ моими и ему на это было указано въ прессѣ, то онъ попытался

объяснить противорѣчія въ статьѣ, помѣщенной въ англійскомъ журналѣ „Contemporary Review“, февраль, 1883 г., и я отвѣтилъ ему, уже изъ Ліонской тюрьмы. Мнѣ не трудно было указать англійскому священнику, что онъ ровно ничего не знаетъ объ русскихъ тюрьмахъ, ни изъ собственныхъ наблюденій, ни изъ русской литературы объ этомъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, изъ самой же книги Ланселля оказалось (см. его главы V, IX, XXI, XXXVI и XXXVII), что, проскакавши по Сибири со скоростью курьера, онъ посвятилъ *менѣе четырнадцати часовъ* на изученіе главныхъ карательныхъ учрежденій Сибири; а именно, около двухъ часовъ на Тобольскую тюрьму, два часа на Александровскій заводъ, около Иркутска, и менѣе десяти часовъ на Карѣ, такъ какъ въ одинъ день онъ не только посѣтилъ Верхне-Карійскія тюрьмы, но—успѣлъ еще проѣхать тридцать верстъ и воспользоваться сибирскимъ гостепріимствомъ, въ формѣ завтраковъ и обѣда,—подробно описанныхъ въ его книгѣ. Что же касается до второго дня пребыванія Ланселля на Карѣ, во время котораго онъ долженъ былъ посѣтить Нижне-Карійскія тюрьмы, гдѣ содержались политическіе, то въ этотъ день оказались именины завѣдующаго тюрьмами, полковника Кононовича,—а вечеромъ, г. Ланселль долженъ былъ захватить пароходъ на Шилкѣ, „такъ что“, писалъ онъ, „когда мы прибыли къ первой тюрьмѣ, гдѣ офицеръ ожидалъ нашего прибытія, я побоялся что у насъ не хватитъ времени, и я опоздаю на пароходъ. Поэтому, я просилъ немедленно ѣхать дальше, и мы отправились на Усть-Кару“.

Однимъ словомъ, несомнѣнно, что, описывая въ романѣ „Воскресеніе“ англичанина, посѣщавшаго наскокомъ сибирскія тюрьмы, Л. Н. Толстой имѣлъ въ виду Ланселля.

Забавно было также отмѣтить, что, цитируя источники, просмотрѣнные имъ для изученія русскихъ тюремъ, Ланселль упоминалъ не только побѣгъ Піотрковскаго, совершенный въ сороковыхъ годахъ, но даже второй томъ „Робинзона Крузо“!

Но всего интереснѣе то, что мы вскорѣ узнали, что

сущность отвѣта г. Ланселля на мою критику *была написана въ Петербургѣ,* въ тюремномъ вѣдомствѣ, подчиненномъ тогда г. Галкину-Врасскому. Въ этихъ видахъ, г. Ланселлю дали даже позволеніе пройтись по корридорамъ Трубецкого бастіона, Петропавловской крѣпости и заглянуть въ два каземата, черезъ прорѣзи въ дверяхъ. Послѣ чего Ланселль поспѣшилъ возгласить міру, подъ диктовку русскихъ агентовъ въ Лондонѣ, что все то, что мы печатали объ ужасахъ заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ—чистѣйшая ложь! Воспоминанія Поливанова и другія, напечатанныя за послѣдніе годы, показываютъ теперь, до чего доходила тогда наглость петербургскихъ чиновниковъ.

Все это, теперь, стало давно прошедшимъ, и объ этомъ не стоило бы упоминать, если бы русская тюремная администрація, поощрявшая Ланселля, не попалась сама на удочку. Кеннана и художника Фроста, посланныхъ однимъ американскимъ иллюстрированнымъ журналомъ, приняли, какъ извѣстно, въ Петербургѣ съ распростертыми объятіями. Имъ дали всѣ полномочія, надѣясь на то, что они, подобно Ланселлю, прокатятся по Сибири и напишутъ о сибирскихъ тюрьмахъ все, что будетъ угодно петербургскимъ бюрократамъ. Но, какъ извѣстно, Кеннанъ и Фростъ выучились по-русски, особенно Кеннанъ, они перезнакомились съ массою ссыльныхъ, и въ концѣ концовъ Кеннанъ написалъ книгу о Сибири, раскрывшую всю ужасную картину ссылки.

Съ тѣхъ поръ, моя полемика съ Ланселлемъ—т.-е., въ сущности съ г. Галкинымъ-Врасскимъ—утратила такимъ образомъ всякій интересъ, а потому я выкидываю ее и изъ этой книги и сохраняю только нижеслѣдующія данныя о русскихъ тюрьмахъ, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ данныхъ и изъ источниковъ того времени.

Вотъ, напримѣръ, что писалъ о Литовскомъ замкѣ, въ Петербургѣ, изслѣдователь петербургскихъ тюремъ, г. Никитинъ:

„Въ этой тюрьмѣ 103 камеры, въ которыхъ помѣщается 801 арестантъ... Камеры страшно грязны; уже на лѣстницѣ васъ встрѣчаетъ удушающій смрадъ. Карцеры производятъ потрясающее впечатлѣніе; они почти

совершенно лишены свѣта; до нихъ надо добраться черезъ какіе-то темные лабиринты и сами карцеры страшно сыры: въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ сгнившаго пола и мокрыхъ стѣнъ. Человѣку, входящему со свѣжаго воздуха въ такой карцеръ, приходится немедленно убѣгать, изъ боязни задохнуться... Спеціалисты говорятъ, что *самый здоровый человѣкъ* долженъ умереть, если его продержатъ въ такомъ карцерѣ три или четыре недѣли. Заключенные, пробывшіе въ нихъ нѣкоторое время, выходили оттуда совершенно изнеможенными; нѣкоторые едва могли держаться на ногахъ. Лишь немногимъ, принадлежащимъ къ менѣе важнымъ категоріямъ, позволяется работать. Остальные сидятъ, сложа руки, по мѣсяцамъ, иногда по годамъ". Когда г. Никитинъ полюбопытствовалъ посмотрѣть отчеты о деньгахъ, приносимыхъ арестантамъ ихъ родными, или заработанныхъ ими въ тюрьмѣ, онъ встрѣтилъ самый рѣшительный отказъ, какъ со стороны высшаго, такъ и низшаго тюремнаго начальства.

Тотъ же авторъ слѣдующимъ образомъ описываетъ мѣста заключенія при полицейскихъ участкахъ столицы:

„Въ камерахъ для простонародья — грязь ужасная; арестантамъ приходится спать на голыхъ деревянныхъ нарахъ, или же, за недостаткомъ мѣста, нерѣдко половина ихъ спитъ *подъ нарами на полу*. При каждой такой тюрьмѣ имѣются карцеры; это—просто очень маленькія каморки, куда совершенно свободно проникаютъ снѣгъ и дождь. Въ нихъ нѣтъ ничего, спать приходится на полу; стѣны и полъ совершенно мокры. Привиллегированные арестанты, которыхъ держатъ въ одиночныхъ камерахъ, вскорѣ впадаютъ въ меланхолію; нѣкоторые изъ нихъ были близки къ помѣшательству... Въ общихъ камерахъ не даютъ никакихъ книгъ для чтенія, кромѣ религіозныхъ, которыя употребляются для свертыванія папиросъ" (Участковыя тюрьмы въ Петербургѣ).

Оффиціальный отчетъ С.-Петербургскаго комитета „Общества для помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ", напечатанный въ Петербургѣ въ 1880 г., слѣдующимъ образомъ описываетъ тюрьмы русской столицы:

„Литовскій Замокъ былъ построенъ на 700 арестан-

товъ, а пересыльная тюрьма—на 200 чел., но въ нихъ часто находятся: въ Замкѣ отъ 900 до 1000 арест., а въ пересыльной — отъ 350 до 400, и даже болѣе. Кромѣ этого, съ давняго времени зданія этихъ тюремъ не отвѣчаютъ ни санитарнымъ требованіямъ, ни своему назначенію, какъ мѣста заключенія".

Журналъ Каткова, „Русскій Вѣстникъ", также далекъ отъ похвалы русскимъ тюрьмамъ. Послѣ описанія мѣстъ заключенія при полицейскихъ участкахъ, г. Муравьевъ (авторъ статей, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ") замѣчаетъ, что *остроги* — не лучше; обыкновенно, это—ветхое, грязное зданіе или рядъ такихъ зданій, окруженныхъ стѣной. Неприглядные снаружи, остроги не лучше и внутри: сырость, грязь, переполненіе, и смрадъ—таковы типическія черты остроговъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи.

„Одежда въ острогахъ, — говоритъ г. Муравьевъ,— имѣется двухъ сортовъ: старая, недостаточная одежда, обычно носимая арестантами и лучшая, раздаваемая послѣднимъ, когда тюрьму должно посѣтить начальство; въ другое время эта одежда хранится въ кладовыхъ... Ни школъ, ни библіотекъ не имѣется... Пересыльныя тюрьмы—еще хуже... Остановимся на нѣсколько минутъ въ одной изъ камеръ. Это — обширная комната, съ нарами по стѣнамъ и узкими проходами между ними. Сотни женщинъ и дѣтей собраны здѣсь. Это —такъ называемая „семейная камера", для семей арестантовъ. Въ этой удушающей атмосферѣ вы находите дѣтей всѣхъ возрастовъ, въ самой отчаянной нищетѣ; казенной одежды имъ не дается, и поэтому они одѣты въ тряпье, висящее на нихъ лохмотьями и не защищающее ихъ ни отъ холода, ни отъ сырости; а, между тѣмъ, одѣтыми въ это тряпье, дѣти пойдутъ въ ссылку въ Сибирь" („*Русскій Вѣстникъ*", 1878 г.).

Говоря о сибирскихъ тюрьмахъ, Ядринцевъ пишетъ слѣдующее: (я сокращаю его разсказъ): — «*Почти въ каждомъ остроги* имѣется нѣчто вродѣ подземнаго корридора, сырого и смраднаго;—чистая могила; въ немъ имѣется нѣсколько камеръ, куда сажаютъ наиболѣе опасныхъ подслѣдственныхъ арестантовъ. Камеры эти—на-

половину подъ землею. Полы въ нихъ всегда мокры и гнилы, плѣсень и грибки покрываютъ стѣны; вода постоянно просачивается изъ-подъ пола. Маленькое закрашенное окно почти совершенно не пропускаетъ свѣта. Арестанты содержатся тамъ въ кандалахъ. Ни кроватей, ни постелей не полагается; спятъ на полу, покрытомъ червями и миріадами блохъ; вмѣсто постели имъ служитъ подстилка изъ гнилой соломы, а одѣяла замѣняются арестантскими халатами, изорванными въ клочки. Сырость и холодъ бросаютъ въ ознобъ даже лѣтомъ. Часовымъ приходится выбѣгать отъ времени до времени, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. И въ подобныхъ камерахъ арестанты проводятъ цѣлые годы въ ожиданіи суда! Не мудрено, что даже наиболѣе здоровые изъ нихъ впадаютъ въ безуміе. „Я слыхалъ однажды ночью страшные крики“,—говоритъ одинъ изъ арестантовъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—„это были крики гиганта, сошедшаго съ ума“.

И т. д., и т. д. Я могъ бы наполнить десятки страницъ подобными описаніями. Были ли показаны эти помѣщенія иностранцамъ, посѣщавшимъ русскія тюрьмы?—Конечно нѣтъ.

Что касается до переполненія русскихъ тюремъ, то вотъ еще нѣсколько характерныхъ данныхъ:

„Томская пересыльная тюрьма (сообщаетъ корреспондентъ „Сибирской газеты“) переполнена. Къ имѣвшимся уже 1520 заключеннымъ прибавилось 700 человѣкъ, и такимъ образомъ въ тюрьмѣ, построенной на 900 человѣкъ, въ настоящее время содержится 2220; изъ нихъ 207 больныхъ („Сибирская газета“ и „Московскій Телеграфъ“, 28 августа, 1881 г.).

Въ Самарѣ: „Среднее число арестантовъ въ нашихъ тюрьмахъ къ 1 числу каждаго мѣсяца текущаго года было—1147 чел.; совокупная кубическая вмѣстимость всѣхъ нашихъ тюремъ разсчитана на 552“. („Голосъ“, 13 мая, 1882 г.).

Въ Нижнемъ Новгородѣ: „Тюрьма, построенная на 300 человѣкъ, вмѣщаетъ во время навигаціи 700, а иногда даже 800 арестантовъ“ (оффиціальный отчетъ, приводимый въ „Голосѣ“, мартъ, 1882 г.).

Въ Польшѣ: „Въ каждой тюрьмѣ въ Польшѣ мѣсто, разсчитанное на одного арестанта, занимаютъ четыре. Предполагается построить рядъ новыхъ тюремъ". Онѣ, кстати сказать, до сихъ поръ не построены. („Московскій Телеграфъ", ноябрь, 1881 г.).

Такими выписками можно было наполнить страницы; но вотъ мнѣнія самихъ чиновниковъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за тюрьмами.

Г. Муравьевъ, сотрудникъ Катковскаго журнала, въ тщательно составленной статьѣ (написанной при томъ же въ духѣ, излюбленномъ и поощряемомъ русскимъ правительствомъ), говоритъ слѣдующее: „Почти во всѣхъ нашихъ тюрьмахъ находится въ полтора или два раза большее количество арестантовъ, чѣмъ то, на которое разсчитывали при ихъ постройкѣ („Тюрьмы и Тюремный Вопросъ", „Рускій Вѣстникъ", 1878 г.). А вотъ что сообщаетъ сибирскій стряпчій г. Мишло, о *сибирскихъ* тюрьмахъ, находившихся въ его вѣдѣніи: „Надзиратель повелъ меня въ камеры. Вездѣ—грязь, переполненіе, сырость, недостатокъ воздуха и свѣта. Осмотрѣвъ камеры, я отправился въ госпиталь. Войдя въ первую же палату, я невольно отпрянулъ назадъ, пораженный невообразимымъ смрадомъ... Отхожія мѣста являются роскошнымъ помѣщеніемъ, по сравненію съ этимъ госпиталемъ... *Вездѣ число арестантовъ въ три раза превышаетъ количество, допускаемое закономъ.* Въ Верхне-Удинскѣ, напримѣръ, острогъ построенъ на 240 человѣкъ, а, между тѣмъ, въ немъ обыкновенно помѣщается 800". („Отечественныя Записки", 1881 г.).

Именно вслѣдствіе подобнаго переполненія и феноменальной грязи возникла въ Кіевской тюрьмѣ знаменитая тифозная эпидемія. Можетъ быть, и правда, что она была занесена въ тюрьму, какъ утверждало тюремное начальство, плѣнными турками, но несомнѣнно, что она развивалась въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, вслѣдствіе переполненія тюремъ и страшной грязи. „Зданія, построенныя на 550 человѣкъ, вмѣщали вдвое большее количество", — говоритъ корреспондентъ „Голоса", въ письмѣ отъ 30 октября 1880 г.; при чемъ онъ прибавляетъ: „Какъ извѣстно, профессора университета,

посѣтившіе тюрьму, пришли къ заключенію, что переполненіе было главной причиной эпидеміи". Циркуляръ главнаго инспектора тюремъ (упомянутый въ главѣ II) подтверждаетъ справедливость этого заключенія. Не мудрено, что даже послѣ того, какъ часть арестантовъ была вывезена, изъ 750 человѣкъ, находившихся въ тюрьмѣ, 200 все еще лежали въ тифозной горячкѣ. Не мудрено также, что смертность въ Харьковской тюрьмѣ достигла такихъ ужасающихъ размѣровъ — а именно, умерло 200 человѣкъ изъ 500, какъ это указалъ тюремный священникъ, въ проповѣди, напечатанной въ мѣстной „Епархіальной Газетѣ", которая, какъ извѣстно, издается подъ цензурой мѣстнаго архіепископа.

Я вполнѣ понимаю трудности, которыя встрѣчаетъ иностранецъ, пожелавшій ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ Россіи. Но, чѣмъ больше трудности, тѣмъ болѣе, казалось бы, слѣдовало употреблять усилій, чтобы добраться до истины. Нѣкоторые иностранцы такъ и дѣлали. Другіе же относились къ своей задачѣ съ непростительнымъ легкомысліемъ. Между тѣмъ, если легкомысліе—вообще не похвально, то оно становится почти преступнымъ, когда проявляется при обсужденіи такихъ серьезныхъ вопросовъ и относительно такой страны, какъ Россія. Въ продолженіи двадцати лѣтъ общественное мнѣніе въ Россіи тщетно добивалось полнаго пересмотра всей тюремной системы. Но оно этого еще не добилось. Между тѣмъ, наше правительство, остающееся глухимъ ко всѣмъ этимъ требованіямъ, конечно, всегда бываетъ очень радо, если ему представляется возможность отвѣтить недовольнымъ что-нибудь въ томъ родѣ: — „Вотъ вамъ мнѣніе иностранца, знающаго все о тюрьмахъ всего свѣта! Онъ находитъ, что вы все преувеличиваете въ своихъ жалобахъ: онъ говоритъ, что наши тюрьмы нисколько не хуже тюремъ другихъ государствъ".

Когда сотни тысячъ человѣкъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей—стонутъ подъ игомъ нашихъ тюремныхъ порядковъ,—къ вопросамъ подобнаго рода необходимо подходить съ величайшей осторожностью. И я искренне прошу иностранцевъ, которые могли бы заняться изу-

ченіемъ этихъ вопросовъ, никогда не забывать, что всякая попытка представить въ болѣе или менѣе благопріятномъ свѣтѣ наши тюрьмы послужитъ только къ поддержанію нынѣ существующихъ безобразій.

ГЛАВА VIII.

Во французскихъ тюрьмахъ.

Тюрьма св. Павла въ Ліонѣ, въ которой я провелъ первые три мѣсяца моего заключенія, не принадлежитъ къ числу тѣхъ старыхъ, разрушающихся и сырыхъ замковъ, которыми во многихъ провинціальныхъ французскихъ городахъ все еще пользуются для помѣщенія въ нихъ арестантовъ. Это—современная тюрьма, претендующая на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду департаментскихъ тюремъ. Она занимаетъ обширное пространство, окруженное двойнымъ поясомъ высокихъ стѣнъ; зданія тюрьмы помѣстительны, современной архитектуры и выглядятъ опрятно. При ея постройкѣ, очевидно, руководились современными идеями въ тюремномъ вопросѣ; причемъ были приняты также мѣры, чтобы можно было обратить ее въ фортъ, въ случаѣ бунта въ Ліонѣ. Подобно другимъ департаментскимъ тюрьмамъ, она предназначена для арестантовъ, ожидающихъ суда, а также и для тѣхъ, уже осужденныхъ, срокъ заключенія которыхъ не превышаетъ одного года. Подземная галлерея соединяетъ ее съ другой обширной тюрьмой—св. Іосифа—въ которой помѣщаются женщины.

Я прибылъ сюда декабрьскою ночью изъ Тонона, сопровождаемый тремя жандармами. Послѣ обычныхъ вопросовъ, я былъ помѣщенъ въ пистолю (pistole), которая предварительно была приведена въ порядокъ и протоплена для меня; въ этомъ помѣщеніи я оставался до слѣдующаго марта. За плату по шести франковъ въ мѣсяцъ и три франка служителю, всякій заключенный, попадающій въ тюрьму въ первый разъ, можетъ нанять себѣ пистолю на все время предварительнаго заключе-

нія и такимъ образомъ избѣжать помѣщенія въ одиночной камерѣ. Пистоля нѣсколько просторнѣе и чище обыкновенныхъ одиночекъ. Глубокое окно подъ потолкомъ даетъ достаточно свѣта; отъ одного угла камеры до другого, по ея каменному полу, можно сдѣлать 6—7 шаговъ. Въ ней имѣется кровать съ чистымъ бѣльемъ и маленькая желѣзная печка, отапливаемая коксомъ; для человѣка, занятаго какой-либо работой и привыкшаго къ одиночеству, пистоля является довольно комфортабельнымъ помѣщеніемъ, если только заключеніе не затягивается надолго.

Обыкновенныя одиночки, занимающія отдѣльное крыло тюрьмы, гораздо хуже. Онѣ построены по тому образцу, который принятъ теперь вездѣ въ Европѣ: вы входите въ широкую и высокую галлерею, по обѣимъ сторонамъ которой вы видите два или три этажа желѣзныхъ балконовъ; на всемъ протяженіи этихъ балконовъ имѣются двери, ведущія въ одиночки, имѣющія 10 футовъ длины и отъ 6 до семи футовъ ширины и снабженныя, каждая, желѣзною кроватью, небольшимъ столикомъ и маленькой скамейкой,—всѣ наглухо прикрѣпленные къ стѣнамъ. Въ Ліонской тюрьмѣ эти одиночки очень грязны, переполнены клопами и никогда не отапливаются, не смотря на сырость климата и на туманы, которые могутъ соперничать по густотѣ, если не по цвѣту, съ Лондонскими. Газъ никогда не зажигается и, такимъ образомъ, арестантъ обреченъ на совершенную темноту и бездѣятельность отъ пяти, а въ зимніе вечера, даже отъ четырехъ часовъ, вплоть до слѣдующаго утра. Каждый арестантъ долженъ самъ чистить свою одиночку; т.-е. онъ спускается утромъ въ тюремный дворъ, гдѣ выливаетъ и моетъ свою парашу, испареніями которой онъ дышетъ въ продолженіи цѣлаго дня. Даже тѣ простѣйшія приспособленія для избѣжанія этого неудобства, которыя мы позже нашли въ Клэрво, (гдѣ параша помѣщается въ стѣнѣ, въ сквозной дырѣ, имѣющей дверь въ корридоръ и дверь въ камеру), не были еще введены въ Ліонѣ. Конечно, арестантамъ не даютъ никакой работы во время предварительнаго заключенія, и они обыкновенно проводятъ цѣлые дни

въ совершенной праздности. Развращающее вліяніе тюрьмы начинается, такимъ образомъ, тотчасъ же, какъ только арестантъ переступитъ ее порогъ.

Къ счастью, заключеніе въ ожиданіи суда не затягивается во Франціи на такой ужасающе-долгій срокъ, какъ у насъ въ Россіи. Если дѣло не сложное, его обыкновенно разсматриваютъ во время слѣдующихъ ассизовъ, засѣдающихъ каждые три мѣсяца; и дѣла, по которымъ предварительное заключеніе продолжается болѣе 10—12 мѣсяцевъ, являются исключеніемъ. Что же касается тѣхъ дѣлъ, которыя разсматриваются судами „исправительной полиціи" (Police correctionnelle), они обыкновенно заканчиваются—всегда осужденіемъ—въ теченіи мѣсяца или даже двухъ недѣль. Немногіе арестанты, изъ числа уже осужденныхъ, также содержатся въ этихъ камерахъ,—недавно проведенъ законъ, согласно которому арестанты имѣютъ право отбывать наказаніе въ одиночномъ заключеніи, при чемъ три мѣсяца такого заключенія считаются за четыре. Впрочемъ, эта категорія заключенныхъ—очень немногочисленна, такъ какъ для каждаго отдѣльнаго случая требуется спеціальное разрѣшеніе министра.

Между высокими крыльями звѣздообразной тюрьмы находятся дворики, вымощенные асфальтомъ и одинъ изъ нихъ раздѣленъ на три узкихъ полоски для одиночныхъ заключенныхъ. Здѣсь арестанты гуляютъ, или занимаются такой работой, какая возможна на открытомъ воздухѣ. Каждое утро я видѣлъ изъ моего окна, какъ человѣкъ пятьдесятъ арестантовъ спускались во дворъ; тамъ, усѣвшись на асфальтовомъ полу, они теребили размотанные уже шелковые коконы, изъ которыхъ получаются шелковые очески. Изъ моего окна, или когда я проходилъ случайно мимо, я видѣлъ также толпы мальчугановъ, наполнявшихъ одинъ изъ дворовъ; и, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, я до сихъ поръ не могу вспомнить объ этихъ мальчикахъ безъ чувства глубокой скорби.

Приговоры, выносимые дѣтямъ судами исправительной полиціи (замѣчу кстати, никогда не выносящими оправдательныхъ приговоровъ) отличаются большею

жестокостью, чѣмъ приговоры взрослымъ. Взрослые могутъ отдѣлаться нѣсколькими мѣсяцами или нѣсколькими годами заключенія; мальчика за то же самое преступленіе непремѣнно отправятъ въ „исправительный домъ", гдѣ онъ долженъ находиться, пока ему исполнится 18 или 21 годъ. Когда преслѣдованіе Ліонскихъ анархистовъ достигло до кульминаціоннаго пункта, 15-ти лѣтній юноша, Сирье, былъ осужденъ Ліонскимъ апелляціоннымъ судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ, пока не достигнетъ 21 года, — за оскорбленіе полиціи въ рѣчи, произнесенной на митингѣ. Предсѣдатель этого же самаго митинга, за ту же самую вину, былъ присужденъ къ годовому тюремному заключенію и въ настоящее время онъ давно уже выпущенъ на свободу, тогда какъ Сирье предстоитъ отсидѣть еще нѣсколько лѣтъ. Подобнаго рода приговоры совсѣмъ не рѣдки въ французскомъ судопроизводствѣ.

Я мало знакомъ съ французскими исправительными заведеніями и колоніями для малолѣтнихъ преступниковъ и мнѣ приходилось слышать о нихъ самые противорѣчивые отзывы. Такъ, нѣкоторые говорили мнѣ, что дѣтей тамъ обучаютъ земледѣлію и, въ общемъ, обращаются съ ними довольно сносно, особенно, съ тѣхъ поръ какъ были сдѣланы нѣкоторыя реформы; но съ другой стороны, мнѣ приходилось слышать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ исправительной колоніи въ окрестностяхъ Клэрво, лицо, которому дѣти были сданы въ аренду государствомъ, заставляло ихъ работать черезъ силу *), и вообще обращалось съ ними очень плохо. Во всякомъ случаѣ, мнѣ пришлось видѣть въ Ліонской тюрьмѣ изрядное количество мальчиковъ,— въ большинствѣ случаевъ „неисправимыхъ" и бѣглецовъ изъ исправительныхъ колоній, и деморализація, развивавшаяся среди этихъ дѣтей, была поистинѣ ужасна. Подъ игомъ грубыхъ надзирателей, оставленные безъ всякаго морализующаго вліянія, они становятся впослѣдствіи постоянными обитателями тюремъ и, достигнувъ старости, неизмѣнно кончаютъ свои дни въ какой-

*) См. приложеніе С.

нибудь центральной тюрьмѣ, или же въ Новой Каледоніи. По единогласному свидѣтельству надзирателей и священника тюрьмы св. Павла, эти дѣти постоянно предаются извѣстному пороку — въ спальняхъ, въ церкви, въ дворикахъ. Видя поражающее количество преступленій противъ нравственности, разбираемыхъ ежегодно во французскихъ судахъ, нужно помнить, поэтому, что само государство содержитъ въ Ліонѣ, да и въ другихъ тюрьмахъ, спеціальные разсадники этого рода преступленій. Вслѣдствіе этого, я серьезно совѣтую тѣмъ, кто занимается выработкой плановъ для законнаго истребленія рецидивистовъ въ Новой Гвинеѣ, прежде всего нанять на недѣлю-другую пистолю въ Ліонѣ и тамъ пересмотрѣть заново свои нелѣпые планы *). Они убѣдятся тогда, что нельзя начинать реформу человѣческаго характера, когда онъ уже сформировался, и что дѣйствительная причина рецидивизма лежитъ въ извращеніяхъ, разсадникомъ которыхъ являются тюрьмы, въ родѣ Ліонской. Съ моей же личной точки зрѣнія,—запирать сотни мальчиковъ въ такіе очаги нравственной заразы, значитъ—совершать преступленіе гораздо большее, чѣмъ какое бы то ни было изъ совершенныхъ этими несчастными дѣтьми.

Вообще, тюрьмы не учатъ людей честности и тюрьма св. Павла не представляетъ исключенія изъ общаго правила. Уроки честности, даваемые сверху, какъ увидятъ читатели, мало чѣмъ отличаются отъ тѣхъ понятій честности, которыя господствуютъ внизу, въ арестантской массѣ. Во французскихъ тюрьмахъ практикуется двѣ разныя системы снабженія арестантовъ пищей, одеждой и прочимъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ государство само является въ роли подрядчика, снабжающаго пищей, одеждой и тѣми вещами, которыя арестантъ можетъ пріобрѣтать на собственныя деньги въ тюремной лавочкѣ (хлѣбъ, сыръ, мясо; вино и табакъ для подслѣдственныхъ; ножички, гребешки, щетки, фуфайки,

*) Законъ о рецидивистахъ, проведенный министерствомъ Вальдеко-Руссо, поистинѣ ужасенъ. Смертность же въ Новой Гвинеѣ, куда ссылаютъ рецидивистовъ, такова, что каждый годъ умираетъ *одна—треть* ссыльныхъ. Такъ гласилъ одинъ оффиціальный отчетъ.

бумагу и т. д.). Въ такомъ случаѣ государство само удерживаетъ извѣстную часть (отъ $^{3}/_{10}$ до $^{9}/_{10}$) изъ заработка арестанта, получаемаго имъ за работу въ тюрьмѣ, исполняемую по заказу государства или для частнаго подрядчика. Три-десятыхъ этой заработной платы удерживается казной, если арестантъ находится въ предварительномъ заключеніи; пять-десятыхъ—если онъ осужденъ въ первый разъ, а $^{6}/_{10}$, $^{7}/_{10}$, $^{8}/_{10}$ и $^{9}/_{10}$, — если онъ подвергался уже тюремному заключенію дважды, трижды и т. д.; но одна десятая заработной платы всегда оставляется для заключеннаго, сколько бы разъ онъ уже ни отбывалъ наказаніе. Въ другихъ тюрьмахъ снабженіе арестантовъ предоставляется частному предпринимателю' который обязанъ доставлять все, согласно правиламъ. Подрядчикъ, въ этомъ случаѣ, получаетъ вышеупомянутыя доли заработной платы и, кромѣ того, государство платитъ ему нѣсколько сантимовъ въ день за каждаго арестанта. Что же касается до тѣхъ заключенныхъ, которые работаютъ на частныхъ заказчиковъ съ воли (особенно искусные сапожники, портные и писцы), то они обязаны платить тюремному подрядчику извѣстное „выкупное", большею частью одинъ франкъ (сорокъ копѣекъ) въ день,—и такимъ образомъ освобождаются отъ обязательной тюремной работы *).

Тюрьма св. Павла придерживается второй изъ указанныхъ системъ: въ ней все доставляется тюремнымъ подрядчикомъ, причемъ всѣ доставляемые продукты бываютъ наихудшаго качества. Подрядчикъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ грабитъ арестантовъ. Конечно, пища не такъ плоха, какъ она бываетъ въ русскихъ тюрьмахъ, но все же—въ достаточной степени скверна, въ особенности по сравненію съ той, которую даютъ въ Клэрво. Хлѣбъ — очень низкаго качества, а супъ и каша (ratin) изъ варенаго риса или бобовъ часто бываютъ отвратительны. Въ тюремной лавочкѣ все дорого и скверно; въ то время какъ администрація тюрьмы въ

*) Такъ какъ во Франціи народъ никогда не ломаетъ хлѣба, а всегда рѣжетъ его маленькими кусочками, то для арестантовъ заготовляютъ особые маленькіе складные ножи, тупые, съ закругленнымъ концомъ и безъ пружины, удерживающей лезвіе открытымъ.

Клэрво давала намъ за 30 сантимовъ (12 копѣекъ) кусокъ хорошаго бифштекса съ картофелемъ, въ Ліонской тюрьмѣ мы платили вдвое за ломоть очень скверного варенаго мяса, и такъ во всемъ.

Я не могу судить по моимъ личнымъ наблюденіямъ, какъ оплачиваются въ Ліонской тюрьмѣ работы; но разсказанное мною выше не внушаетъ особеннаго довѣрія къ честности всего предпріятія. Что же касается одежды, то она очень плоха и гораздо хуже по качеству той, какую я видѣлъ въ Клэрво, хотя и тамъ она достаточно плоха. Совершая ежедневную прогулку въ одномъ изъ дворовъ Ліонской тюрьмы, мнѣ часто приходилось видѣть, какъ только-что осужденные отправлялись смѣнять свою собственную одежду на арестантскую, доставляемую подрядчикомъ. Это были въ большинствѣ случаевъ рабочіе, бѣдно, но все же прилично одѣтые, какъ вообще одѣваются даже бѣднѣйшіе французскіе рабочіе. Но когда они облекались въ тюремный костюмъ: коричневую куртку, покрытую разноцвѣтными заплатами и такіе же заплатанные штаны, на шесть дюймовъ не доходящіе до громадныхъ деревянныхъ сабо,—арестанты испытывали чувство глубокаго замѣшательства въ этомъ смѣшномъ и позорномъ одѣяніи. Такимъ образомъ, первымъ шагомъ заключеннаго въ тюрьмѣ является облаченіе въ одежду, которая сама по себѣ служитъ клеймомъ униженія.

Мнѣ не пришлось ближе ознакомиться съ отношеніями между тюремной администраціей и уголовными въ Ліонскихъ тюрьмахъ. Но и того, что я видѣлъ, было совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что тюремные надзиратели — въ большинствѣ случаевъ старые полицейскіе сержанты — сохранили всѣ характерныя особенности прежней наполеоновской полиціи, всегда отличавшейся грубой жестокостью. Что же касается высшей тюремной администраціи, то она проникнута тѣмъ лицемѣріемъ, которое характеризуетъ правящіе классы Ліона. Приведу одинъ образчикъ. Директоръ тюрьмы многократно давалъ мнѣ формальное обѣщаніе не конфисковать моихъ писемъ, не увѣдомивъ меня каждый разъ о фактѣ конфискаціи. Это было все, чего я добивался въ

этомъ отношеніи. Но несмотря на эти обѣщанія, нѣсколько моихъ писемъ было конфисковано, при чемъ меня не сочли нужнымъ увѣдомить объ этомъ, и моя жена, которая была въ это время больна, очень безпокоилась, не получая никакихъ извѣстій отъ меня. Одно изъ моихъ писемъ, украденныхъ такимъ манеромъ, было даже передано прокурору Фабригетъ, который читалъ его въ засѣданіи апелляціоннаго суда.

Во всякой тюремной системѣ имѣется одна особенность, на которую давно слѣдовало бы обратить вниманіе, но которую обыкновенно совершенно упускаютъ изъ вида. Руководящей идеей нашей карательной системы несомнѣнно является желаніе наказать человѣка, признаннаго „преступникомъ"; между тѣмъ, въ дѣйствительности наказаніе нѣсколькими годами тюремнаго заключенія обрушивается всей тяжестью не столько на „преступника", сколько на людей совершенно невинныхъ, т.-е. на его жену и дѣтей. Какъ ни тяжелы условія тюремной жизни, человѣкъ такъ устроенъ, что онъ въ концѣ концовъ приспособляется къ нимъ, и разъ онъ не въ силахъ измѣнить ихъ, относится къ нимъ, какъ къ неизбѣжному злу. Но есть люди—жена и дѣти заключенныхъ,—которые никогда не могутъ примириться съ лишеніемъ того, кто былъ ихъ единственной поддержкой въ жизни. Судьи и всякаго рода законники, которые съ такимъ легкимъ сердцемъ присуждаютъ людей къ двумъ, тремъ, пяти годамъ заключенія—задумывались ли они когда-нибудь надъ судьбою жены приговореннаго? Знаютъ ли они, какъ мала пропорція женщинъ, которыя смогли бы зарабатывать болѣе 3-хъ или 4-хъ рублей въ недѣлю? И знаютъ ли они, что жить съ семьей на такой заработокъ, значитъ терпѣть суровую нищету, со всѣми ея ужасными послѣдствіями? Задумывались ли они надъ тѣми нравственными страданіями, которыя они причиняютъ женѣ арестанта: презрѣніе сосѣдей и знакомыхъ, страданія самой жены, которая естественно преувеличиваетъ въ своемъ воображеніи тягости тюремной жизни мужа, которой приходится думать не только о сегодняшнемъ днѣ, но и заглядывать постоянно въ безрадостное будущее?.. Кто

измѣрилъ всѣ эти страданія и кто сосчиталъ слезы, пролитыя женами арестантовъ?

Если бы было обращено хотя бы малѣйшее вниманіе на страданія родственниковъ арестанта, то, вѣроятно, составители плановъ новѣйшихъ тюремъ устроили бы пріемныя помѣщенія какъ-нибудь иначе. Они поняли бы, что единственнымъ утѣшеніемъ жены арестанта является возможность увидѣть изрѣдка своего мужа и они не стали бы причинять ей новое и совершенно безполезное страданіе своими ухищреніями. При постройкѣ этихъ пріемныхъ залъ, все, кажется, принято во вниманіе, за исключеніемъ чувствъ жены, которой разрѣшаютъ разъ въ недѣлю взглянуть на мужа и перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами.

Вообразите себѣ круглый сводчатый залъ, скудно освѣщенный сверху. Войдя въ него, въ пріемные часы, вы почувствуете себя буквально оглушеннымъ. Шумъ голосовъ нѣсколькихъ сотенъ людей, говорящихъ, или точнѣе кричащихъ одновременно, подымается со всѣхъ сторонъ зала, ударяясь о сводъ, который отбрасываетъ эти звуки назадъ, и они смѣшиваются съ пронзительными свистками надзирателей, скрежетомъ замковъ и звономъ ключей, образуя, въ общемъ, адскій шумъ. Ваши глаза должны сначала привыкнуть къ полумраку, прежде чѣмъ вы различите, что голоса принадлежатъ шести различнымъ группамъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей, одновременно кричащихъ во все горло, стараясь быть услышанными тѣми, къ кому они обращаются. За этими группами вы съ трудомъ различаете вдоль стѣнъ шесть другихъ группъ человѣческихъ лицъ, которыя едва можно разсмотрѣть вслѣдствіе заграждающей ихъ проволочной сѣтки и желѣзной рѣшетки. Сначала вы не можете понять, что такое, въ сущности, происходитъ. Дѣло въ томъ, что для свиданія съ родными арестантъ вводится, вмѣстѣ съ четырмя другими товарищами по заключенію, въ маленькую темную конурку, загражденную спереди желѣзной рѣшеткой и густой проволочной сѣткой. Его родственники вводятся въ другое, подобное же помѣщеніе, также огражденное желѣзной рѣшеткой и отдѣленное отъ помѣщенія, находящагося напротивъ

проходомъ около трехъ футовъ ширины, въ которомъ дежуритъ надзиратель. Такимъ образомъ, въ каждомъ помѣщеніи находятся одновременно 5 арестантовъ, а въ противоположное втискиваются около 15 мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—ихъ родственники. Свиданія продолжаются не болѣе 15 — 20 минутъ; всѣ говорятъ одновременно, всѣ спѣшатъ сказать, что нужно, и среди этого шума голосовъ, изъ которыхъ каждый звучитъ все громче и громче, приходится кричать изо всѣхъ силъ, если хочешь, чтобы тебя услыхали. Послѣ нѣсколькихъ минутъ подобнаго упражненія, и я и моя жена теряли голосъ, и мы были вынуждены просто глядѣть другъ на друга безмолвно, причемъ я взлѣзалъ по рѣшеткѣ, поближе къ маленькому окошечку, освѣщавшему конуру сзади, чтобы жена моя могла по крайней мѣрѣ увидать мой профиль, слабо рисовавшійся на сѣромъ фонѣ окошечка. Уходя изъ пріемнаго покоя, она обыкновенно говорила, что подобное свиданіе является лишь мученіемъ.

Я долженъ бы былъ сказать нѣсколько словъ о „Дворцѣ Справедливости“ (Palais de Fustice) въ Ліонѣ, гдѣ насъ держали десять дней во время суда надъ нами. Но при этомъ пришлось бы коснуться такихъ отвратительныхъ подробностей, что я предпочитаю перейти къ другому предмету. Достаточно упомянуть, что комнаты, въ которыхъ арестованные ожидаютъ своей очереди явиться предъ судебнымъ слѣдователемъ, бываютъ покрыты лужами всякихъ скверныхъ жидкостей, и что въ Ліонскомъ „Дворцѣ“ есть нѣсколько темныхъ камеръ, имѣющихъ поперемѣнно двоякое назначеніе: иногда онѣ служатъ ватерклозетомъ, а вслѣдъ затѣмъ, послѣ самой непритязательной очистки, въ нихъ снова помѣщаютъ арестованныхъ. Никогда въ моей жизни я не видалъ ничего столь грязнаго, какъ этотъ „Дворецъ“, который навсегда останется въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ дворецъ всевозможной грязи. Съ чувствомъ истиннаго облегченія вернулся я изъ него въ мою пистолю, гдѣ и прожилъ еще два мѣсяца, покуда мои товарищи ходили въ апелляціонный судъ. Послѣдній, какъ и слѣдовало ожидать, подтвердилъ приговоры, произнесенные по указкѣ правительства судомъ исправительной поли-

ціи, и нѣсколько дней спустя, т.-е. 17 марта 1883 года, ночью, съ большой таинственностью, и съ комическимъ по своей величинѣ кортежемъ полиціи, мы были отправлены на желѣзнодорожную станцію. Здѣсь насъ закупорили въ одиночные вагоны для отправки въ Maison Centrale въ Клэрво.

Приходится только удивляться, какъ всѣ усовершенствованія тюремной системы, несомнѣнно придуманныя съ цѣлью уменьшить какое-либо существующее зло, въ свою очередь, сами создаютъ новое зло и являются источникомъ новыхъ мученій для арестантовъ. Такимъ размышленіямъ я предавался, когда меня заперли въ конурѣ одиночнаго вагона, медленно катившагося по направленію въ Клэрво. Чтобы сдѣлать такой вагонъ, берутъ обыкновенный, и въ немъ строятъ изъ легкихъ перегородокъ два ряда шкафиковъ, съ проходомъ по серединѣ. Я говорю „два ряда шкафиковъ", потому что иначе нельзя назвать эти чуланы, въ которыхъ человѣкъ долженъ сидѣть на узкой скамейкѣ, касаясь своими колѣнями двери, а своими локтями—боковыхъ стѣнъ. Не нужно быть особенно толстымъ человѣкомъ, чтобы найти затруднительнымъ какое-либо движеніе въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, а дышать въ немъ положительно нечѣмъ. Хотя въ дверяхъ и прорѣзаны небольшія оконца, задѣланныя желѣзной рѣшеткой, но для того, чтобы заключенные не могли видѣть другъ друга имѣется маленькое орудіе пытки въ видѣ заслонки, которую сторожа и закрываютъ, какъ только они заперли кого-нибудь въ чуланѣ. Другимъ инструментомъ мучительства служитъ желѣзная печь, помѣщающаяся въ проходѣ между шкафиками, особенно когда сторожа ее топятъ во всю, чтобы варить на ней свой обѣдъ. Мои товарищи по заключенію — почти всѣ рабочіе большого города, привычные къ недостатку свѣжаго воздуха въ тѣсныхъ мастерскихъ, еще кое-какъ могли терпѣть; но двое изъ насъ избѣжали обморока, лишь благодаря разрѣшенію выйти изъ нашихъ шкафовъ и стоять въ проходѣ. Къ счастью, наше путешествіе продолжалось всего пятнадцать часовъ; но нѣкоторымъ изъ моихъ русскихъ друзей, изгнаннымъ изъ Франціи,

пришлось провести болѣе 48 часовъ въ одиночномъ вагонѣ во время путешествія изъ Парижа до Швейцарской границы, такъ какъ вагоны отцѣпляли на цѣлую ночь на нѣкоторыхъ станціяхъ, когда надзирателямъ надо было посѣтить Маконскую и другія попутныя тюрьмы.

Наиболѣе непріятнымъ, однако, является то обстоятельство, что арестанты предоставлены вполнѣ благоусмотрѣнію двухъ надзирателей; если надзиратели пожелаютъ, они могутъ надѣть наручни арестантамъ, уже запертымъ въ шкафы и они часто дѣлаютъ это безъ всякой разумной причины; мало того, они могутъ сковать ноги арестанта при помощи цѣпей, прикрѣпленныхъ къ полу шкафовъ. Все зависитъ отъ хорошаго или скверная настроенія надзирателей и отъ глубины ихъ психологическихъ выводовъ. Въ общемъ, 15 часовъ, которые мнѣ пришлось провести въ одиночномъ вагонѣ, являются однимъ изъ наихудшихъ воспоминаній, какъ моихъ лично, такъ и моихъ товарищей, и мы всѣ были рады очутиться, наконецъ, въ одиночныхъ камерахъ тюрьмы Клэрво.

Центральная тюрьма въ Клэрво стоитъ на мѣстѣ, гдѣ когда-то возвышалось Сенъ-Бернадское аббатство. Великій монахъ двѣнадцатаго вѣка, котораго статуя, высѣченная изъ камня, до сихъ поръ виднѣется на одномъ изъ окрестныхъ холмовъ, съ руками, простертыми по направленію къ тюрьмѣ, хорошо выбралъ мѣсто для монастыря; онъ стоялъ въ прекрасной маленькой долинѣ, снабженной превосходной ключевой водой, при выходѣ долины на равнину, орошаемую рѣкою Aube. Громадные лѣса до сихъ поръ покрываютъ низкіе склоны холмовъ, изъ которыхъ добываютъ хорошій строевой камень. Нѣсколько известковыхъ печей и кузнечныхъ заводовъ разбросаны вокругъ, и желѣзная дорога изъ Парижа въ Бельфоръ проходитъ теперь въ двухъ верстахъ отъ тюрьмы.

Во время великой революціи аббатство было конфисковано государствомъ, и его обширныя и солидныя зданія были обращены, въ первые годы девятнадцатаго вѣка, въ Депо для нищихъ. Позднѣе они получили дру-

гое назначеніе и, наконецъ, теперь бывшее аббатство превращено въ „Домъ заключенія и исправленія“ („Maison de Détention et de Correction“), вмѣщающій около 1400, а иногда даже 2000 арестантовъ. Это—одна изъ самыхъ большихъ тюремъ во Франціи. Ея внѣшняя ограда (mur d'enceinte), громадная каменная постройка около 20 футовъ высоты, тянется на пять верстъ. Внутри ея помѣщаются не только тюремныя зданія и дома, занятые администраціей, но также и казармы для солдатъ, огороды и даже хлѣбныя поля. Зданія, собственно тюрьмы, съ ея многочисленными мастерскими занимаютъ квадратъ въ 1200 футъ по каждой сторонѣ и окружены другой, еще болѣе высокой, двойной стѣной (mur de roude), внутри которой стоятъ караульные часовые.

Высокія трубы, изъ которыхъ днемъ и ночью вылетаютъ клубы дыма, ритмическій шумъ машинъ, который слышится до поздней ночи, придаютъ тюрьмѣ видъ маленькаго мануфактурнаго городка. И дѣйствительно, за тюремными стѣнами находится больше мастерскихъ, чѣмъ во многихъ маленькихъ городахъ. Такъ, въ тюрьмѣ имѣется громадная мастерская для изготовленія желѣзныхъ кроватей и желѣзной мебели, освѣщаемая электричествомъ, и въ которой работаетъ болѣе 400 человѣкъ; имѣются мастерскія для выдѣлки бархата, суконъ и холста; для выдѣлки картинныхъ рамъ, зеркалъ, и деревянныхъ метровъ; для граненія стекла и выдѣлки всякаго рода дамскихъ бездѣлушекъ изъ перламутра; каменотесный дворъ, паровая мельница и множество мелкихъ мастерскихъ; вся одежда арестантовъ выдѣлывается ими самими. Механизмы приводятся въ движеніе четырьмя могучими паровыми машинами и турбиной. Громадный огородъ и хлѣбное поле, а также маленькіе огороды, даваемые каждому надзирателю и служащимъ тюрьмы, находятся внутри ея стѣнъ и обрабатываются заключенными.

Не видавши самому, трудно вообразить, какая масса подготовленій и расходовъ необходимы для помѣщенія и занятія работой 1400 арестантовъ. Несомнѣнно, что государство никогда бы не рѣшилось на такіе огромные расходы, если бы не нашло готовыхъ зданій въ старыхъ

аббатствахъ, въ Клэрво, Сенъ-Мишелѣ и другихъ мѣстахъ. Но все же едва ли ему удалось бы организовать такую обширную систему продуктивнаго труда, если бы оно не привлекло частныхъ подрядчиковъ, сдавая имъ арестантскій трудъ по очень низкой цѣнѣ, въ ущербъ свободной частной промышленности. И при всемъ томъ текущіе расходы государства по содержанію Клэрвской и другихъ тюремъ этого рода—должны быть очень высоки. Многочисленная и дорогая администрація (70 надзирателей, которые получаютъ пищу и квартиру, съ жалованьемъ отъ 450 до 560 руб. въ годъ; кромѣ того, при тюрьмѣ всегда находится рота солдатъ), которая должна ложиться тяжелымъ бременемъ на тюремный бюджетъ, не говоря уже о расходахъ на центральную администрацію, по перевозкѣ арестантовъ, на госпитали и т. д. Очевидно, что упомянутый выше вычетъ извѣстной доли изъ заработка арестантовъ, который, въ общемъ, не превышаетъ копѣекъ тридцати въ день на человѣка, едва ли покрываетъ всѣ эти громадные расходы.

Не касаясь политическихъ, которыхъ изрѣдка посылаютъ въ Клэрво, здѣсь имѣются двѣ различныя категоріи заключенныхъ. Большинство состоитъ изъ уголовныхъ, осужденныхъ болѣе, чѣмъ на одинъ годъ тюремнаго заключенія, но безъ каторжныхъ работъ (присужденные къ послѣднимъ посылаются въ Новую Каледонію); но кромѣ уголовныхъ, въ Клэрво обыкновенно содержится нѣсколько десятковъ солдатъ, такъ наз. détentionnaires, осужденныхъ военными судами. Эти арестанты — печальный продуктъ нашей системы военщины. Солдатъ, оскорбившій унтеръ-офицера или офицера, присуждается обыкновенно къ смертной казни. Но если будетъ доказано, что онъ былъ вызванъ на это оскорбленіе, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, смертную казнь замѣняютъ двадцати-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ, и его посылаютъ въ Клэрво. Я не знаю, какъ это случается, но имѣются такіе détentionnaires, которымъ приходится отсиживать двойные и тройные сроки наказанія, вѣроятно за оскорбленія, нанесенныя начальству уже во время нахожденія ихъ въ тюрьмѣ. Во время нашего пребыванія въ Клэрво, много

говорили объ одномъ такомъ арестантѣ, которому было около сорока лѣтъ отъ роду, и которому, въ общемъ, приходилось отсидѣть еще 65 лѣтъ; ему нужно было дожить до ста слишкомъ лѣтъ, чтобы отбыть весь срокъ наказанія. Въ день національнаго праздника, 14-го іюля, ему было сбавлено сразу 25 лѣтъ наказанія, по декрету президента республики; но все же ему оставалось еще около сорока лѣтъ заключенія. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но это—фактъ.

Всякому понятна нелѣпость подобныхъ приговоровъ, и поэтому военные-заключенные избавлены отъ тѣхъ суровостей, которымъ подвергаются прочіе заключенные. Они свободны отъ обязательнаго труда и работаютъ въ мастерскихъ только въ томъ случаѣ, если сами желаютъ этого. Имъ даютъ лучшую, по сравненію съ другими арестантами, сѣрую одежду и позволяютъ покупать вино изъ тюремнаго склада. Тѣ изъ нихъ, кто не ходитъ на работы, занимаютъ отдѣльное помѣщеніе и проводятъ цѣлые годы въ совершенной бездѣятельности. Легко можно себѣ представить, чѣмъ могутъ заниматься человѣкъ тридцать солдатъ, проведшихъ нѣсколько лѣтъ въ казармахъ и запертыхъ теперь лѣтъ на двадцать въ тюрьму, гдѣ они не заняты никакимъ умственнымъ или физическимъ трудомъ. Ихъ помѣщеніе пользуется, поэтому, такой репутаціей, что тюремное начальство было бы радо, если бы его постигла „небесная кара“, въ родѣ той, которая уничтожила библейскіе города.

Что же касается уголовныхъ, то они подчинены системѣ принудительной работы и абсолютнаго молчанія. Послѣднее, впрочемъ, настолько не свойственно человѣческой природѣ, что отъ него пришлось болѣе или менѣе отказаться. Совершенно предупредить разговоры заключенныхъ между собою, во время работъ въ мастерскихъ,—фактически невозможно. А если бы администрація пожелала не допускать разговоровъ во время отдыха отъ работъ, или болтовни въ спальняхъ, ей пришлось бы устроить штаты надзирателей и прибѣгнуть къ самымъ суровымъ наказаніямъ. Поэтому, во время нашего пребыванія въ Клэрво, система абсолютнаго молчанія при-

ходила въ упадокъ, и въ настоящее время арестантамъ, сколько мнѣ извѣстно, запрещаются лишь громкіе разговоры и ссоры.

Рано утромъ — въ пять часовъ лѣтомъ и въ шесть зимою—раздается звонъ колокола. Заключенные должны немедленно подняться съ постелей, свернуть свои тюфяки и сойти внизъ во дворъ, гдѣ они выстраиваются рядами, разбиваясь на отряды по мастерскимъ, съ надзирателемъ во главѣ каждаго отряда. По приказанію надзирателя, они маршируютъ гуськомъ, медленными шагами, по направленію къ мастерскимъ; надзиратель громко выкрикиваетъ: „разъ, два! разъ, два!“ и топотъ тяжелыхъ, деревянныхъ башмаковъ мѣрно звучитъ въ согласіи съ командой. Нѣсколько минутъ спустя раздаются свистки паровыхъ машинъ, и въ мастерскихъ начинается работа. Въ девять часовъ (лѣтомъ — въ половинѣ девятаго) работа пріостанавливается на часъ, и заключенные маршируютъ въ столовыя. Здѣсь они усаживаются на скамейки, расположенныя такъ, чтобы арестанты могли видѣть лишь спины сидящихъ впереди, и получаютъ завтракъ. Въ десять часовъ они возвращаются въ мастерскія и работаютъ до двѣнадцати часовъ, когда дается десятиминутный отдыхъ; потомъ опять работаютъ до половины третьяго, когда всѣ арестанты, моложе 35 лѣтъ и не получившіе никакого образованія, посылаются на одинъ часъ въ школу.

Въ четыре часа заключенные получаютъ обѣдъ; онъ занимаетъ полчаса, послѣ чего начинается прогулка по двору. Арестантовъ опять выстраиваютъ гуськомъ и они медленно маршируютъ кругомъ двора, подъ неизмѣнный крикъ надзирателя: „разъ, два!“ Эти прогулки называютъ на тюремномъ языкѣ: „faire la gueue de saucissons“. Въ 5 часовъ опять начинается работа и продолжается *до 8 часовъ вечера* лѣтомъ, и до наступленія ночи въ другія времена года.

Какъ только машины останавливаютъ—обыкновенно *въ шесть часовъ вечера*, и даже раньше, отъ сентября до марта,—арестантовъ запираютъ въ спальни. Имъ приходится тогда лежать въ кроватяхъ отъ половины седьмого вечеромъ до шести часовъ утра и я думаю. что

эти часы насильственнаго отдыха являются для арестанта наиболѣе тяжелымъ временемъ. Правда, имъ позволяется читать въ кроватяхъ до двухъ часовъ, но этимъ позволеніемъ могутъ пользоваться лишь тѣ, которыхъ кровати стоятъ вблизи газовыхъ рожковъ. Въ девять часовъ вечера свѣтъ уменьшается. Въ теченіе ночи каждая спальня остается подъ наблюденіемъ privôts, назначаемыхъ изъ числа самихъ арестантовъ и получающихъ тѣмъ больше красныхъ нашивокъ на рукава куртокъ, чѣмъ усерднѣе они шпіонятъ и доносятъ на своихъ товарищей.

По воскресеньямъ работа прекращается. Арестанты проводятъ весь день во дворахъ тюрьмы, если позволяетъ погода, или въ мастерскихъ, гдѣ они могутъ читать и разговаривать—только не громко,—или въ школьныхъ комнатахъ, гдѣ они пишутъ письма. Оркестръ, составленный изъ тридцати человѣкъ, играетъ во дворѣ и на полчаса выходитъ изъ-за тюремной ограды въ cour d'honneur, т.-е. дворъ, занятый зданіями администраціи; въ это же время пожарная команда производитъ ученіе. Въ 6 часовъ всѣ должны быть въ кровати.

Помимо заключенныхъ, занятыхъ работами въ мастерскихъ, имѣется еще такъ наз. вольная бригада, т.-е. арестанты, производящіе различныя работы за стѣнами самой тюрьмы, но все же внутри главнаго огражденія; они занимаются починками, малярной работой, пилкой дровъ и т. д. Они же обрабатываютъ огороды тюрьмы и надзирателей, получая за это плату, не превышающую франка въ день. Нѣкоторыхъ изъ нихъ посылаютъ также въ лѣсъ для рубки дровъ, или же на очистку канала и тому подобныя работы. Въ этихъ случаяхъ не опасаются побѣговъ, такъ какъ во внѣшнюю бригаду назначаютъ только тѣхъ, кому остается пробыть въ Клэрво всего одинъ или два мѣсяца.

Такова обычная жизнь тюрьмы, тянущаяся годами, безъ малѣйшаго измѣненія и дѣйствующая удручающе на заключенныхъ, именно своей монотоностью и отсутствіемъ новыхъ впечатлѣній; жизнь, которую человѣкъ можетъ выносить цѣлые годы, но которая, если у него нѣтъ другой цѣли, кромѣ самого процесса жизни, пре-

вращаетъ его въ покорную машину, лишенную своей воли; жизнь, которая заканчивается притупленіемъ лучшихъ качествъ человѣческой природы и развитіемъ наихудшихъ ея сторонъ; жизнь, которая, если она продлится долгіе годы, дѣлаетъ бывшаго заключеннаго совершенно неспособнымъ къ сожительству въ обществѣ вольныхъ людей.

Что же касается насъ, политическихъ, то мы были подчинены спеціальнымъ правиламъ: мы были поставлены въ положеніе арестантовъ, находящихся въ предварительномъ заключеніи, и съ тѣхъ поръ этотъ порядокъ примѣнялся къ попадавшимъ въ Клерво анархистамъ изъ процесса тридцати, Герцогу Орлеанскому и соціалистамъ, приговореннымъ за противувоенную пропаганду. Мы ходили въ собственной одеждѣ; насъ не принуждали бриться, и намъ разрѣшено было курить. Намъ было отведено три помѣстительныхъ залы и одна отдѣльная комната, поменьше, для меня; въ наше распоряженіе былъ также предоставленъ маленькій садикъ, саженъ въ двадцать длины и сажени четыре ширины, въ которомъ мы занимались огородничествомъ на узкой полоскѣ земли вдоль стѣны и, на собственномъ опытѣ, могли убѣдиться въ благодѣяніяхъ усиленной обработки почвы. Если бы я перечислилъ все количество овощей, которыя мы выращивали изъ года въ годъ, въ нашемъ огородѣ, занимавшемъ менѣе 60-ти квадратныхъ аршинъ, меня, вѣроятно, упрекнули бы въ преувеличеніи.

Насъ не заставляли работать, но мои товарищи—всѣ рабочіе, оставившіе дома семьи безъ всякихъ средствъ, очень рады были всякой ручной работѣ. Они пробовали шить дамскіе корсеты, для одного подрядчика въ Клэрво, но вскорѣ бросили эту работу, видя, что, за вычетомъ $^{3}/_{10}$ изъ ихъ заработка въ пользу казны, они не смогутъ зарабатывать болѣе десяти-двѣнадцати копѣекъ въ день. Вслѣдъ за тѣмъ они принялись за работы изъ перламутра, хотя онѣ оплачивались немногимъ лучше предыдущей, но заказы были случайные, и ихъ обыкновенно хватало всего на нѣсколько дней—въ недѣлю. Перепроизводство вызвало затишье въ этомъ ремеслѣ, а другими работами нельзя было заниматься въ нашихъ ка-

мерахъ, такъ какъ какое-либо сношеніе съ уголовными было строго запрещено.

Такимъ образомъ, главными занятіями моихъ товарищей было чтеніе и изученіе иностранныхъ языковъ. Рабочіе могутъ учиться лишь тогда, когда они попадаютъ въ тюрьму, и мои товарищи учились очень серьезно. Изученіе языковъ сопровождалось большимъ успѣхомъ, и я съ радостью убѣдился въ Клэрво на практическомъ примѣрѣ, въ справедливости моего утвержденія, основаннаго ранѣе на теоретическихъ выводахъ, — а именно, что русскіе вовсе не являются единственнымъ народомъ, который съ легкостью можетъ научиться иностраннымъ языкамъ. Мои французскіе товарищи съ большой легкостью изучали англійскій, нѣмецкій, итальянскій и испанскій языки; нѣкоторые изъ нихъ успѣли овладѣть во время двухлѣтняго заключенія въ Клэрво двумя иностранными языками. Переплетничество было нашимъ любимымъ занятіемъ. Въ началѣ мы употребляли инструменты, сдѣланные нами самими изъ кусковъ желѣза и дерева, а вмѣсто прессовъ пользовались тяжелыми камнями и маленькими столярными зажимами. Когда же, въ концѣ второго года заключенія, мы позволили наконецъ завести настоящіе инструменты, всѣ товарищи научились переплету съ той легкостью, съ какой вообще интеллигентные рабочіе обучаются новому ремеслу, и большинство изъ насъ достигло совершенства въ этомъ искусствѣ.

Въ нашихъ помѣщеніяхъ всегда находился спеціальный надзиратель и, какъ только мы выходили во дворъ, онъ неизмѣнно усаживался на ступеняхъ у двери. Ночью насъ запирали по меньшей мѣрѣ на шесть или семь замковъ, и все же каждые два часа являлась къ намъ кучка надзирателей и они подходили къ каждой кровати, освѣщая спящаго фонаремъ въ лицо, дабы убѣдиться, что никто изъ насъ не исчезъ. Самый строгій, никогда не ослабляемый надзоръ, возможный лишь потому, что всѣ надзиратели стоятъ другъ за друга, практикуется надъ заключенными, какъ только они выходятъ изъ спаленъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ я встрѣчалъ мою жену въ маленькой комнаткѣ, въ стѣнахъ тюрьмы, возлѣ караулки, и, захвативъ съ собой какого-либо изъ

болѣвшихъ товарищей, мы выходили втроемъ на прогулку въ уединенный маленькій садикъ директора или въ большой огородъ; и никогда, въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, надзиратель, сопровождавшій насъ въ этихъ прогулкахъ, не упустилъ меня изъ виду, хотя бы только на пять минутъ. Такъ смотрѣли за всѣми въ этой громадной тюрьмѣ.

Газеты не допускались въ наше помѣщеніе, за исключеніемъ научныхъ періодическихъ изданій и иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ. Лишь на второй годъ нашего заключенія, намъ разрѣшили получать безцвѣтный „Petit Journal“ и правительственную газету, издававшуюся въ Ліонѣ. Соціалистическая литература, конечно, не допускалась, и я не могъ получить даже одну изъ книгъ, написанныхъ мною самимъ. Что же касается литературныхъ работъ, то всѣ рукописи, которыя я посылалъ изъ тюрьмы, подвергались строжайшему контролю. Статьи, посвященныя соціальнымъ вопросамъ, и въ особенности касавшіяся русскихъ дѣлъ, не выпускались за тюремныя стѣны. Уголовнымъ преступникамъ разрѣшается писать письма разъ въ мѣсяцъ и то лишь къ ближайшимъ роднымъ, но намъ разрѣшалось корреспондировать съ нашими друзьми, сколько намъ было угодно, однако, всѣ письма, какъ посылаемыя такъ и получаемыя, подвергались самой придирчивой цензурѣ, что вызывало постоянныя столкновенія съ тюремной администраціей.

Пища, по моему мнѣнію, давалась въ недостаточномъ количествѣ. Дневной раціонъ состоялъ главнымъ образомъ изъ хлѣба, котораго выдавалось по 850 граммовъ (1¾ фунта) въ день на человѣка. Хлѣбъ—сѣраго цвѣта (изъ ржи и пшеницы), очень хорошаго качества, и если арестантъ жалуется, что обычной порціи для него недостаточно, ему прибавляютъ одинъ или два такихъ хлѣба въ недѣлю. Завтракъ состоитъ изъ супа, свареннаго изъ небольшого количества овощей, воды и американскаго свинаго сала, при чемъ послѣднее нерѣдко бываетъ не свѣжимъ и прогорьклымъ. На обѣдъ дается тотъ же супъ съ прибавленіемъ тарелки (2 унцовъ) вареной фасоли, риса, чечевицы или картофеля. Дважды въ недѣлю дается мясной супъ; въ этихъ случаяхъ бульонъ дается

на завтракъ, а во время обѣда, вмѣсто супа, арестанты получаютъ 2 унца варенаго мяса. Вслѣдствіе такой скудной діеты, арестанты принуждены прикупать себѣ пищу въ тюремной лавочкѣ, гдѣ они могутъ получать за очень сходную цѣну (отъ 3-хъ до 8 копѣекъ) небольшія порціи сыра, сосисокъ, свинаго мяса, требухи, а также молока, фигъ, варенья, а лѣтомъ и фруктовъ. Эта дополнительная пища является прямо необходимой для поддержанія силъ; но многіе изъ арестантовъ, въ особенности люди пожилые, зарабатываютъ такъ мало, что, послѣ отчисленія извѣстнаго процента заработка въ казну, они не могутъ тратить даже пяти копѣекъ въ день на покупки въ лавочкѣ. Я прямо удивляюсь, какъ они ухитряются существовать.

Въ Клэрво арестанты заняты двумя родами работъ. Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ для казны, занимаясь выдѣлкой холста, сукна и одежды для арестантовъ, или же служатъ въ самой тюрьмѣ, въ качествѣ столяровъ, маляровъ, бухгалтеровъ, госпитальныхъ служителей и т. п. Всѣ они зарабатываютъ отъ 30 к. до 40 копѣекъ въ день. Но большинство работаетъ для частныхъ предпринимателей, въ вышеупомянутыхъ мастерскихъ. Ихъ заработная плата, опредѣляемая Коммерческою Палатою въ Троа (Troyes), подвержена значительнымъ колебаніямъ и въ общемъ очень низка, особенно въ тѣхъ ремеслахъ, гдѣ невозможно установить опредѣленную скалу заработной платы, вслѣдствіе большого разнообразія вырабатываемыхъ образчиковъ и большого раздѣленія труда. Очень многіе зарабатываютъ всего (отъ 25 до 30 копѣекъ) въ день; только при выдѣлкѣ желѣзныхъ кроватей заработокъ доходитъ до 80 копѣекъ, а иногда даже болѣе. Я высчиталъ, что средній заработокъ 125 арестантовъ, занятыхъ въ различныхъ ремеслахъ, не превышаетъ 44-хъ копѣекъ въ день. Но эта цифра все-таки выше средней, такъ какъ значительное количество арестантовъ зарабатываютъ не болѣе 28-и и даже 20-и копѣекъ въ день, особенно въ мастерскихъ для выдѣлки носковъ, куда дряхлыхъ стариковъ посылаютъ умирать отъ чахотки, быстро развивающейся отъ пыли.

Конечно, можно указать на разныя причины въ объясненіе такой низкой заработной платы; такъ, напримѣръ, необходимо принять во вниманіе низкое качество тюремной работы, колебаніе рыночныхъ цѣнъ и т. п. Но не должно забывать и того обстоятельства, что подрядчики, наживающіе крупныя состоянія на арестантскомъ трудѣ, вовсе не рѣдкость; и поэтому арестанты, въ свою очередь, правы, утверждая, что ихъ грабятъ, платя имъ всего нѣсколько копѣекъ за 12-ти часовый трудъ. Подобная плата тѣмъ болѣе не достаточна, что половина ея, а иногда и больше половины, отбирается казной, въ то время какъ пища, даваемая той же казной арестантамъ, выдается въ черезчуръ малыхъ количествахъ, въ особенности если принять во вниманіе, что арестантамъ приходится тяжело работать.

Если арестантъ, прежде чѣмъ онъ попалъ въ центральную тюрьму, былъ уже разъ осужденъ, а это случается очень часто, и если его заработокъ равенъ 40 копѣйкамъ въ день, то казна отбираетъ шесть-десятыхъ, т.-е. 24 копѣйки, а остальныя 16 копѣекъ дѣлятся на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна отчисляется въ резервный фондъ арестанта и выдается ему въ день его освобожденія, другая же, т.-е. 8 копѣекъ, записывается на его текущій счетъ и можетъ быть расходуема на покупки въ тюремной лавочкѣ. Но, очевидно, что рабочій не можетъ жить и работать, тратя лишь 8 копѣекъ на добавочную пищу. Вслѣдствіе этого введена система „наградъ“, которыя колеблются между рублемъ и тремя въ мѣсяцъ, и эти награды цѣликомъ заносятся на текущій счетъ арестанта. Система наградъ очевидно скоро привела къ различнаго рода злоупотребленіямъ. Возьмемъ, для примѣра, опытнаго рабочаго, который подвергнутъ осужденію въ третій разъ, и изъ заработка котораго казна удерживаетъ семь-десятыхъ. Предположимъ далѣе, что его задѣльная плата доходитъ въ теченіе мѣсяца до 20-ти рублей. Государство беретъ изъ этого заработка 14 рублей, и такимъ образомъ, на его текущій счетъ можетъ быть выписано только 3 рубля. Въ виду этого арестантъ предлагаетъ подрядчику оцѣнить его работу лишь въ 10 рублей, но зато выписать ему 5 руб.

„наградныхъ“. Подрядчикъ принимаетъ это предложеніе, и казнѣ изъ заработка арестанта достается всего 7 рублей; подрядчикъ вмѣсто 20 р. платитъ за работу лишь 15 руб., а арестантъ, помимо 1 р. 50 к., записанныхъ на его текущій счетъ, получаетъ туда-же еще 5 рублей наградныхъ; такъ что приходъ на его текущій счетъ доходитъ до 6 р. 50 к., вмѣсто трехъ. Такимъ образомъ всѣ удовлетворены и если казна теряетъ на этой операціи 7 рублей,—ma foi, tant pis! Тѣмъ хуже для нея!

Дѣла заключенныхъ обстоятъ еще хуже, если принять во вниманіе великаго соблазнителя рода человѣческаго—табакъ. Куреніе строго воспрещается въ тюрьмѣ, и курильщики наказываются штрафами отъ 20 копѣекъ до 2-хъ рублей,—всякій разъ, когда ихъ поймаютъ на мѣстѣ преступленія. Но, не смотря на это, почти всѣ въ тюрьмѣ курятъ или жуютъ табакъ. Табакъ является мѣновой цѣнностью и притомъ столь высокой, что одна папироска, т.-е. нѣсколько затяжекъ, оцѣнивается въ 8 копѣекъ, а за пакетъ табаку, стоющій въ вольной продажѣ 20 копѣекъ, платятъ 2 рубля и даже болѣе, если случается недохватка. Этотъ драгоцѣнный продуктъ имѣетъ такую высокую цѣнность въ тюрьмѣ, что каждую щепотку табаку сначала жуютъ, потомъ высушиваютъ и курятъ и, наконецъ, употребляютъ самый пепелъ въ видѣ нюхательнаго табаку. Понятно, что находятся подрядчики работъ, знающіе, какъ эксплоатировать эту человѣческую слабость и платящіе за половину работъ табакомъ по вышеуказаннымъ цѣнамъ; находятся и среди надзирателей люди, небрезгующіе этой прибыльной торговлей. Вообще, запрещеніе курить—является источникомъ столь многихъ золъ, что французская тюремная администрація, вѣроятно, вскорѣ послѣдуетъ примѣру нѣмецкой и разрѣшитъ продажу табаку въ тюремныхъ лавочкахъ. Такая мѣра несомнѣнно поведетъ и къ уменьшенію числа курильщиковъ среди арестантовъ.

Мы прибыли въ Клэрво въ довольно благопріятный моментъ. Вся старая тюремная администрація была недавно уволена, и обращеніе съ арестантами приняло менѣе жестокій характеръ. За годъ или за два до нашего прибытія, одинъ заключенный былъ убитъ въ оди-

ночной камерѣ. Надзиратели убили его ключами. Согласно оффиціальному отчету, арестантъ самъ покончилъ съ собой, повѣсившись; но тюремный докторъ отказался подписать этотъ отчетъ и подалъ отдѣльное заявленіе, въ которомъ указалъ, что, по его мнѣнію, арестантъ былъ убитъ. Это обстоятельство повело къ радикальной реформѣ въ дѣлѣ обращенія съ арестантами и я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что въ Клэрво отношенія между заключенными и надзирателями были несравненно лучше, чѣмъ въ Ліонѣ. Меньше было грубости и больше проявленій человѣчности, чѣмъ я ожидалъ встрѣтить это, не смотря на то, что сама по себѣ система очень скверна и неминуемо влечетъ за собой самые гибельные результаты.

Конечно, сравнительно благопріятный вѣтеръ, вѣявшій въ то время надъ Клэрво, можетъ очень быстро измѣниться къ худшему. Малѣйшій признакъ бунта можетъ вызвать крутой поворотъ, тѣмъ болѣе, что имѣется не мало надзирателей и тюремныхъ инспекторовъ, вздыхающихъ по „старой системѣ“, которая до сихъ поръ остается въ ходу въ другихъ французскихъ тюрьмахъ. Такъ напримѣръ, когда мы были уже въ Клэрво, былъ присланъ туда арестантъ изъ Пуасси, центральной тюрьмы, находящейся вблизи Парижа. Онъ находилъ приговоръ суда не справедливымъ и по цѣлымъ днямъ громко кричалъ въ своей одиночкѣ. Собственно говоря, у него были всѣ признаки начинающагося безумія. Но тюремное начальство въ Пуасси, чтобы заставить его замолчать, не нашло ничего лучшаго, какъ ставить у дверей его камеры пожарную машину и окачивать его водой; затѣмъ его оставляли, совершенно мокраго, въ его одиночкѣ, не смотря на зимній холодъ. Нужно было вмѣшательство прессы, чтобы директоръ тюрьмы въ Пуасси, виновный въ этомъ варварствѣ, былъ смѣщенъ. Многочисленные бунты, возникавшіе въ 1883—1885 годахъ, почти во всѣхъ французскихъ тюрьмахъ, показываютъ, впрочемъ, что „старая система“ до сихъ поръ въ полномъ ходу.

Я сказалъ выше, что отношеніе между арестантами и надзирателями въ Клэрво были лучше, чѣмъ въ Ліонѣ.

Много главъ можно было бы посвятить этому предмету, но я постараюсь быть по возможности краткимъ и укажу лишь на главные черты. Несомнѣнно, что долгая совмѣстная жизнь надзирателей и самый характеръ ихъ службы развили между ними извѣстный корпоративный духъ, вслѣдствіе чего они дѣйствуютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ по отношенію къ заключеннымъ. Какъ только человѣка привозятъ въ Клэрво, мѣстные надзиратели сейчасъ же спрашиваютъ у привезшихъ новичка, *soumis ou insoumis*, т.-е. отличается-ли онъ покорностью или, напротивъ, строптивостью? Если отвѣтъ дается благопріятный, то жизнь заключеннаго можетъ быть сравнительно сносной; въ противномъ же случаѣ, ему не скоро придется разстаться съ тюрьмой и, даже когда его выпустятъ на волю, онъ обыкновенно выходитъ съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ такой злобой противъ общества, что вскорѣ опять попадаетъ въ тюрьму, гдѣ и оканчиваетъ свои дни — если только его не сошлютъ въ Новую Каледонію.

Если арестантъ аттестуется надзирателями, какъ „непокорный“, на него сыплется градъ наказаній, снова и снова. Если онъ заговоритъ въ рядахъ, хотя бы и не громче другихъ, выговоръ будетъ сдѣланъ ему въ такой формѣ, что онъ отвѣтитъ и будетъ за это наказанъ, и каждое наказаніе будетъ настолько по своей тяжести несоотвѣтственно проступку, что онъ будетъ протестовать всякій разъ, и за это его накажутъ вдвое.—„У насъ, если кто разъ попалъ въ исправительное отдѣленіе, то, какъ только его выпустятъ оттуда, онъ черезъ нѣсколько дней опять попадетъ туда“. Такъ говорятъ надзиратели, даже наиболѣе добродушные изъ нихъ. А наказаніе исправительнымъ отдѣленіемъ—далеко не изъ легкихъ.

Людей тамъ не бьютъ; ихъ не сваливаютъ пинками на полъ. Мы черезчуръ цивилизованы для подобныхъ жестокостей. Наказаннаго человѣка просто ведутъ въ одиночное отдѣленіе и запираютъ въ одиночку. Въ ней ничего нѣтъ: ни кровати, ни скамейки. На ночь дается тюфякъ, а свою одежду арестантъ долженъ выставлять за двери одиночки. Пища состоитъ только изъ хлѣба

и воды. Какъ только утромъ раздается звонъ тюремнаго колокола, арестанта выводятъ въ особый сарай, и тамъ онъ долженъ — ходить. Ничего больше! но наша утонченная цивилизація сумѣла обратить въ пытку даже это естественное движеніе. Тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, подъ неизмѣнные крики: „un deux, un deux“, несчастные должны ходить весь день, гуськомъ, вдоль стѣнъ сарая. Они шагаютъ такимъ образомъ двадцать минутъ; затѣмъ слѣдуетъ перерывъ, во время котораго они должны просидѣть десять минутъ неподвижно, каждый на своей пронумерованной тумбѣ, послѣ чего они опять начинаютъ ходить двадцать минутъ. И такая мука продолжается весь день, покуда гудятъ машины мастерскихъ; и наказаніе длится не день, и не два; оно длится долгіе мѣсяцы, иногда годы. Оно такъ ужасно, что несчастные умоляютъ объ одномъ: „позвольте возвратиться въ мастерскія“. — „Хорошо, мы это увидимъ недѣли черезъ двѣ, или черезъ мѣсяцъ“,—таковъ обычный отвѣтъ. Но проходятъ двѣ недѣли, затѣмъ другія двѣ недѣли, а несчастный арестантъ все продолжаетъ прогуливаться по двѣнадцати и тринадцати часовъ въ день. Наконецъ онъ не выдерживаетъ и начинаетъ громко кричать въ своей камерѣ и оскорблять надзирателей. Тогда его возводятъ въ званіе „мятежника“, — званіе чрезвычайно опасное для всякаго, попавшаго въ руки надзирателей: онъ сгніетъ въ одиночкѣ и будетъ ходить долгіе годы. За непослушаніе ему удвоятъ и утроятъ срокъ заключенія въ Клерво, а если онъ бросится на надзирателя, съ намѣреніемъ его убить, то его приговорятъ къ каторгѣ, но не отправятъ въ Новую Каледонію: онъ все-таки долженъ будетъ отбыть сперва весь срокъ въ Клерво. Онъ останется въ своей одиночкѣ и будетъ попрежнему ходить вокругъ нумерованныхъ тумбъ... Въ нашу бытность въ Клерво одинъ арестантъ, крестьянинъ, не видя выхода изъ этого ужаснаго положенія, предпочелъ отравиться; онъ съѣдалъ всѣ свои изверженія и скоро умеръ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Когда я выходилъ съ моей женой на прогулку въ саду, находящемся недалеко отъ одиночнаго отдѣленія,

до насъ иногда доносились оттуда ужасные, отчаянные крики. Моя жена, услыхавъ ихъ въ первый разъ, испуганная и дрожащая, хватала меня за руку, и я разсказалъ ей, что это — крики арестанта, котораго обливали водой изъ пожарной машины въ Пуасси и котораго, вопреки закону, перевели теперь сюда въ Клэрво. Иногда по два, по три дня безъ перерыва онъ кричалъ: „Vaches, gredin, assassins"! (vaches — коровой, — на тюремномъ жаргонѣ называютъ надзирателя), или же онъ громко выкрикивалъ исторію своего осужденія, пока не падалъ въ изнеможеніи на полъ. Онъ, конечно, протестовалъ противъ заключенія въ исправительномъ отдѣленіи въ Клэрво и громко заявлялъ, что онъ убьетъ надзирателя, лишь бы не оставаться всю жизнь въ одиночной камерѣ. Затѣмъ, на два мѣсяца онъ утихъ. Тюремный инспекторъ намекнулъ ему, что, можетъ быть, послѣ 14-го іюля ему позволятъ идти въ мастерскія. Но вотъ прошелъ и національный праздникъ 14-го іюля, а несчастнаго все-таки не освободили. Тогда онъ дошелъ до отчаянія: онъ рыдалъ, ругалъ и всячески оскорблялъ надзирателей, разрушалъ деревянныя части своей камеры и, наконецъ, былъ посаженъ въ карцеръ, гдѣ ему надѣли тяжелые кандалы на руки и на ноги. Я самъ не видалъ этихъ кандаловъ, но когда онъ опять появился въ одиночномъ отдѣленіи, онъ громко выкрикивалъ, что его держали въ темномъ карцерѣ два мѣсяца въ такихъ тяжелыхъ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, что онъ не могъ двигаться. Онъ тогда былъ уже полусумсашедшій и его будутъ держать въ одиночной камерѣ, пока онъ не помѣшается окончательно... Тогда его подвергнутъ всѣмъ тѣмъ мученіямъ, которыя приходится претерпѣвать сумасшедшимъ въ тюрьмахъ и въ домахъ для умалишенныхъ..

И вотъ, громадная задача, — какъ положить конецъ всѣмъ подобнымъ жестокостямъ, — стоитъ передъ нами во всей полнотѣ. Отношенія между тюремной администраціей и заключенными въ Клэрво не проникнуты той грубостью, которая характеризуетъ русскія тюрьмы.

А между тѣмъ общепринятая система тюремнаго заключенія неизбѣжно доводитъ до такихъ результатовъ.

Они являются роковымъ послѣдствіемъ самой системы. Но ради чего людей подвергаютъ такимъ мученіямъ? Что достигается такими страданіями? Въ какомъ направленіи искать разрѣшенія громадной задачи, представляемой нашею системою наказаній и тюремъ? Таковы вопросы, возникающіе сами собой у каждаго добросовѣстнаго наблюдателя.

ГЛАВА IX.

О нравственномъ вліяніи тюремъ на заключенныхъ.

Центральная тюрьма въ Клэрво, описанная въ предыдущей главѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ одно изъ типичныхъ мѣстъ заключенія. Во Франціи она является одной изъ лучшихъ тюремъ,—я бы даже сказалъ, лучшей, если бы не зналъ отъ Элизе Реклю, что военная тюрьма въ Брестѣ ничѣмъ не уступаетъ Клэрвоской централкѣ. Дѣйствительно, недавніе разсужденія во Французской Палатѣ Депутатовъ о состояніи мѣстъ заключенія, а также бунты, вспыхнувшіе въ 1886 году почти во всѣхъ крупныхъ французскихъ тюрьмахъ, указываютъ, что большинство этихъ учрежденій гораздо хуже того, съ которымъ намъ пришлось ознакомиться на основаніи личнаго опыта въ Клэрво.

Если мы сравнимъ тюремную дисциплину въ Клэрво съ дисциплиной англійскихъ тюремъ — насколько о послѣднихъ можно судить по отчетамъ тюремной комиссіи 1863 года, а также по прекрасной книгѣ ирландскаго патріота, Михаила Дэвитта *), и по работамъ Джона Кэмибелля **), дамы, избравшей псевдонимъ— „Тюремная надзирательница ***), сэра Эдмунда Дю-

*) *Michael Davitt*, «Leaves from a Prison Diary», London, 1885.
**) *John Campbell*, «Thirty Years'Experiences of a Medical Officer in the English Convict Service» London, 1884.
***) «Prison Characters», by *a Prison Matron*. London, 1866.

Кэна *), книгѣ: „Пять лѣтъ тюремнаго заключенія“ **) и письмамъ, напечатаннымъ въ прошломъ году въ „Daily News“ за подписью „Бывшій В. 24“, — мы должны будемъ признать, что французскія центральныя тюрьмы нисколько не хуже, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣчнѣе, чѣмъ англійскія. Что же касается нѣмецкихъ тюремъ, то насколько можно судить о нихъ по литературѣ и по разсказамъ моихъ нѣмецкихъ друзей, испытавшихъ ихъ на себѣ, обращеніе, которому подвергаются арестанты въ Германіи, не можетъ быть сравниваемо съ режимомъ въ Клэрво и отличается очень грубымъ характеромъ. Относительно австрійскихъ тюремъ можно сказать, что онѣ въ настоящее время находятся въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ были въ Англіи, до реформы 1863 г. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ сказать, что тюрьма, описанная въ предыдущей главѣ, не только не хуже тысячъ подобныхъ же учрежденій, разсыпанныхъ по всей Европѣ, но напротивъ можетъ считаться одной изъ лучшихъ.

Если бы меня спросили, какія реформы можно ввести въ эту тюрьму и подобныя ей, но при томъ условіи, чтобы онѣ все-таки *оставались тюрьмами,* я могъ бы указать лишь на нѣкоторыя частичныя улучшенія, которыя, въ общемъ, немногимъ бы улучшили положеніе арестантовъ; но въ то же время, я долженъ былъ бы откровенно признать, какъ трудно сдѣлать какія бы то ни было улучшенія, даже самыя незначительныя, когда дѣло касается учрежденій, основанныхъ на ложномъ принципѣ.

Можно бы, напримѣръ, пожелать повышенія платы арестантамъ за ихъ трудъ, — на что тюремная администрація, вѣроятно, отвѣтила бы, какъ трудно найти частныхъ предпринимателей, готовыхъ построить дорого стоющія мастерскія въ тюрьмѣ и указала бы на вытекающую отсюда необходимость дешеваго труда. Съ другой стороны, я не сталъ бы предлагать, чтобы арестанты

*) *Sir Edmund Du Cane,* The Punishment and Prevention of Crime.—«English Citizen» series. London. 1885.

**) «Five Years'Penal Servitude», by *One who has endured it.* (London, George Routledge and Sons.

работали исключительно для казны, такъ какъ я знаю, что казна стала бы платить арестантамъ не больше, если не меньше, чѣмъ нѣкоторые подрядчики въ Клэрво. Казна никогда не рискнетъ затратить милліоны на мастерскія и на паровыя машины, а, отказавшись отъ употребленія усовершенствованныхъ машинъ, она не въ состояніи будетъ оплачивать арестантскій трудъ лучше, чѣмъ теперь; значитъ, дѣло сведется опять-таки къ тѣмъ же тридцати до сорока коп. въ день. Кромѣ того, казна едва ли сможетъ занимать арестантовъ тѣми разнообразными ремеслами, которыя я перечислилъ въ предыдущей главѣ, а это разнообразіе работъ является однимъ изъ непремѣнныхъ условій нахожденія постояннаго занятія для арестантовъ. Въ Англіи, гдѣ частное предпринимательство не допускается въ стѣнахъ тюрьмы, средняя производительность каждаго арестанта въ 1877 г. не превышала двадцати девяти рублей, а максимумъ производительности достигалъ лишь 200 рублей *).

Затѣмъ я, конечно, предложилъ бы, чтобы было снято запрещеніе разговора между арестантами, потому что это запрещеніе, существующее и во Франціи, и въ Англіи **), и въ Америкѣ, въ сущности, остается мертвой буквой и только служитъ лишнимъ отягощеніемъ участи. Я предложилъ бы также, чтобы было разрѣшено въ тюрьмахъ употребленіе табаку, ибо это является единственнымъ средствомъ прекратить гнусную тайную продажу этого запрещеннаго въ тюрьмахъ продукта, практикуемую надзирателями въ Англіи ***), такъ же

*) Онъ достигъ 70 фунт. стерлинговъ (700 рублей) на Лукской тюремной фермѣ, гдѣ было всего 42 арест. (См. E. du Cane. *Punishment and Prevention of Crime*). Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, во Франціи уничтожили, едва ли не повсемѣстно, работу на частныхъ подрядчиковъ въ тюрьмахъ. Депутаты-соціалисты подняли вопросъ о конкурренціи со стороны тюремныхъ предпринимателей труду вольныхъ рабочихъ, и во время дебатовъ члены французскаго парламента широко пользовались этой главой моей книги, чтобы критиковать организацію частныхъ мастерскихъ въ тюрьмахъ. Сколько мнѣ извѣстно, частные предприниматели изгнаны теперь изъ Клэрво, но я очень сомнѣваюсь, чтобы положеніе арестантовъ вслѣдствіе этого улучшилось.

**) M. Davitt's «Leaves».

***) «Five Years'Penal Servitude», стр. 61.

какъ и во Франціи. Эта мѣра уже введена въ Германіи, гдѣ табакъ продается въ тюремныхъ лавочкахъ. И навѣрное эта мѣра послужитъ къ уменьшенію числа курильщиковъ среди арестантовъ. Но подобныя мѣры, конечно, являются лишь мелочами, не могущими въ значительной степени улучшить наши карательныя учрежденія.

Съ цѣлью улучшить ихъ кореннымъ образомъ можно бы, конечно, предложить, чтобы во главѣ каждой тюрьмы стоялъ Песталоцци и 60 другихъ Песталоцци замѣщали бы должность надзирателей. Боюсь лишь, что тюремная администрація можетъ отвѣтить мнѣ на подобіе Александра II, написавшаго однажды на административномъ отчетѣ: „гдѣ мнѣ взять людей?“ — ибо несомнѣнно, что покуда наши тюрьмы останутся тюрьмами, Песталоцци будутъ являться рѣдкимъ исключеніемъ среди завѣдующихъ тюрьмами и надзирателей, мѣста которыхъ попрежнему будутъ заполняться отставными солдатами.

Чѣмъ болѣе размышляешь о частичныхъ улучшеніяхъ, которыя могутъ быть введены, чѣмъ болѣе обсуждаешь ихъ реальное практическое значеніе, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что тѣ немногія изъ нихъ, которыя *могутъ* быть введены, не имѣютъ существеннаго значенія, а улучшенія серьезнаго характера совершенно невозможны при настоящей системѣ. Значитъ, приходится искать какого-либо иного выхода. Теперешняя система ошибочна въ самомъ основаніи.

Однимъ изъ наиболѣе поражающихъ въ системѣ нашихъ карательныхъ учрежденій обстоятельствъ является то, что разъ человѣкъ побывалъ въ тюрьмѣ, имѣется три шанса противъ одного, что онъ вскорѣ послѣ освобожденія опять попадетъ въ нее. Конечно, имѣются немногія исключенія изъ этого правила. Въ каждой тюрьмѣ вы найдете людей, которые попали туда случайно. Въ ихъ жизни было такое фатальное стеченіе обстоятельствъ, которое вызвало бурное проявленіе страсти или слабости, и въ результатѣ они попали за тюремныя стѣны. Я думаю, всякій согласится, относительно подобныхъ лицъ, что еслибы ихъ совсѣмъ не запирали въ тюрьмы, общество отъ этого нисколько бы не пострадало. А, между тѣмъ, ихъ мучаютъ въ тюрь-

махъ и никто не сможетъ отвѣтить на вопросъ: — „зачѣмъ?“ Они сами сознаютъ вредоносность своихъ поступковъ и несомнѣнно это чувство было бы въ нихъ еще глубже, если бы ихъ совсѣмъ не держали въ заключеніи.

Число подобныхъ лицъ вовсе не такъ мало, какъ это обыкновенно полагаютъ и несправедливость ихъ заключенія настолько очевидна, что въ послѣднее время раздаются многіе авторитетные голоса, въ томъ числѣ англійскихъ судей *), настаивающіе на необходимости дать судьямъ право освобождать такихъ лицъ, не налагая на нихъ никакого наказанія.

Но криминалисты навѣрное скажутъ, что имѣется другой многочисленный классъ обитателей тюремъ, для которыхъ собственно и предназначаются наши карательныя учрежденія. И тутъ возникаетъ вопросъ: насколько тюрьмы отвѣчаютъ своей цѣли, по отношенію къ этому разряду заключенныхъ? насколько онѣ улучшаютъ ихъ? и насколько устрашаютъ, предупреждая такимъ образомъ дальнѣйшее нарушеніе закона? **)

На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Цифры съ совершенной ясностью указываютъ намъ, что предполагаемое двойное вліяніе тюремъ—воздерживающее и нравственно-оздоровляющее — существуетъ лишь въ воображеніи юристовъ. Почти половина всѣхъ лицъ приговариваемыхъ во Франціи и Англіи окружными судами,—рецидивисты, уже разъ или два побывавшіе въ тюрьмѣ. Во Франціи отъ двухъ-пятыхъ до половины всѣхъ привлекаемыхъ къ уголовному суду присяжныхъ и двѣ-пятыхъ всѣхъ привлекаемыхъ къ суду исправительной полиціи,—уже побывали въ тюрьмахъ. Каждый годъ арестуется не менѣе 70000 до 72,000 рецидивистовъ. Отъ 42% до 45% всѣхъ убійцъ и отъ 70% до 72% всѣхъ воровъ, осуждаемыхъ ежегодно—рецидивисты. Въ боль-

*) Какъ извѣстно, уже проведены законы—во Франціи (законъ Беранже) и въ Англіи, дающіе право судьѣ освободить подсудимаго отъ отбыванія наказанія.

**) Compte Rendu général de l'Administration de la Justice Criminelle en France en 1878 et 1879; Reinach, Les Récidivistes. Paris, 1882.

шихъ городахъ эта пропорція еще болѣе высока. Изъ всѣхъ арестованныхъ въ Парижѣ въ 1880 году болѣе одной четверти были уже приговорены въ теченіе предыдущихъ десяти лѣтъ болѣе четырехъ разъ. Что же касается до центральныхъ тюремъ, то отъ 20% до 40% всѣхъ освобождаемыхъ изъ нихъ ежегодно арестантовъ снова попадаютъ въ центральныя тюрьмы въ теченіе перваго же года по освобожденіи и,—большею частью въ первые же мѣсяцы. Количество рецидивистовъ было бы еще болѣе, еслибы не то обстоятельство, что многіе освобожденные ускользаютъ отъ вниманія полиціи, мѣняя свои имена и профессіи; кромѣ того, многіе изъ нихъ эмигрируютъ или умираютъ скоро послѣ освобожденія *).

Возвращеніе освобожденныхъ обратно въ тюрьму—настолько обычное явленіе въ французскихъ центральныхъ тюрьмахъ, что вы часто можете слышать, какъ надзиратели говорятъ между собой: „Удивительное дѣло! N. до сихъ поръ еще не вернулся въ тюрьму! Неужели онъ успѣлъ уже перейти въ другой судебный округъ?“ Нѣкоторые арестанты, освобождаясь изъ тюрьмы, гдѣ они, благодаря хорошему поведенію, имѣли какую-нибудь привиллегированную должность,—напримѣръ, въ госпиталѣ—обыкновенно просятъ, чтобы эта должность была оставлена за ними до ихъ слѣдующаго возвращенія въ тюрьму! Эти бѣдняги хорошо сознаютъ, что они не въ состояніи будутъ противиться искушеніямъ, которыя ихъ встрѣтятъ на свободѣ; они знаютъ, что очень скоро опять попадутъ назадъ въ тюрьму, гдѣ и кончатъ свою жизнь.

Въ Англіи, насколько мнѣ извѣстно, положеніе вещей не лучше, несмотря на усилія 63 „обществъ для вспомоществованія освобожденнымъ арестантамъ“. Около 40% всѣхъ осужденныхъ лицъ—рецидивисты и, по словамъ м-ра Дэвитта, 95% всѣхъ находящихся въ каторж-

*) Если принять во вниманіе тѣхъ, которые умираютъ послѣ освобожденія и тѣхъ, которыхъ преступленія послѣ выхода изъ тюрьмы остаются не раскрытыми, остается открытымъ вопросомъ—не равно-ли число рецидивистовъ общему числу всѣхъ освобожденныхъ изъ тюрьмы» (Lombroso, *L'Home delinquente*).

номъ заключеніи уже ранѣе получили тюремное образованіе, побывавъ однажды, а иногда и дважды въ тюрьмѣ.

Болѣе того, во всей Европѣ замѣчено было, что если человѣкъ попалъ въ тюрьму за какое-нибудь сравнительно мелкое преступленіе, онъ обыкновенно возвращается въ нее, осужденный за что-нибудь гораздо болѣе серьезное. Если это—воровство, то оно будетъ носить болѣе утонченный характеръ по сравненію съ предыдущимъ; если онъ былъ осужденъ ранѣе за насильственный образъ дѣйствій, много шансовъ за то, что въ слѣдующій разъ онъ уже попадетъ въ тюрьму въ качествѣ убійцы. Словомъ, рецидивизмъ выросъ въ такую огромную проблемму, надъ которой тщетно бьются европейскіе писатели-криминалисты и мы видимъ, что во Франціи, подъ впечатлѣніемъ непреоборимой сложности этой проблеммы, изобрѣтаются планы, которые въ сущности сводятся къ тому, чтобы осуждать всѣхъ рецидивистовъ на смерть, путемъ вымиранія въ одной изъ самыхъ нездоровыхъ колоній французской республики *).

Какъ разъ въ то время, когда я писалъ эту главу, въ парижскихъ газетахъ печатался разсказъ объ убійствѣ, совершенномъ лицомъ, которое за день передъ тѣмъ было выпущено изъ тюрьмы. Прежде чѣмъ этотъ человѣкъ былъ арестованъ въ первый разъ и присужденъ къ 13-ти мѣсячному тюремному заключенію (за преступленіе сравнительно маловажнаго характера), онъ свелъ знакомство съ женщиной, которая держала маленькую лавочку. Онъ хорошо зналъ образъ ея жизни и почти тотчасъ послѣ освобожденія изъ тюрьмы, отправился къ ней вечеромъ, какъ разъ, когда она запирала лавочку, зарѣзалъ ее и хотѣлъ овладѣть кассой. Весь планъ, до мельчайшихъ подробностей былъ обдуманъ арестантомъ во время заключенія.

Подобные эпизоды далеко не рѣдкость въ уголовной практикѣ, хотя, конечно, не всегда имѣютъ такой же

*) Сравни замѣчательныя книги Liard-Curtois «*Souvenir du Bagne*» и «*Après le bagne*», Paris, 1904—5 г., изд. Tosquelle, основанныя на личномъ опытѣ.

сенсаціонный характеръ, какъ въ данномъ случаѣ. Наиболѣе ужасные планы самыхъ звѣрскихъ убійствъ въ большинствѣ случаевъ изобрѣтаются въ тюрьмахъ, и если общественное мнѣніе бываетъ возмущено какимъ-либо особенно звѣрскимъ дѣяніемъ, послѣднее почти всегда является прямымъ или косвеннымъ результатомъ тюремнаго обученія: оно бываетъ дѣломъ человѣка, освобожденнаго изъ тюрьмы, или же совершается по наущенію какого-нибудь бывшаго арестанта.

Не смотря на всѣ попытки уединить заключенныхъ, или воспретить разговоры между ними, тюрьмы до сихъ поръ остаются высшими школами преступности. Планы благонамѣренныхъ филантроповъ, мечтавшихъ обратить наши карательныя учрежденія въ исправительныя, потерпѣли полную неудачу; и хотя оффиціальная литература избѣгаетъ касаться этого предмета, тѣ директора тюремъ, которые наблюдали тюремную жизнь во всей ея наготѣ, и которые предпочитаютъ правду оффиціальной лжи, откровенно утверждаютъ, что тюрьмы никого не исправляютъ и что, напротивъ, онѣ дѣйствуютъ болѣе или менѣе развращающимъ образомъ на всѣхъ тѣхъ, кому приходится пробыть въ нихъ нѣсколько лѣтъ.

Да иначе не можетъ и быть. Мы должны признать, что результаты *должны* быть именно таковы, если только мы внимательно проанализируемъ вліяніе тюрьмы на арестанта.

Прежде всего, никто изъ арестантовъ, за рѣдкими исключеніями, не признаетъ своего осужденія справедливымъ. Всѣ знаютъ это, но почему-то всѣ относятся къ этому слишкомъ легко, между тѣмъ какъ въ такомъ непризнаніи кроется осужденіе всей нашей судебной системы. Китаецъ, осужденный семейнымъ судомъ „недѣленной семьи“ къ изгнанію *), или Чукча, бойкотируемый своимъ родомъ, или же крестьянинъ, присужденный „Водянымъ Судомъ“ (судъ, вѣдающій орошеніе) въ Валенсіи или въ Туркестанѣ, почти всегда признаютъ справедливость приговора, произнесеннаго ихъ судьями.

*) Сравни Eugène Simon, *La Cité Chinoise.*

Но ничего подобнаго не встрѣчается среди обитателей нашихъ современныхъ тюремъ.

Возьмите, напр., одного изъ „аристократовъ“ тюрьмы, осужденнаго за „финансовую операцію“, т.-е., за предпріятіе такого рода, которое цѣликомъ было разсчитано на „жадность и невѣжество публики“, какъ выражается одинъ изъ героевъ замѣчательныхъ очерковъ изъ тюремной жизни, принадлежащихъ перу Михаила Дэвитта. Попробуйте убѣдить такого человѣка, что онъ поступилъ неправильно, занимаясь операціями подобнаго рода. Онъ, вѣроятно, отвѣтитъ вамъ: „Милостивый государь, маленькіе воришки дѣйствительно попадаютъ въ тюрьму, но крупные, какъ вамъ извѣстно, пользуются свободой и полнѣйшимъ уваженіемъ тѣхъ самыхъ судей, которые присудили меня.“ И вслѣдъ за тѣмъ онъ укажетъ вамъ на какую-нибудь компанію, основанную въ Лондонской Сити со спеціальной цѣлью ограбить наивныхъ людей, мечтавшихъ обогатиться путемъ разработки золотыхъ рудниковъ въ Девонширѣ, свинцовыхъ залежей подъ Темзой, и т. п. Всѣмъ намъ знакомы такія компаніи, во главѣ которыхъ въ Англіи всегда стоитъ лордъ, священникъ и „М. Р.“ (членъ парламента); всѣ мы получаемъ ихъ обольстительные циркуляры; всѣ мы знаемъ, какъ выуживаются послѣдніе гроши изъ кармановъ бѣдняковъ... Что же мы можемъ сказать въ отвѣтъ „тюремному аристократу“? Или же возьмемъ для примѣра другого, который былъ осужденъ за то, что на французскомъ жаргонѣ именуется *manger la grenouille*, и что мы русскіе называемъ „пристрастіемъ къ казенному пирогу“, другими словами, осужденный за растрату общественныхъ денегъ. Подобный господинъ скажетъ вамъ: „Я не былъ достаточно ловокъ, милостивый государь, въ этомъ—вся моя вина“. Что вы можете сказать ему въ отвѣтъ, когда вы прекрасно знаете, какіе огромные куски общественнаго пирога безслѣдно исчезаютъ въ пасти охотниковъ до этого блюда, при чемъ эти гастрономы не только не попадаютъ подъ судъ, но пользуются уваженіемъ общества. „Я не былъ достаточно ловокъ“,—будетъ онъ повторять, пока будетъ носить арестантскую куртку; и будетъ ли онъ томиться

въ одиночной камерѣ или осушать Дартмурскія болота, его умъ неустанно будетъ работать въ одномъ и томъ же направленіи: онъ будетъ все болѣе и болѣе озлоблять противъ несправедливости общества, которое усыпаетъ розами путь достаточно ловкихъ и сажаетъ въ тюрьму неловкихъ. А какъ только онъ будетъ выпущенъ изъ тюрьмы, онъ попытается взобраться на высшую ступень лѣстницы; онъ употребитъ всѣ силы ума, чтобы быть „достаточно ловкимъ“ и на этотъ разъ такъ откуситъ кусокъ пирога, чтобы его не поймали.

Я не стану утверждать, что каждый арестантъ смотритъ на преступленія, приведшія его въ тюрьму, какъ на нѣчто достойное похвалы; но несомнѣнно, что онъ считаетъ себя нисколько не хуже тѣхъ заводчиковъ, которые выдѣлываютъ апельсинное варенье изъ рѣпы и фабрикуютъ вино изъ окрашенной фуксиномъ воды, сдобренной алкоголемъ, не хуже тѣхъ предпринимателей, которые грабятъ довѣрчивую публику, которые самыми разнообразными способами спекулируютъ на „жадность и невѣжество публики“ и которые, тѣмъ не менѣе, пользуются всеобщимъ уваженіемъ. „Воруй, да не попадайся!“ — такова обычная поговорка въ тюрьмахъ всего міра и напрасно мы будемъ оспаривать ея мудрость, пока въ мірѣ дѣловыхъ сношеній понятія о честномъ и безчестномъ будутъ столь шатки, каковы они теперь.

Уроки, получаемые заключенными въ тюрьмѣ, нисколько не хуже чѣмъ тѣ, которые онъ получаетъ изъ внѣшняго міра. Я упоминалъ уже въ предыдущей главѣ о скандальной торговлѣ табакомъ, которая практикуется въ французскихъ тюрьмахъ, но, до послѣдняго времени, я думалъ, что въ Англіи неизвѣсто это зло, пока не убѣдился въ противномъ изъ одной книги *). Характерно, что даже цифры почти тѣ же самыя. Такъ изъ каждыхъ 20 шил., переданныхъ заключенному, 10 должны быть отданы надзирателю, а на остальные десять онъ доставляетъ табакъ и прочую контрабанду, по фантастическому тарифу. Таковы нравы въ Мюллльбанкѣ. Французъ-

*) «Five Vears' Penal Servitude», by One who has endured it, p. 61.

скій же тарифъ—изъ 50 фр. 25 фр. надзирателю, а затѣмъ на остальные 25 поставляется табакъ и пр. по упомянутымъ цѣнамъ. Что касается до работъ, то и при казенной и при подрядческой системѣ, практикуемыхъ въ большихъ тюрьмахъ, совершается такая масса всякаго рода мелкихъ мошенничествъ, что мнѣ неоднократно приходилось слышать въ Клэрво отъ арестантовъ: „настоящіе воры, сударь, не мы, а тѣ, которые держатъ насъ здѣсь". Конечно, мнѣ скажутъ, что администрація должна стремиться искоренить это зло и что многое уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Я даже готовъ признать справедливость этого замѣчанія. Но вопросъ въ томъ,—можетъ ли зло этого рода быть *совершенно* искоренено? Уже одно то обстоятельство, что зло это существуетъ въ большинствѣ тюремъ Европы, указываетъ, какъ трудно найти неподкупную тюремную администрацію.

Впрочемъ, упоминая объ этой причинѣ деморализаціи, я не стану очень подчеркивать ее; не потому, что я не признаю ея чрезвычайно вреднаго вліянія, но просто потому, что если бы вышеуказанная причина совершенно исчезла изъ тюремной жизни, то и тогда въ нашихъ карательныхъ учрежденіяхъ осталось бы множество другихъ развращающихъ причинъ, отъ которыхъ нельзя избавиться, покуда тюрьма останется тюрьмою. Къ нимъ я и перейду.

Много было написано объ оздоровляющемъ вліяніи труда—особливо физическаго труда—и я, конечно, менѣе всего стану отрицать это вліяніе. Не давать арестантамъ никакого занятія, какъ это практикуется въ Россіи, значитъ—совершенно деморализовать ихъ, налагать на нихъ безполезное наказаніе и убивать въ нихъ послѣднюю искру энергіи, дѣлая ихъ совершенно неспособными къ трудовой жизни послѣ тюрьмы. Но есть трудъ и трудъ. Существуетъ свободный трудъ, возвышающій человѣка, освобождающій его мозгъ отъ скорбныхъ мыслей и болѣзненныхъ идей,—трудъ, заставляющій человѣка чувствовать себя частицею міровой жизни. Но есть также и вынужденный трудъ, трудъ раба, унижающій человѣка,—трудъ, которымъ занимаются съ отвра-

щеніемъ, изъ страха наказанія, и таковъ тюремный трудъ. При этомъ я, конечно, не имѣю въ виду такого гнуснаго изобрѣтенія, какъ вертящееся колесо англійскихъ тюремъ, которое приходится вертѣть человѣку, подобно бѣлкѣ, хотя двигательную силу можно было бы получить и другимъ образомъ, гораздо болѣе дешевымъ. Я не имѣю также въ виду щипанія конопати, при которомъ человѣкъ производитъ въ день ровно на одну копейку *). Арестанты вправѣ разсматривать подобнаго рода трудъ, какъ низкую месть со стороны общества, которое не позаботилось, въ дни ихъ дѣтства, указать имъ лучшихъ путей къ высшей, болѣе достойной человѣка, жизни, а теперь мститъ имъ за это. Я думаю, нѣтъ ничего болѣе возмутительнаго, какъ чувствовать, что тебя принуждаютъ работать не потому, что твой трудъ кому-либо нуженъ, а въ видѣ наказанія. Въ то время какъ все человѣчество работаетъ для поддержанія жизни, арестантъ, щиплющій конопать или разбирающій нитки, занимается работой, которая никому не нужна. Онъ — отверженъ. И если онъ по выходѣ изъ тюрьмы будетъ обращаться съ обществомъ, какъ отверженецъ, мы не можемъ обвинять никого, кромѣ самихъ себя.

Но не лучше обстоитъ дѣло и съ продуктивнымъ трудомъ въ тюрьмахъ. Государство рѣдко можетъ выступить въ роли удачливаго конкуррента на рынкѣ, гдѣ продукты покупаются и продаются ради тѣхъ выгодъ, которыя могутъ быть реализованы при покупкѣ и продажѣ. Вслѣдствіе этого, оно бываетъ вынуждено, съ цѣлью дать работу арестантамъ, прибѣгать къ помощи подрядчиковъ. Но, чтобы привлечь этихъ подрядчиковъ и побудить ихъ затратить деньги на постройку мастерскихъ,—въ то же время гарантируя опредѣленное количество работы для извѣстнаго числа арестантовъ, не

*) *Du Cane, l. c.* стр. 176. Другой видъ «труда», придуманный въ Англіи. состоитъ въ слѣдующемъ: арестанту даютъ спутанный клубокъ разноцвѣтныхъ нитокъ. Онъ долженъ, за день, разобрать ихъ по цвѣтамъ. Когда работа сдѣлана, въ одиночку входитъ надзиратель, снова спутываетъ всѣ нитки, и говоритъ: «это будетъ урокъ на завтра!»

смотря на колебаніе рыночныхъ цѣнъ (при чемъ необходимо имѣть въ виду неблагопріятную обстановку тюрьмы и работу необученныхъ ремеслу рабочихъ-арестантовъ),— чтобы привлечь такихъ подрядчиковъ, государству приходится продавать арестантскій трудъ за безцѣнокъ, не говоря уже о взяткахъ, которыя то же способствуютъ пониженію цѣнъ за трудъ. Такимъ образомъ, на кого бы ни работали арестанты, для казны или для подрядчиковъ,—ихъ заработки ничтожны.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что наивысшая заработная плата, платимая подрядчиками въ Клэрво, рѣдко превышаетъ 80 копѣекъ въ день, а въ большинствѣ случаевъ она ниже 40 копѣекъ, за 12-ти часовый трудъ, при чемъ половину этого заработка, а иногда и болѣе, удерживаетъ въ свою пользу казна. Въ Пуасси (Poissy) арестанты зарабатываютъ у подрядчика по 12 копѣекъ въ день, и менѣе 8 копѣекъ, когда работаютъ для казны *).

Въ Англіи, съ тѣхъ поръ какъ тюремная коммиссія 1863 г. сдѣлала открытіе, что арестанты зарабатываютъ черезчуръ много, ихъ заработокъ свелся почти къ нулю, если не считать небольшого уменьшенія срока наказанія для прилежно работающихъ арестантовъ. Въ англійскихъ тюрьмахъ заключенныхъ занимаютъ такого рода ремеслами, что лишь искусные рабочіе могутъ заработать свыше 50 копѣекъ въ день (сапожники, портные и занимающіеся плетеніемъ корзинъ) **). Въ другихъ же областяхъ труда, арестантская работа, переведенная на рыночную цѣнность, колеблется между 12 и 40 копѣйками въ день.

Несомнѣнно, что работа, при такихъ обстоятельствахъ, лишенная сама по себѣ привлекательности, такъ какъ она не даетъ упражненія умственнымъ способностямъ рабочаго и оплачиваемая такъ скверно, можетъ быть разсматриваема лишь, какъ форма наказанія. Когда я глядѣлъ на моихъ друзей-анархистовъ въ Клэрво, вы-

*) Рѣчь М. Дюпюи (de l'Aisne) во Французской Палатѣ Депутатовъ, января 18, 1887 г.

**) «The Punishment and Prevention of Crime», стр. 176.

дѣлывавшихъ дамскіе корсеты или перламутровыя пуговицы и зарабатывавшихъ при этомъ 24 копѣйки за десяти-часовой трудъ, причемъ 8 копѣекъ удерживалось казною (у уголовныхъ преступниковъ удерживалось 12 копѣекъ, или даже болѣе),—я вполнѣ понялъ, какого рода отвращеніе должна вызывать подобнаго рода работа въ людяхъ, принужденныхъ заниматься ею цѣлые годы. Какое удовольствіе можетъ дать подобная работа? Какое моральное вліяніе можетъ она оказать, если арестантъ постоянно повторяетъ самъ себѣ, что онъ работаетъ лишь для обогащенія подрядчика? Получивши 72 копѣйки за цѣлую недѣлю труда, онъ и его товарищи могутъ только воскликнуть: „и подлинно, настоящіе-то воры — не мы, а тѣ, кто держитъ насъ здѣсь".

Но все же мои товарищи, которыхъ не принуждали заниматься этой работой, занимались ею добровольно, и иногда, путемъ тяжелыхъ усилій, нѣкоторые изъ нихъ ухитрялись заработать до 40 копѣекъ въ день, особенно, когда въ работѣ требовалось нѣкоторое искусство или артистическій вкусъ. Но они занимались этой работой потому, что въ нихъ поддерживался интересъ къ работѣ. Тѣ изъ нихъ, которые были женаты, вели постоянную переписку съ женами, переживавшими тяжелое время, пока ихъ мужья находились въ тюрьмѣ. До нихъ доходили письма изъ дому, и они могли отвѣчать на нихъ. Такимъ образомъ узы, связывающія арестантовъ съ семьею, не порывались. У холостыхъ же и у неимѣвшихъ семьи, которую надо было поддерживать, была другая страсть — любовь къ наукѣ и они гнули спину надъ выдѣлкой перламутровыхъ пуговицъ и брошекъ, въ надеждѣ выписать въ концѣ мѣсяца какую-нибудь давно желанную книгу.

У нихъ была страсть. Но какая благородная страсть можетъ владѣть уголовнымъ арестантомъ, оторваннымъ отъ дома и лишеннымъ всякихъ связей съ внѣшнимъ міромъ? Люди, изобрѣтавшіе нашу тюремную систему, постарались съ утонченною жестокостью обрѣзать всѣ нити, такъ или иначе связывающія арестанта съ обществомъ. Они растоптали всѣ лучшія чувства, которыя имѣются у арестанта, также какъ у всякаго другого

человѣка. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, жена и дѣти не могутъ видѣть заключеннаго чаще одного раза въ три мѣсяца; письма же, которыя ему разрѣшаютъ писать, являются издѣвательствомъ надъ человѣческими чувствами. Филантропы, изобрѣтшіе англійскую тюремную дисциплину, дошли до такого холоднаго презрѣнія къ человѣческой природѣ, что разрѣшаютъ заключеннымъ только подписывать заранѣе заготовленные печатные листы! Мѣра эта тѣмъ болѣе возмутительна, что каждый арестантъ, какъ бы низко ни было его умственное развитіе, прекрасно понимаетъ мелочную мстительность, которой продиктованы подобныя мѣры,—сколько бы ни говорили въ извиненіе о необходимости помѣшать сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ.

Во французскихъ тюрьмахъ — по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ—посѣщенія родственниковъ допускаются чаще, и директоръ тюрьмы, въ исключительныхъ случаяхъ, имѣетъ право разрѣшать свиданія въ комнатахъ, безъ тѣхъ рѣшетокъ, которыя обыкновенно отдѣляютъ арестанта отъ пришедшихъ къ нему на свиданіе. Но центральныя тюрьмы находятся вдали отъ большихъ городовъ, а между тѣмъ именно эти послѣдніе поставляютъ наибольшее количество заключенныхъ, причемъ осужденные принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ бѣднѣйшимъ классамъ населенія и лишь немногія изъ женъ обладаютъ нужными средствами для поѣздки въ Клэрво, съ цѣлью получить нѣсколько свиданій съ арестованнымъ мужемъ.

Такимъ образомъ, то благотворное вліяніе, которое могло бы облагородить заключеннаго, внести лучъ радости въ его жизнь, единственный смягчающій элементъ въ его жизни,—общеніе съ родными и дѣтьми—систематически изгоняется изъ арестантской жизни. Тюрьмы стараго времени отличались меньшей чистотой; въ нихъ было меньше „порядка“, чѣмъ въ современныхъ, но въ вышеуказанномъ отношеніи онѣ были болѣе человѣчны.

Въ сѣрой арестантской жизни, лишенной страстей и сильныхъ впечатлѣній, всѣ лучшія чувства, могущія улучшить характеръ человѣка, вскорѣ замираютъ. Даже

рабочіе, любящіе свое ремесло и находящіе въ немъ удовлетвореніе своимъ эстетическимъ потребностямъ, теряютъ вкусъ къ работѣ. Тюрьма убиваетъ, прежде всего, физическую энергію. Мнѣ теперь вспоминаются годы, проведенные въ тюрьмѣ въ Россіи. Я вошелъ въ казематъ крѣпости съ твердымъ рѣшеніемъ — не поддаваться. Съ цѣлью поддержанія физической энергіи, я регулярно совершалъ каждый день семи-верстную прогулку по каземату и дважды въ день продѣлывалъ гимнастическія упражненія съ тяжелымъ дубовымъ табуретомъ. А когда мнѣ было разрѣшено употребленіе пера и чернилъ, я занялся приведеніемъ въ порядокъ обширной работы, а именно—подвергъ систематическому пересмотру существующіе доказательства ледниковаго періода. Позднѣе, во французской тюрьмѣ, я со страстью занялся выработкой основныхъ началъ того міровоззрѣнія, которое я считаю системой новой философіи,— основы анархіи. Но въ обоихъ случаяхъ я вскорѣ началъ чувствовать, какъ утомленіе овладѣвало мною. Тѣлесная энергія постепенно исчезала. Можетъ быть, наилучшей параллелью состоянія арестанта является зимовка въ полярныхъ странахъ. Прочтите отчеты о полярныхъ экспедиціяхъ прежняго времени, напр. добродушнаго Пэрри или старшаго Росса. Читая эти дневники, вы улавливаете чувство физическаго и умственнаго утомленія, запечатлѣнное на каждой ихъ страницѣ, и доходящее почти до отчаянія, пока, наконецъ, на горизонтѣ не появится солнце, приносящее съ собою свѣтъ и надежду. Таково же состояніе арестанта. Мозгу не хватаетъ энергіи для поддержанія вниманія; мышленіе становится медленнѣе и менѣе настойчивымъ: мысли не хватаетъ глубины. Въ одномъ американскомъ прошлогоднемъ отчетѣ говорится, между прочимъ, что, въ то время, какъ изученіе языковъ ведется арестантами съ большимъ успѣхомъ, они рѣдко могутъ настойчиво заниматься математикой; наблюденіе это совершенно вѣрно.

Мнѣ кажется, что это подавленіе здоровой нервной энергіи лучше всего объясняется отсутствіемъ впечатлѣній. Въ обыденной жизни тысячи звуковъ и красокъ

затрагиваютъ наши чувства; тысячи мелкихъ разнообразныхъ фактовъ запечатлѣваются въ нашемъ сознаніи и возбуждаютъ дѣятельность мозга. Но жизнь арестанта въ этомъ отношеніи совершенно ненормальна: его впечатлѣнія чрезвычайно скудны и всегда одни и тѣ же. Отсюда — пристрастіе арестантовъ ко всякаго рода новинкѣ, погоня за всякимъ новымъ впечатлѣніемъ. Я никогда не забуду, съ какимъ жаднымъ вниманіемъ я подмѣчалъ въ крѣпости, во время прогулки по дворику Трубецкого бастіона, переливы свѣта на золоченомъ шпицѣ собора, — розоватомъ при закатѣ солнца и полномъ голубоватыхъ оттѣнковъ по утрамъ; я замѣчалъ всѣ оттѣнки красокъ, мѣняющихся въ облачные и въ ясные дни, утромъ и вечеромъ, зимою и лѣтомъ. Только цвѣта красокъ шпица и подвергались измѣненію; остальное оставалось все въ той же угрюмой неизмѣнности. Появленіе воробья въ тюремномъ дворѣ было крупнымъ событіемъ: оно вносило новое впечатлѣніе. Вѣроятно, этимъ объясняется и то, что арестанты такъ любятъ рисунки и иллюстраціи: они даютъ имъ новыя впечатлѣнія необычнымъ путемъ. Всѣ впечатлѣнія, получаемыя въ тюрьмѣ, путемъ чтенія, или же изъ собственныхъ размышленій, дѣйствуютъ не непосредственно, а путемъ воображенія; вслѣдствіе чего мозгъ, плохо питаемый ослабѣвшимъ сердцемъ и обѣднѣвшей кровью, быстро утомляется, теряетъ энергію. Оттого и чувствуется въ тюрьмѣ такая потребность во внѣшнихъ, непосредственныхъ впечатлѣніяхъ.

Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, объясняется также удивительное отсутствіе энергіи, увлеченія въ работѣ заключенныхъ. Всякій разъ, когда я видѣлъ въ Клэрво арестанта, лѣниво передвигавшагося по двору, въ сопровожденіи также лѣниво шагавшаго за нимъ надзирателя, я мысленно возвращался къ днямъ моей юности, въ домъ отца, въ среду крѣпостныхъ. Арестантская работа — работа рабовъ, а такого рода трудъ не можетъ вдохновить человѣка, не можетъ дать ему сознаніе необходимости труда и созиданія. Арестанта можно научить ремеслу, но любви къ этому ремеслу ему нельзя привить; напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ онъ

привыкаетъ относиться къ своему труду съ ненавистью.

Необходимо указать еще на одну причину деморализаціи въ тюрьмахъ, которую я считаю особенно важной, въ виду того, что она одинакова во всѣхъ тюрьмахъ, и что корень ея находится въ самомъ фактѣ лишенія человѣка свободы. Всѣ нарушенія установленныхъ принциповъ нравственности можно свести къ одной первопричинѣ: отсутствію твердой воли. Большинство обитателей нашихъ тюремъ—люди, не обладавшіе достаточной твердостью, чтобы противустоять искушеніямъ, встрѣчавшимся на ихъ жизненномъ пути, или подавить страстный порывъ, мгновенно овладѣвшій ими. Но въ тюрьмѣ, также какъ и въ монастырѣ, арестантъ огражденъ отъ всѣхъ искушеній внѣшняго міра; а его сношенія съ другими людьми такъ ограничены и такъ регулированы, что онъ рѣдко испытываетъ вліяніе сильныхъ страстей. Вслѣдствіе этого, ему рѣдко представляется возможность упражнять и укрѣплять ослабѣвшую волю. Онъ обращенъ въ машину и слѣдуетъ по разъ установленному пути; а тѣ немногіе случаи, когда ему предстоитъ свободный выборъ, такъ рѣдки и ничтожны, что на нихъ развивать свою волю невозможно. Вся жизнь арестанта расписана впереди и распредѣлена заранѣе; ему остается только отдаться ея теченію, слѣпо повиноваться, подъ страхомъ жестокихъ наказаній. При подобныхъ условіяхъ, если онъ даже обладалъ нѣкоторой твердостью воли ранѣе осужденія, послѣдняя исчезаетъ въ тюрьмѣ. А потому, — гдѣ же ему найти силу характера, чтобы противустоять искушеніямъ, которыя внезапно окружатъ его, какъ только онъ выйдетъ за порогъ тюрьмы? Какъ онъ сможетъ подавить первые импульсы страстнаго характера, если въ теченіи многихъ лѣтъ употреблены были всѣ старанія, чтобы убить въ немъ внутреннюю силу сопротивленія, чтобы превратить его въ послушное орудіе въ рукахъ тѣхъ, кто управлялъ имъ?

Вышеуказанный фактъ, по моему мнѣнію, (и мнѣ кажется, что по этому вопросу не можетъ быть двухъ мнѣній), является самымъ строгимъ осужденіемъ всѣхъ системъ, основанныхъ на лишеніи человѣка свободы.

Происхожденіе нашихъ системъ наказанія, основанныхъ на систематическомъ подавленіи всѣхъ проявленій индивидуальной воли въ заключенныхъ и на низведеніи людей до степени лишенныхъ разума машинъ, легко объясняется. Оно выросло изъ желанія предотвратить всякія нарушенія дисциплины и изъ стремленія держать въ повиновеніи возможно большее количество арестантовъ при возможно меньшемъ количествѣ надсмотрщиковъ. Дѣйствительно, мы видимъ цѣлую обширную литературу о тюрьмахъ, въ которой господа „спеціалисты“ съ наибольшимъ восхищеніемъ говорятъ именно о тѣхъ системахъ, при которыхъ тюремная дисциплина поддерживается при наименьшемъ количествѣ надзирателей. Идеальной тюрьмой въ глазахъ такихъ спеціалистовъ была бы тысяча автоматовъ, встающихъ и работающихъ, ѣдящихъ и идущихъ спать подъ вліяніемъ электрическаго тока, находящагося въ распоряженіи одного единственнаго надзирателя. Но если наши современныя, усовершенствованныя тюрьмы и сокращаютъ, можетъ быть, въ государственномъ бюджетѣ нѣкоторые сравнительно мелкіе расходы, зато онѣ являются главными виновницами за тотъ ужасающій процентъ рецидивистовъ, какой наблюдается теперь во всѣхъ странахъ Европы. Чѣмъ менѣе тюрьмы приближаются къ идеалу, выработанному тюремными спеціалистами, тѣмъ менѣе онѣ даютъ рецидивистовъ *). Не должно удивляться, что люди, пріученные быть машинами, не въ силахъ приспособиться къ жизни въ обществѣ.

Обыкновенно бываетъ такъ, что тотчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы арестантъ сталкивается со своими бывшими сотоварищами, поджидающими его при выходѣ. Они принимаютъ его по-братски, и почти тотчасъ же по освобожденіи онъ снова попадаетъ въ тотъ же потокъ, который однажды уже принесъ его къ стѣнамъ тюрьмы. Всякаго рода филантропы и „общество для помощи освобожденнымъ арестантамъ“, въ сущности, мало помогаютъ злу. Имъ приходится передѣлывать то,

*) Въ Россіи количество рецидивистовъ не превосходитъ 18%; въ то время какъ въ Западной Европѣ оно доходитъ до 40—50%.

что сдѣлано тюрьмою, сглаживать тѣ слѣды, которые тюрьма оставила на освобожденномъ. Въ то время, какъ вліяніе честныхъ людей, которые протянули бы братскую руку *прежде*, чѣмъ человѣкъ попалъ подъ судъ, могло бы спасти его отъ проступковъ, доведшихъ его до тюрьмы,—теперь, когда онъ прошелъ курсъ тюремнаго обученія, всѣ усилія филантроповъ, въ большинствѣ случаевъ, не поведутъ ни къ какимъ результатамъ.

И какая разница между братскимъ пріемомъ, какимъ встрѣчаютъ освобожденнаго его бывшіе сотоварищи, и отношеніемъ къ нему „честныхъ гражданъ", скрывающихъ подъ наружнымъ покровомъ христіанства свой фарисейскій эгоизмъ! Для нихъ освобожденный арестантъ является чѣмъ-то въ родѣ зачумленнаго. Кто изъ нихъ рѣшится, какъ это дѣлалъ долгіе годы д-ръ Кэмпбелль въ Эдинбургѣ, пригласить его въ свой домъ и сказать ему: „Вотъ тебѣ комната; садись за мой столъ и будь членомъ моей семьи, пока мы подыщемъ работу?" Человѣкъ, выпущенный изъ тюрьмы, болѣе всякаго другого нуждается въ поддержкѣ, нуждается въ братской рукѣ, протянутой къ нему, но общество, употребивши всѣ усилія, чтобы сдѣлать изъ него врага общества, прививъ ему пороки, развиваемые тюрьмой, отказываетъ ему именно въ той братской помощи, которая ему такъ нужна.

Много ли найдется также женщинъ, которыя согласятся выйти замужъ за человѣка, побывавшаго въ тюрьмѣ? Мы знаемъ, какъ часто женщина выходитъ замужъ, задавшись цѣлью „спасти человѣка"; но, за немногими исключеніями, даже такія женщины инстинктивно сторонятся отъ людей. получившихъ тюремное образованіе. Такимъ образомъ, освобожденному арестанту приходится подыскивать себѣ подругу жизни среди тѣхъ самыхъ женщинъ — печальныхъ продуктовъ скверно-организованнаго общества, — которыя, въ большинствѣ случаевъ, были одной изъ главныхъ причинъ, приведшихъ его въ тюрьму. Немудрено, что большинство освобожденныхъ арестантовъ опять попадается, проведя всего нѣсколько мѣсяцевъ на свободѣ.

Едва ли много найдется людей, которые осмѣлились бы утверждать, что тюрьмы должны оказывать лишь устрашающее вліяніе, не имѣя въ виду цѣлей нравственнаго исправленія. Но что же дѣлаемъ мы для достиженія этой послѣдней цѣли? Наши тюрьмы, какъ будто, спеціально устроены для того, чтобы навсегда унизить разъ попавшихъ туда, навсегда потушить въ нихъ послѣднія искры самоуваженія.

Каждому пришлось, конечно, испытать на себѣ вліяніе приличной одежды. Даже животныя стыдятся появляться въ средѣ подобныхъ себѣ, если ихъ наружности приданъ необычайный, смѣшной характеръ. Котъ, котораго шалунъ-мальчишка разрисовалъ бы желтыми и черными полосами, постыдится явиться среди другихъ котовъ въ такомъ комическомъ видѣ. Но люди начинаютъ съ того, что облекаютъ въ костюмъ шута тѣхъ, кого они якобы желаютъ подвергнуть курсу моральнаго леченія. Когда я былъ въ Ліонской тюрьмѣ, мнѣ часто приходилось наблюдать эффектъ, производимый на арестантовъ тюремной одеждой. Арестанты, въ большинствѣ рабочіе, бѣдно, но прилично одѣтые, проходили по двору, въ которомъ я совершалъ прогулку, направлялись въ цейхгаузъ, гдѣ они оставляли свою одежду и облекались въ арестантскую. Выходя изъ цейхгауза наряженными въ арестантскій костюмъ, покрытый заплатами изъ разноцвѣтныхъ тряпокъ, съ безобразной круглой шапкой на головѣ, они глубоко стыдились показаться предъ людьми въ такомъ гнусномъ одѣяніи. Во многихъ тюрьмахъ, особенно въ Англіи, арестантамъ даютъ одежду, сдѣланную изъ разноцвѣтныхъ кусковъ матеріи, болѣе напоминающую костюмъ средневѣковаго шута, чѣмъ одежду человѣка, котораго наши тюремные филантропы якобы пытаются исправить.

Таково первое впечатлѣніе арестанта, и въ теченіе всей своей жизни въ тюрьмѣ онъ будетъ подвергнутъ обращенію, которое проникнуто полнымъ презрѣніемъ къ человѣческимъ чувствамъ. Въ Дартмурской тюрьмѣ, напримѣръ, арестантовъ разсматриваютъ, какъ людей, не обладающихъ ни малѣйшей каплей стыдливости. Ихъ заставляютъ парадировать группами, совершенно обна-

женныхъ, передъ тюремнымъ начальствомъ и продѣлывать въ такомъ видѣ гимнастическія упражненія. „Направо кругомъ! Поднять обѣ руки! Поднять лѣвую ногу! Держать пятку лѣвой ноги въ правой рукѣ! и т. д. *).

Арестантъ перестаетъ быть человѣкомъ, въ которомъ допускается какое бы то ни было чувство самоуваженія. Онъ обращается въ вещь, въ номеръ такой-то, и съ нимъ обращаются какъ съ занумерованной вещью. Даже животное, подвергнутое цѣлые годы подобному обращенію, будетъ безповоротно испорчено; а, между тѣмъ, мы обращаемся такимъ образомъ съ человѣческими существами, которыя, нѣсколько лѣтъ спустя, должны будутъ обратиться въ полезныхъ членовъ общества. Если арестанту разрѣшаютъ прогулку, она не будетъ походить на прогулку другихъ людей. Его заставятъ маршировать въ рядахъ, причемъ надзиратель будетъ стоять въ серединѣ двора, громко выкрикивая: „Un-deusse, undeusse! arche-fer, arche-fer!“ Если арестантъ поддается одному изъ наиболѣе свойственныхъ человѣку желаній— подѣлиться съ другимъ человѣческимъ существомъ своими впечатлѣніями или мыслями, — онъ совершаетъ нарушеніе дисциплины. Немудрено, что самые кроткіе арестанты не могутъ удержаться отъ подобныхъ нарушеній. До входа въ тюрьму человѣкъ могъ чувствовать отвращеніе ко лжи и къ обману; здѣсь онъ проходитъ ихъ полный курсъ, пока ложь и обманъ не сдѣлаются его второй натурой.

Онъ можетъ обладать печальнымъ или веселымъ, хорошимъ или дурнымъ характеромъ, это—безразлично: ему не придется въ тюрьмѣ проявлять этихъ качествъ своего характера. Онъ — занумерованная вещь, которая должна двигаться, согласно установленнымъ правиламъ. Его могутъ душить слезы, но онъ долженъ сдерживать ихъ. Въ продолженіе всѣхъ годовъ каторги, его никогда не оставятъ одного; даже въ одиночествѣ его камеры глазъ надзирателя будетъ шпіонить за его движеніями, наблюдать за проявленіями его чувствъ, которыя онъ хотѣлъ бы скрыть, ибо они — человѣческія чувства, не

*) «Dartmoor», by late B. 24, въ «Daily News», 1886.

допускаемыя въ тюрьмѣ. Будетъ-ли это сожалѣніе къ товарищу по страданіямъ, любовь къ роднымъ, или желаніе подѣлиться своими скорбями съ кѣмъ-нибудь, помимо тѣхъ лицъ, которыя оффиціально предназначены для этой цѣли, будетъ ли это одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя дѣлаютъ человѣка лучше,—всѣ подобные „сантименты“ строго преслѣдуются той грубой силой, которая отрицаетъ въ арестантѣ право быть человѣкомъ. Арестантъ осуждается на чисто животную жизнь, и все человѣческое строго изгоняется изъ этой жизни. Арестантъ не *долженъ* быть человѣкомъ,—таковъ духъ тюремныхъ правилъ.

Онъ не долженъ обладать никакими человѣческими чувствами. И горе ему, если, на его несчастье, въ немъ пробудится чувство человѣческаго достоинства! Горе ему, если онъ возмутится, когда надзиратели выразятъ недовѣріе къ его словамъ; если онъ найдетъ унизительнымъ постоянное обыскиваніе его одежды, повторяемое нѣсколько разъ въ день; если онъ не пожелаетъ быть лицемѣромъ и посѣщать тюремную церковь, въ которой для него нѣтъ ничего привлекательнаго; если онъ словомъ, или даже тономъ голоса, выкажетъ презрѣніе къ надзирателю, занимающемуся торговлей табакомъ и такимъ образомъ вытягивающему у арестанта послѣдніе гроши; если чувство жалости къ болѣе слабому товарищу понудитъ его подѣлиться съ нимъ своей порціей хлѣба; если въ немъ остается достаточно человѣческаго достоинства, чтобы возмущаться незаслуженнымъ упрекомъ, незаслуженнымъ подозрѣніемъ, грубымъ задираніемъ; если онъ достаточно честенъ, чтобы возмущаться мелкими интригами и фаворитизмомъ надзирателей,—тогда тюрьма обратится для него въ настоящій адъ. Его задавятъ непосильной работой, или пошлютъ его гнить въ темномъ карцерѣ. Самое мелкое нарушеніе дисциплины, которое сойдетъ съ рукъ арестанту, заискивающему передъ надзирателемъ, дорого обойдется человѣку съ болѣе или менѣе независимымъ характеромъ: оно будетъ понято, какъ проявленіе непослушанія и вызоветъ суровое наказаніе. И каждое наказаніе будетъ вести къ новымъ и новымъ наказаніямъ. Путемъ мелкихъ пре-

слѣдованій человѣкъ будетъ доведенъ до безумія, и счастье, если ему удастся, наконецъ, выйти изъ тюрьмы, а не быть вынесеннымъ изъ нея въ гробу.

Нѣтъ ничего легче, какъ писать въ газетахъ о необходимости держать тюремныхъ надзирателей подъ строгимъ контролемъ, о необходимости назначать начальниками тюремъ самыхъ достойныхъ людей. Вообще нѣтъ ничего легче, какъ строить административныя утопіи! Но люди остаются людьми—будутъ ли это надзиратели или арестанты. А когда люди осуждены на всю жизнь поддерживать фальшивыя отношенія къ другимъ людямъ, они сами дѣлаются фальшивыми. Находясь сами до извѣстной степени на положеніи арестантовъ, надзиратели проявляютъ всѣ пороки рабовъ. Нигдѣ, за исключеніемъ развѣ монастырей, я не наблюдалъ такихъ проявленій мелкаго интригантства, какъ среди надзирателей и вообще тюремной администраціи въ Клэрво. Закупоренные въ узенькомъ міркѣ мелочныхъ интересовъ, тюремные чиновники скоро подпадаютъ подъ ихъ вліяніе. Сплетничество, слово, сказанное такимъ-то, жестъ, сдѣланный другимъ, — таково обычное содержаніе ихъ разговоровъ.

Люди остаются людьми, — и вы не можете облечь одного человѣка непререкаемой властью надъ другимъ, не испортивъ этого человѣка. Люди станутъ злоупотреблять этой властью и эти злоупотребленія будутъ тѣмъ болѣе безсовѣстны и тѣмъ болѣе чувствительны для тѣхъ, кому отъ нихъ приходится терпѣть, чѣмъ болѣе ограниченъ и узокъ мірокъ, въ которомъ они вращаются. Принужденные жить среди враждебно настроенныхъ къ нимъ арестантовъ, надзиратели не могутъ быть образцами доброты и человѣчности. Союзу арестантовъ противопоставляется союзъ надзирателей, и такъ какъ въ рукахъ надзирателей—сила, они злоупотребляютъ ею, какъ всѣ имѣющіе власть. Тюрьма оказываетъ свое пагубное вліяніе и на надзирателей, дѣлая ихъ мелочными, придирчивыми преслѣдователями арестантовъ. Поставьте Песталоцци на ихъ мѣсто (если только предположить, что Песталлоцци принялъ бы подобный постъ), и онъ скоро превратился бы въ типичнаго тюремнаго надзи-

рателя. И, когда я думаю объ этомъ и принимаю въ соображеніе всѣ обстоятельства, я склоненъ сказать, что все-таки люди—лучше учрежденій.

Злобное чувство противъ общества, бывшаго всегда мачихой для заключеннаго, постепенно растетъ въ немъ. Онъ пріучается ненавидѣть — отъ всего сердца ненавидѣть—всѣхъ этихъ „честныхъ“ людей, которые съ такой злобной энергіей убиваютъ въ немъ всѣ лучшія чувства. Арестантъ начинаетъ дѣлить міръ на двѣ части: къ одной изъ нихъ принадлежитъ онъ самъ и его товарищи, къ другой — директоръ тюрьмы, надзиратели, подрядчики. Чувство товарищества быстро растетъ среди всѣхъ обитателей тюрьмы, причемъ всѣ, не носящіе арестантской одежды, разсматриваются какъ враги арестантовъ. Всякій обманъ по отношенію къ этимъ врагамъ—дозволителенъ. Эти „враги“ глядятъ на арестанта, какъ на отверженнаго, и сами, въ свою очередь, дѣлаются отверженными въ глазахъ арестантовъ. И какъ только арестантъ освобождается изъ тюрьмы, онъ начинаетъ примѣнять тюремную мораль къ обществу. До входа въ тюрьму онъ могъ совершать проступки, не обдумывая ихъ. Тюремное образованіе научитъ его разсматривать общество, какъ врага; теперь онъ обладаетъ своеобразной философіей, которую Золя суммировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Quels gredins les honnêtes gens!“ („Какіе подлецы эти честные люди!“ *).

Тюрьма развиваетъ въ своихъ обитателяхъ не только ненависть къ обществу; она не только систематически убиваетъ въ нихъ всякое чувство самоуваженія, человѣческаго достоинства, состраданія и любви, развивая въ то же время противоположныя чувства,—она прививаетъ арестанту самые гнусные пороки. Хорошо извѣстно, въ какой ужасающей пропорціи растутъ преступленія, имѣющія характеръ нарушенія половой нравственности, какъ на континентѣ Европы, такъ и въ Англіи. Ростъ этого рода преступности объясняется многими причинами, но среди нихъ одной изъ главныхъ является — заразительное вліяніе тюремъ. Въ этомъ отношеніи зловредное вліяніе

*) См. Приложеніе D.

тюремъ на общество чувствуется съ особенной силой.

При этомъ я имѣю въ виду не только тѣ несчастныя созданія, о которыхъ я говорилъ выше,—мальчиковъ, которыхъ я видѣлъ въ Ліонской тюрьмѣ. Меня увѣряли, что днемъ и ночью вся атмосфера ихъ жизни насыщена тѣми же мыслями, и я глубоко убѣжденъ, что юристамъ, пишущимъ о ростѣ такъ называемыхъ „преступныхъ классовъ", слѣдовало бы заняться, прежде всего, такими разсадниками испорченности, какъ отдѣленіе для мальчиковъ въ Сенъ-Польской тюрьмѣ, а вовсе не законами наслѣдственности. Но то же самое можно сказать и относительно тюремъ, въ которыхъ содержатся взрослые. Факты, которые сдѣлались намъ извѣстны во время нашего пребыванія въ Клэрво, превосходятъ все, что можетъ себѣ представить самое распущенное воображеніе. Нужно, чтобы человѣкъ пробылъ долгіе годы въ тюрьмѣ, внѣ всякихъ облагораживающихъ вліяній, предоставленный своему собственному воображенію и работѣ воображенія всѣхъ своихъ товарищей, тогда только можетъ онъ дойти до того невѣроятнаго умственнаго состоянія, какое приходится наблюдать у нѣкоторыхъ арестантовъ. И я думаю, что всѣ интеллигентные и правдивые директоры тюремъ будутъ на моей сторонѣ, если я скажу что *тюрьмы* являются истинными разсадниками наиболѣе отвратительныхъ видовъ преступленій противъ половой нравственности *).

Я не могу входить въ детали по этому предмету, къ которому слишкомъ поверхностно отнеслись недавно въ извѣстнаго рода литературѣ. Я только замѣчу, что тѣ, кто воображаетъ, что помѣхою и уздою можетъ послужить полное раздѣленіе арестантовъ и *одиночное заключеніе*, впадаютъ въ очень большую ошибку. Извращенность воображенія является дѣйствительной причиной всѣхъ явленій этого порядка, и заключеніе въ одиночной камерѣ служитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы дать воображенію болѣзненное направленіе. Какъ

*) Нѣкоторыя замѣчанія М. Дэвитта въ его «Leaves froma Prison Diary» показываютъ, что не лучше дѣло обстоитъ въ этомъ отношеніи и въ англійскихъ тюрьмахъ.

далеко можетъ доработаться воображеніе въ этомъ направленіи, едва ли даже извѣстно главнымъ спеціалистамъ по душевнымъ болѣзнямъ: для этого необходимо пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночкахъ и пользоваться полнымъ довѣріемъ арестантовъ, сосѣдей по камерѣ, какъ это было съ однимъ изъ нашихъ товарищей.

Вообще, одиночное заключеніе, имѣющее теперь столькихъ сторонниковъ, если бы оно было введено повсемѣстно, было бы безполезнымъ мучительствомъ и повело бы только къ еще большему ослабленію тѣлесной и умственной энергіи арестантовъ. Опытъ всей Европы и громадная пропорція случаевъ умственнаго разстройства, наблюдаемая вездѣ, среди арестантовъ содержимыхъ въ одиночномъ заключеніи болѣе или менѣе продолжительное время, ясно доказываетъ справедливость сказаннаго и остается только удивляться тому, какъ мало люди интересуются указаніями опыта. Для человѣка, занятаго дѣломъ, которое доставляетъ ему нѣкоторое удовольствіе, и умъ котораго самъ по себѣ служитъ богатымъ источникомъ впечатлѣній; для человѣка, который не тревожится о томъ, что происходитъ за стѣнами тюрьмы, котораго семейная жизнь счастлива, котораго не тревожатъ мысли, являющіяся источникомъ постояннаго умственнаго страданія,—для такого человѣка отлученіе отъ общества людей можетъ не имѣть фатальнаго исхода, если оно продолжается всего нѣсколько мѣсяцевъ. Это для людей, которые не могутъ жить въ обществѣ однѣхъ собственныхъ мыслей и особенно для тѣхъ, сношенія которыхъ съ внѣшнимъ міромъ не отличаются особенной гладкостью и которые вслѣдствіе этого постоянно обуреваемы мрачными мыслями,—даже нѣсколько мѣсяцевъ одиночнаго заключенія являются чрезвычайно опаснымъ испытаніемъ.

ГЛАВА X.

Нужны ли тюрьмы?

Если мы примемъ во вниманіе всѣ вліянія, бѣгло указанныя въ предыдущей главѣ, то придется признать, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности и всѣ они взятыя

въ совокупности, дѣйствуютъ въ направленіи, дѣлающемъ людей, отбывшихъ нѣсколько лѣтъ тюремнаго заключенія, все менѣе и менѣе пригодными для жизни въ обществѣ. Съ другой стороны, ни одно,—буквально ни одно—изъ вышеуказанныхъ вліяній не ведетъ къ росту интеллектуальныхъ и нравственныхъ качествъ, не возвышаетъ человѣка до болѣе идеальнаго пониманія жизни и ея обязанностей, не дѣлаетъ его лучшимъ, болѣе человѣчнымъ, по сравненію съ тѣмъ,чѣмъ онъ былъ до входа въ тюрьму.

Тюрьмы не улучшаютъ нравственности своихъ обитателей; онѣ не предотвращаютъ дальнѣйшихъ преступленій. И невольно возникаетъ вопросъ: что намъ дѣлать съ тѣми, кто нарушаетъ не только писанный законъ,— это печальное наслѣдіе печальнаго прошлаго, — но которые нарушаютъ принципы нравственности, написанныя въ сердцѣ каждаго человѣка? Этотъ вопросъ занимаетъ теперь лучшіе умы нашего вѣка.

Было время, когда все искусство медицины сводилось на прописываніе нѣкоторыхъ, эмпирическимъ путемъ открытыхъ, лекарствъ. Больные, попавшіе въ руки врача, могли быть отравлены этими лекарствами, или могли выздоровѣть, вопреки имъ; но докторъ всегда могъ сослаться на то, что онъ дѣлалъ, какъ всѣ другіе врачи: онъ не могъ перерасти своихъ современниковъ.

Но наше столѣтіе, смѣло поднявшее массу вопросовъ, едва намѣченныхъ въ предыдущіе вѣка, отнеслось къ медицинѣ инымъ образомъ. Не ограничиваясь однимъ леченіемъ болѣзней, современная медицина стремится предотвратить ихъ, и мы знаемъ, какой громадный прогрессъ достигнутъ въ этомъ отношеніи, благодаря современному взгляду на причины болѣзней. Гигіена является самой успѣшной областью медицины.

Таково же должно быть отношеніе къ тому великому соціальному явленію, которое теперь именуется „Преступностью“, но которое наши дѣти будутъ называть „Соціальною Болѣзнью“. Предупрежденіе болѣзней—лучшій изъ способовъ леченія,—къ такому заключенію пришла цѣлая молодая школа писателей, растущая съ каждымъ днемъ, особенно въ Италіи и пред-

ставителями этой школы являются: Полетти [1]), Ферри [2]), Коладжанни [3]) и, до извѣстной степени Ломброзо; къ къ нимъ же должна быть причислена великая школа психологовъ, во главѣ которыхъ стоятъ Гризингеръ [4]), Крафтъ-Эббингъ[5]), Дэпинъ—на континентѣ и Маудсли[7])—въ Англіи; соціологи, въ родѣ Кэтле и его, къ несчастью, малочисленныхъ послѣдователей; наконецъ современная школа психологіи въ ея отношеніи къ индивидууму и соціальныхъ реформаторовъ, разсматривающихъ общество. Въ ихъ трудахъ мы находимъ уже готовые элементы, изъ которыхъ должно создаться новое отношеніе къ тѣмъ несчастнымъ, которыхъ мы теперь вѣшаемъ, обезглавливаемъ или посылаемъ въ тюрьмы.

Три великія первопричины ведутъ къ тому, что называютъ преступленіемъ: соціальныя причины, антропологическія и космическія.

Вліяніе послѣдней изъ этихъ причинъ до настоящаго времени еще недостаточно обслѣдовано, хотя его нельзя отрицать. Кетле (Quetelet) давно уже доказалъ ея значеніе. Изъ годовыхъ отчетовъ англійскаго Генералъ-Почтмейстера намъ извѣстно, напримѣръ, что количество писемъ, въ которыя вложены денежные знаки и которыя опущены въ почтовые ящики Англіи безъ адреса, изъ года въ годъ остается почти неизмѣннымъ. Если такой капризный элементъ нашей жизни, какъ разсѣянность по отношенію къ одному, извѣстнаго рода предмету,

---

[1]) *Il Delinquente*; Udine, 1875.

[2]) *Nuovi orizzonti del Diritto e della Procedure penale; Socialismo e Criminalità*,—и нѣсколько другихъ работъ.

[3]) *L'Alcoolismo, sue consequenze marali e sua cause.* Catania, 1887. Эту работу я особенно рекомендую вниманію тѣхъ писателей объ алкоголизмѣ, которые такъ часто смѣшиваютъ слѣдствія съ причинами.

[4]) *Gesammelle Abhandlungen.* Berlin, 1882. *Pathologie der Psychischen Krankheiten.*

[5]) *Zweifelhafte Geistzustände*, Erlangen, 1873; *Grundzüge der Criminal-Psychologie*, 1872; *Lehrbuch der gerichtlichen Psychopatie.* Stuttgart. 1875.

[6]) *Psychologie Naturelle*, Paris, 1868; *Congrès Pénitentiaire de Stockholm en 1878.* vol. II.

[7]) *Insanity with Relation to Crime*, London, 1880.

подчиненъ законамъ, почти столь же строгимъ, какъ тѣ, которые управляютъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ, то тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ правонарушеніямъ. Мы съ большою точностью можемъ предсказать за годъ впередъ количество убійствъ, которыя будутъ совершены въ каждой изъ странъ Европы; и если мы примемъ во вниманіе нѣкоторыя побочныя вліянія, могущія увеличить или уменьшить число убійствъ въ теченіе слѣдующаго года, то цифра нашего предсказанія будетъ отличаться еще больше аккуратностью.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ англійскомъ журналѣ „Nature“, былъ помѣщенъ статистическій очеркъ о количествѣ буйствъ и убійствъ, совершенныхъ въ Индіи, въ связи съ температурой и влажностью воздуха. Всякому извѣстно, что излишняя теплота и влажность воздуха дѣлаютъ людей болѣе нервными, чѣмъ когда температура умѣренна и дуетъ сухой вѣтеръ. Въ Индіи,— гдѣ температура иногда достигаетъ чрезвычайной высоты, а воздухъ въ то же самое время отличается необычайной влажностью,—разслабляющее вліяніе атмосферы, конечно, чувствуется въ значительно большей степени, чѣмъ въ нашихъ широтахъ. Вслѣдствіе этого С. А. Гиллъ, изъ цифровыхъ данныхъ, охватывающихъ нѣсколько лѣтъ, вывелъ формулу, которая позволяетъ вамъ, если вы знаете среднюю температуру и степень атмосферической влажности каждаго мѣсяца, предсказать съ удивительнымъ приближеніемъ къ дѣйствительнымъ цыфрамъ количество самоубійствъ и кровавыхъ насилій, которыя будутъ зарегистрованы въ теченіи разсматриваемаго мѣсяца *). Подобныя вычисленія мо-

*) S. A. Hill: «The Effects ot the Weather upon the Death-Rate and Crime in India», *Nature*, vol. 29, 1884, стр. 338 Формула, выработанная Гиллемъ, показываетъ, что количество самоубійствъ и актовъ насилія, совершаемыхъ каждый мѣсяцъ, равняется *избытку* средней цыфры ежемѣсячной температуры недъ 48° Фаренгей, помноженному на 7.2; *плюсъ* цыфра средней мѣсячной влажности, помноженная на 2. Авторъ прибавляетъ: «Преступленія насильственнаго характера въ Индіи. можно сказать, пропорціональны въ своемъ количествѣ тенденціи къ «колючему жару», этому мучительнѣйшему состоянію кожи, вызываемому высокой температурой въ соединеніи съ влажностью. Всякому, кому приходилось страдать отъ этой бо-

гутъ, конечно, показаться очень странными людямъ, непривыкшимъ разсматривать психическія явленія въ зависимости отъ ихъ физическихъ причинъ; но факты указываютъ на эту зависимость съ такой ясностью, что не остается мѣста для сомнѣній. И люди, которымъ пришлось испытать вліяніе тропическаго жара въ соединеніи съ тропической влажностью на ихъ нервную систему, не будутъ удивляться, что именно въ подобные дни индусы склонны хвататься за ножъ для разрѣшенія споровъ, и что люди, разочаровавшіеся въ благахъ жизни, въ такіе дни охотнѣе рѣшаются на самоубійство *).

Вліяніе космическихъ причинъ на наши дѣйствія еще не было подвергнуто всестороннему анализу; тѣмъ не менѣе, нѣкоторые факты твердо установлены. Извѣстно, напр., что покушенія противъ личности (насиліе, убійство и т. д.) возрастаютъ въ теченіи лѣта, а зимою достигаютъ максимума покушенія, направленныя противъ собственности. Разсматривая кривыя, вырисованныя проф. Э. Ферри **), и глядя одновременно на кривыя температуры и кривыя, указывающія количество покушеній противъ личности, глубоко поражаешься ихъ подобіемъ: онѣ иногда до того сходны, что трудно бываетъ различить одну отъ другой. Къ сожалѣнію изслѣдованіями подобнаго рода не занимаются съ той энергіей, какой они заслуживаютъ, вслѣдствіе чего лишь немногія изъ космическихъ причинъ анализированы въ связи съ ихъ вліяніемъ на человѣческіе поступки.

Необходимо, впрочемъ, признать, что изслѣдованія этого рода сопряжены со многими затрудненіями, въ виду того, что большинство космическихъ причинъ оказываетъ вліяніе лишь косвеннымъ путемъ; такъ, на-

---

лѣзни, легко будетъ понять, почему причины, вызывающія это страданіе, могутъ иногда повести къ убійствамъ и другимъ преступленіямъ». При холодной погодѣ получится обратное вліяніе.

*) См. также Mayr, «Gesetzmässigkeit in Gesellschaftsleben», E. Ferri въ *Archivis di Psychiatria*, fasc. 2; «La teoria dell'imputabilatà e la Negazione del libero Arbitrio», Bologna, 1881, и мн. др.

**) Das Verbrechen in seiner Abgängigkeit von temperatur, Berlin, 1882; а также: Colojanni, «Oscillations termométriques et délits contre les personnes», въ *Bibl. d'Anthropologie Criminelle*, Lyon, 1886.

примѣръ, когда мы наблюдаемъ, что количество правонарушеній колеблется, сообразно урожаю зерновыхъ хлѣбовъ или винограда, вліяніе космическихъ агентовъ проявляется лишь чрезъ посредство цѣлаго ряда вліяній соціальнаго характера. Все же никто не станетъ отрицать, что при хорошей погодѣ, обильномъ урожаѣ и вытекающемъ изъ нихъ хорошемъ расположеніи духа жителей деревни, послѣдніе менѣе наклонны къ разрѣшенію своихъ мелкихъ ссоръ путемъ насилія, чѣмъ во время бурной или мрачной погоды, когда, въ придачу ко всему этому, испорченные посѣвы тоже вызываютъ общее недовольство. Я думаю. что женщины, имѣющія постоянную возможность наблюдать за хорошимъ и дурнымъ расположеніемъ духа ихъ мужей, могли бы сообщить много интереснаго о вліяніи погоды на семейное благополучіе.

Такъ-называемыя „антропологическія причины", на которыя въ послѣдніе годы было обращено много вниманія, несомнѣнно играютъ еще болѣе важную роль, чѣмъ причины космическія. Вліяніе унаслѣдованныхъ качествъ и тѣлесной организаціи на склонность къ преступленію иллюстрировано за послѣднее время столь многими интересными изслѣдованіями, что мы можемъ составить почти вполнѣ обоснованное сужденіе относительно этой категоріи причинъ, приводящихъ людей къ дверямъ нашихъ судовъ. Конечно, мы не можемъ вполнѣ согласиться съ тѣми заключеніями, къ которымъ пришелъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой школы, д-ръ Ломброзо *), особенно въ одной изъ его послѣднихъ работъ **). Когда онъ указываетъ, что многіе обитатели нашихъ тюремъ страдаютъ недостатками мозговой организаціи, мы должны признать этотъ фактъ. Мы готовы даже допустить—если это дѣйствительно доказано, что большинство преступниковъ и арестантовъ обладаютъ болѣе длинными руками, чѣмъ люди, находящіеся на свободѣ. Опять-таки, когда Ломброзо указываетъ намъ, что самыя звѣрскія убійства были совершены

*) L'Homo delinquente, 3-е изд., Torino, 1884.
**) Sull incremento del delitto, Roma, 1879.

людьми, страдавшими отъ серьезныхъ дефектовъ тѣлесной организаціи, мы можемъ лишь преклониться предъ этимъ утвержденіемъ и признать его точность. Но подобныя утвержденія остаются лишь заявленіемъ факта,— не болѣе того. А потому мы не можемъ слѣдовать за г. Ломброзо, когда онъ дѣлаетъ черезчуръ широкіе выводы изъ этихъ и подобныхъ имъ фактовъ и когда онъ высказываетъ мысль, что общество имѣетъ право принимать, какія ему заблагоразсудится, мѣры по отношенію къ людямъ, страдающимъ подобными недостатками тѣлесной организаціи. Мы не можемъ признать за обществомъ права истреблять всѣхъ людей, обладающихъ несовершенной структурой мозга и еще менѣе того— сажать въ тюрьмы всѣхъ, имѣвшихъ несчастье родиться съ черезчуръ длинными руками. Мы можемъ признать, что большинство виновниковъ звѣрскихъ дѣяній, отъ времени до времени, вызывающихъ общественное негодованіе, недалеко ушли отъ идіотовъ по степени своего умственнаго развитія. Такъ, напр., голова нѣкоего жестокаго убійцы, Фрея, рисунокъ котораго обошелъ всю прессу въ 1886-мъ году, можетъ считаться подтверждающимъ фактомъ. Но, точно также какъ *не всѣ* въ Индіи берутся за ножъ въ жаркую погоду, точно также *не всѣ* идіоты и еще менѣе того, *не всѣ слабоумные* мужчины и женщины дѣлаются убійцами; такъ что самому ярому криминалисту антропологической школы придется отказаться отъ мысли всеобщаго истребленія идіотовъ, если только онъ припомнитъ, сколько изъ нихъ находится на свободѣ (нѣкоторые — подъ надзоромъ, а многіе— даже имѣя здоровыхъ людей подъ своимъ надзоромъ); а, между тѣмъ, вся разница между этими несчастными и тѣми, которыхъ отдали въ руки палача, является, въ сущности, лишь разницей обстоятельствъ, при которыхъ они были рождены и выросли. Развѣ во многихъ, въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ „респектабельныхъ“ семьяхъ, а также во дворцахъ, не говоря уже объ убѣжищахъ для умалишенныхъ, мы не находимъ людей, страдающихъ такими недостатками мозговой организаціи, которые д-ръ Ломброзо считаетъ характерными, какъ показателей „преступнаго безумія“? Болѣзни мозга *могутъ*

содѣйствовать росту преступныхъ наклонностей; но при другихъ условіяхъ, такого содѣйствія можетъ и не оказаться. Здравый смыслъ и доброе сердце Чарльза Диккенса помогли ему прекрасно понять эту простую истину и воплотить ее въ образѣ мистера Дика.

Итакъ, мы не можемъ согласиться со всѣми выводами д-ра Ломброзо, а тѣмъ менѣе—его послѣдователей; но мы должны быть благодарны итальянскому писателю за то, что онъ посвятилъ свое вниманіе медицинской сторонѣ вопроса и популяризировалъ такого рода изысканія. Теперь всякій непредубѣжденный человѣкъ можетъ вывести изъ многоразличныхъ и чрезвычайно интересныхъ наблюденій д-ра Ломброзо единственное заключеніе, а именно, что большинство тѣхъ, кого мы осуждаемъ въ качествѣ преступниковъ,—люди страдающіе какими-либо болѣзнями или несовершенствами организма, и что, слѣдовательно, ихъ необходимо лечить, *а не усиливать ихъ бользненное состояніе путемъ тюремнаго заключенія.*

Изслѣдованія Маудсли о связи безумія съ преступленіемъ хорошо извѣстны въ Англіи *). Читая внимательно его работы, нельзя не вынести впечатлѣнія, что большинство обитателей нашихъ тюремъ, осужденныхъ за насильственныя дѣйствія, — люди, страдающіе какими-нибудь болѣзнями мозга. Мало того, „идеальный сумасшедшій“, созданный въ воображеніи законниковъ, котораго они готовы признать неотвѣтственнымъ за его поступки, является такой же рѣдкостью, какъ и „идеальный преступникъ“, котораго законъ стремится наказать. Несомнѣнно имѣется, какъ говоритъ Маудсли,— широкая „промежуточная область между преступленіемъ и безуміемъ, причемъ на одной границѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторое проявленіе безумія, но еще болѣе того—проявленіе порочности, вѣрнѣе было бы сказать: „сознательнаго желанія причинить какое-нибудь зло“); вблизи же другой границы мы встрѣчаемъ, наоборотъ, меньшее проявленіе порочности и большее—безумія“. Но, при-

*) «Responsibility in Mental Discase», London, 1872; Body and Will», London, 1883.

бавляетъ онъ, „справедливое опредѣленіе нравственной отвѣтственности несчастныхъ людей, обитающихъ въ этой промежуточной полосѣ“, никогда не будетъ достигнуто, пока мы не отдѣлаемся отъ ложныхъ представленій о „порокѣ“ и „злой волѣ“ *).

Къ несчастью, до сихъ поръ наши карательныя учрежденія являются лишь компромиссомъ между старыми идеями *мести, наказанія* „злой воли“ и „порока“, и болѣе новыми идеями *устрашенія*, и причемъ обѣ лишь въ незначительной степени смягчаются филантропическими тенденціями. Но мы надѣемся, что недалеко уже то время, когда благородныя воззрѣнія, воодушевлявшія Гризингера, Крафтъ-Эббинга, Дэпина и нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ криминалистовъ, войдутъ въ сознаніе общества; и мы тогда будемъ стыдиться, вспоминая, какъ долго мы отдавали людей, которыхъ мы называли „преступниками“, въ руки палачей и тюремщиковъ. Если бы добросовѣстные и обширные труды вышеуказанныхъ писателей пользовались болѣе широкой извѣстностью, мы всѣ давно бы поняли, что большинство людей, которыхъ мы теперь держимъ въ тюрьмахъ или приговариваемъ къ смертной казни, нуждаются, вмѣсто наказанія, въ самомъ бережномъ,

*) Maudsley's «Responsibility.»; на стр. 27 Маудсли говоритъ: «Хотя къ преступнику можно относиться съ состраданіемъ, тѣмъ не менѣе необходимо лишить его возможности совершать дальнѣйшее зло; общество имѣетъ полное право настаивать на этомъ; и хоть къ нему можно относиться съ заботливостью, но дѣйствительной добротой и заботливостью по отношенію, какъ къ нему самому, такъ равно и къ другимъ, будетъ—*подвергнуть такого рода дисциплинѣ, которая сможетъ, если возможно, привести его въ здравое состояніе, пусть это будетъ даже каторжная работа, если только она ему по силамъ*». Не говоря ничего о «правѣ» общества налагать на кого-либо каторжный трудъ, въ каковомъ правѣ можно сильно сомнѣваться, ибо самъ-же Маудсли признаетъ, что общество «само фабрикуетъ преступниковъ»,—мы можемъ лишь высказать удивленіе, что человѣкъ такого яснаго ума допустилъ, хотя бы на мгновеніе, *что тюремное заключеніе съ каторжной работой можетъ явиться наилучшимъ средствомъ, чтобы привести чей-либо разумъ въ здравое состояніе*. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ противорѣчій, какими полна англійская жизнь и англійская литература, гдѣ геніальный талантъ уживается съ самымъ узкимъ филистерствомъ.

братскомъ отношеніи къ нимъ. Я, конечно, не думаю предложить замѣну тюремъ пріютами для умалишенныхъ; самая мысль объ этомъ была бы глубоко возмутительна. Пріюты для умалишенныхъ, въ сущности,—тѣ же тюрьмы; а тѣ, которыхъ мы держимъ въ тюрьмахъ,—вовсе не умалишенные; они даже не всегда являются обитателями той границы „промежуточной области", на которой человѣкъ теряетъ контроль надъ своими дѣйствіями. Я такъ же далекъ отъ идеи, которая пропагандируется нѣкоторыми—отдать тюрьмы въ вѣдѣніе педагоговъ и медиковъ. Большинство людей, посылаемыхъ теперь въ тюрьмы, нуждаются лишь въ братской помощи со стороны тѣхъ, кто окружаетъ ихъ; они нуждаются въ помощи для развитія высшихъ инстинктовъ человѣческой природы, ростъ которыхъ былъ задушенъ или пріостановленъ болѣзненнымъ состояніемъ организма (анеміей мозга, болѣзнью сердца, печени, желудка и т. д.) или, еще чаще,—позорными условіями, при которыхъ выростаютъ сотни тысячъ дѣтей и при которыхъ живутъ милліоны взрослыхъ въ такъ называемыхъ центрахъ цивилизаціи. Но эти высшія качества человѣческой природы не могутъ развиваться и быть упражняемы, когда человѣкъ лишенъ свободы, и, стало быть, лишенъ возможности свободнаго контроля надъ своими поступками; когда онъ уединенъ отъ многоразличныхъ вліяній человѣческаго общества. Попробуйте внимательно проанализировать любое нарушеніе неписаннаго моральнаго закона, и вы всегда найдете, какъ сказалъ добрый старикъ Гризингеръ, что это нарушеніе нельзя объяснить *внезапнымъ* импульсомъ: „оно"—говоритъ онъ, „является результатомъ эффектовъ, которые за многіе годы глубоко дѣйствовали на человѣка" *). Возьмемъ, для примѣра, человѣка, совершившаго какой-нибудь актъ насилія. Слѣпые судьи нашего времени, безъ дальнѣйшихъ размышленій, посылаютъ его въ тюрьму. Но человѣкъ, не отравленный изученіемъ римской юриспруденціи, а стремящійся анализировать прежде, чѣмъ выносить приговоръ, скажетъ нѣчто другое. Вмѣстѣ съ Гризингеромъ

*) Vierteljahrsschriff für gerichtliche und öffeutliche Medicin, 1867.

онъ замѣтитъ, что въ данномъ случаѣ,—если обвиняемый не могъ подавить своихъ чувствъ, и далъ имъ выходъ въ актѣ насилія, то подготовленіе этого акта относится къ болѣе раннему періоду его жизни. Прежде, чѣмъ совершить этотъ актъ, обвиняемый, можетъ быть, въ теченіе всей своей предыдущей жизни, проявлялъ уже ненормальную дѣятельность ума путемъ шумнаго выраженія своихъ чувствъ, заводя крикливыя ссоры по поводу самыхъ пустячныхъ причинъ, или оскорбляя, по малѣйшему поводу, близкихъ ему людей; при чемъ, къ несчастью, не нашлось никого, кто бы уже съ дѣтства постарался дать лучшее направленіе его нервной впечатлительности. Корни причинъ насильственнаго акта, приведшаго обвиняемаго на скамью подсудимыхъ, должно отыскивать такимъ образомъ, въ прошломъ, за многіе годы тому назадъ. А если мы пожелаемъ сдѣлать нашъ анализъ еще болѣе глубокимъ, мы откроемъ, что такое болѣзненное состояніе ума обвиняемаго является слѣдствіемъ какой-нибудь физической болѣзни, унаслѣдованной или развившейся, вслѣдствіе ненормальныхъ условій жизни,—болѣзни сердца, мозга, или пищеварительной системы. Въ теченіе многихъ лѣтъ эти причины оказывали вліяніе на обвиняемаго, и результатомъ ихъ совокупнаго дѣйствія явился наконецъ насильственный актъ, съ которымъ и имѣетъ дѣло бездушный законъ.

Болѣе того, если мы проанализируемъ самихъ себя, если мы открыто признаемся въ тѣхъ мысляхъ, которыя иногда мелькаютъ въ нашемъ мозгу, то мы увидимъ, что всякій изъ насъ имѣетъ задатки тѣхъ самыхъ мыслей и чувствъ (иногда едва уловимыхъ), которыя становятся причинами актовъ, разсматриваемыхъ, какъ преступные. Правда, мы тотчасъ же стремились отогнать подобныя мысли; но если бы онѣ встрѣтили благопріятную почву для проявленія снова и снова; если бы обстоятельства благопріятствовали имъ, вслѣдствіе подавленія болѣе благородныхъ страстей: любви, состраданія и всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыя являются результатомъ сердечнаго отношенія къ радостямъ и скорбямъ людей, среди которыхъ мы живемъ,—тогда эти мимолетныя мысли, которыя мы едва замѣчаемъ при нормальныхъ условіяхъ,

могли бы вырости въ нѣчто постоянное и явиться болѣзненнымъ элементомъ нашего характера.

Этому мы должны учить нашихъ дѣтей съ самаго ранняго дѣтства, вмѣсто того, чтобы набивать ихъ умъ, съ ранняго дѣтства, идеями о „справедливости", выражаемой въ формѣ мести, наказанія, суда. Если бы мы иначе воспитывали дѣтей, то намъ не пришлось бы краснѣть отъ стыда при мысли, что мы нанимаемъ убійцъ для выполненія нашихъ приговоровъ и платимъ тюремнымъ надзирателямъ за выполненіе такой службы, къ которой ни одинъ образованный человѣкъ не захочетъ приготовлять своихъ собственныхъ дѣтей. А разъ эту службу мы сами считаемъ позорной, то какая же можетъ быть и рѣчь объ ея, якобы морализующемъ характерѣ!

Не тюрьмы, а братскія усилія для подавленія развивающихся въ нѣкоторыхъ изъ насъ противу-общественныхъ чувствъ,—таковы единственныя средства, которыя мы въ правѣ употреблять и можемъ прилагать съ нѣкоторымъ успѣхомъ къ тѣмъ, въ которыхъ эти чувства развились вслѣдствіе тѣлесныхъ болѣзней или общественныхъ вліяній. И не слѣдуетъ думать, чтобы подобное отношеніе къ преступнику являлось утопіей. Воображать, что наказаніе способно остановить ростъ противу-общественныхъ наклонностей, это—утопія, и притомъ еще подленькая утопія, выросшая изъ глубоко-эгоистическаго чувства: „оставьте меня въ покоѣ, и пусть все въ мірѣ идетъ по-прежнему".

Многія изъ противу-общественныхъ чувствъ, говоритъ д-ръ Брюсъ Томпсонъ*), да и многіе другіе,—унаслѣдованы нами, и факты вполнѣ подтверждаютъ такой взглядъ.—Но что именно можетъ быть унаслѣдовано? Воображаемая „шишка преступности"? или же что-нибудь другое?—Унаслѣдованы бываютъ: недостаточный самоконтроль, отсутствіе твердой воли, желаніе риска, жажда возбужденія**), несоразмѣрное тщеславіе. Тщеславіе, на-

*) *Journal of Mental Science*, January, 1870, стр. 488 sq.

**) Важность этого фактора, на который указывалъ уже Эд. Дю-Кэнъ, доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ-называемый «преступный возрастъ», это—возрастъ между 25 и 34 годами. По минованіи этого возраста, стремленіе къ спокойной жизни

примѣръ, въ соединеніи съ стремленіемъ къ рискованнымъ поступкамъ и возбужденію, является одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ у людей, населяющихъ наши тюрьмы. Но мы знаемъ, что тщеславіе находитъ много областей для своего проявленія. Оно можетъ дать маніака, въ родѣ Наполеона I или Тропмана; но оно же вдохновляетъ, при другихъ обстоятельствахъ,—особенно если оно возбуждается и управляется здоровымъ разсудкомъ,—людей, которые прорываютъ туннели и прорѣзываютъ перешейки, изслѣдуютъ арктическія моря, или посвящаютъ всю свою энергію проведенію въ жизнь какого-либо великаго плана, который они считаютъ благодѣтельнымъ для человѣчества. Кромѣ того, развитіе тщеславія можетъ быть пріостановлено или даже вполнѣ парализовано параллельнымъ развитіемъ ума. Тоже относится и къ другимъ, названнымъ сейчасъ, способностямъ. Если человѣкъ унаслѣдовалъ отсутствіе твердой воли, то мы знаемъ также, что эта черта характера можетъ повести къ самымъ разнообразнымъ послѣдствіямъ, сообразно условіямъ жизни. Развѣ мало нашихъ самыхъ милыхъ знакомыхъ страдаютъ именно этимъ недостаткомъ? И развѣ онъ является достаточной причиной для заключенія ихъ въ тюрьму?

Человѣчество рѣдко пыталось обращаться съ провинившимися людьми, какъ съ человѣческими существами; но всякій разъ, когда оно дѣлало попытки подобнаго рода, оно было вознаграждаемо за свою смѣлость. Въ Клэрво меня иногда поражала доброта, съ какой относились къ больнымъ арестантамъ нѣкоторые служители въ госпиталѣ. А докторъ Кэмпбелль, который имѣлъ гораздо болѣе обширное поле наблюденія въ этой области, пробывши тридцать лѣтъ тюремнымъ врачемъ, говоритъ слѣдующее: „Обращаясь съ больными арестантами

чрезвычайно уменьшаетъ число преступленій. Предложеніе Дю-Кэна («люди, каррьера которыхъ свидѣтельствуетъ о преступныхъ наклонностяхъ, должны быть подвергнуты заключенію или быть отданы подъ надзоръ, пока они не достигнутъ—приблизительно—сорокалѣтняго возраста») является типичнымъ образчикомъ той особливой логики, которая развивается у людей, бывшихъ нѣкоторое время директорами тюремъ.

съ деликатностью,—какъ будто съ дамами, принадлежащими къ высшему обществу, (я цитирую его слова буквально), я получалъ то, что въ госпиталѣ господствовалъ величайшій порядокъ". Кэмпбелль былъ пораженъ „достойною высокой похвалы чертой характера арестантовъ, которая наблюдается даже у самыхъ грубыхъ преступниковъ,—а именно, тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ они относятся къ больнымъ". „Самые закоренѣлые преступники", говоритъ Кэмпбелль, „не лишены этого чувства". И онъ прибавляетъ далѣе: „хотя многіе изъ этихъ людей, вслѣдствіе прежней безразсудной жизни и преступныхъ привычекъ, считаются закоренѣлыми и нравственно отупѣвшими, тѣмъ не менѣе они обладаютъ очень острымъ сознаніемъ справедливаго и несправедливаго". Всѣ честные люди, которымъ приходилось сталкиваться съ арестантами, могутъ лишь подтвердить слова д-ра Кэмпбелля.

Въ чемъ же лежитъ секретъ этой черты характера арестантовъ, которая должна особенно поражать людей, привыкшихъ считать арестантовъ существами, недалеко отошедшими отъ дикихъ звѣрей? *Служители въ тюремныхъ госпиталяхъ имѣютъ возможность проявлять присущія людямъ добрыя чувства, и упражняютъ ихъ.* Они имѣютъ возможность проявить чувство сожалѣнія, и этимъ чувствомъ окрашивались ихъ поступки. Кромѣ того, они пользовались въ госпиталѣ большей свободой, чѣмъ другіе арестанты, а тѣ изъ нихъ, о которыхъ говоритъ д-ръ Кэмпбелль, были еще подъ непосредственнымъ моральнымъ вліяніемъ доктора,—т.-е. такого добраго и умнаго человѣка, какъ Кэмпбелль, а не какого-нибудь грубаго отставного унтеръ-офицера.

Короче говоря, антропологическія причины, т.-е. недостатки организаціи—одна изъ главныхъ причинъ, толкающихъ людей въ тюрьму; но собственно говоря, ихъ нельзя называть „причинами преступности". Тѣ же самые антропологическіе недостатки встрѣчаются у милліоновъ людей, принадлежащихъ къ современному психопатическому поколѣнію; но они ведутъ къ противу-общественнымъ поступкамъ лишь при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Что же касается до тюремъ, то онѣ

не излѣчиваютъ этихъ патологическихъ недостатковъ: онѣ лишь усиливаютъ ихъ; и когда человѣкъ выходитъ изъ тюрьмы, испытавъ на себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ея развращающее вліяніе, онъ несравненно менѣе пригоденъ къ жизни въ обществѣ, чѣмъ былъ до заключенія въ тюрьму. Если общество желаетъ предотвратить съ его стороны совершеніе новыхъ противу-общественныхъ поступковъ, то достигнуть этого возможно, лишь передѣлывая то, что сдѣлала тюрьма, т.-е. сглаживая всѣ тѣ черты, которыя тюрьма врѣзываетъ въ каждаго, имѣвшаго несчастье попасть за ея стѣны. Нѣкоторымъ друзьямъ человѣчества удается достигнуть этого въ отдѣльныхъ случаяхъ, но въ большинствѣ случаевъ подобнаго рода усилія не приводятъ ни къ чему.

Необходимо сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ криминалисты разсматриваютъ, какъ врожденныхъ убійцъ и которыхъ во многихъ странахъ, руководящихся старой библейской моралью, „зубъ за зубъ“, посылаютъ на висѣлицу. Англичанамъ можетъ показаться страннымъ, но по всей Сибири—гдѣ имѣется обширное поле для наблюденій надъ различными категоріями ссыльныхъ—убійцы причисляются къ самому лучшему классу тюремнаго населенія. Меня очень порадовало, чти Михаилъ Дэвиттъ, съ такой проницательностью анализировавшій „преступность“ и ея причины въ превосходныхъ очеркахъ тюремной жизни, сдѣлалъ такое же наблюденіе*). Всѣмъ извѣстно въ Россіи, что русскій законъ не признаетъ смертной казни впродолженіе уже болѣе, чѣмъ столѣтія; не смотря на то, что въ царствованія Александра II-го и III-го политическіе посылались на висѣлицу въ изобиліи, смертная казнь не примѣняется въ Россіи къ уголовнымъ пре-

*) Онъ говоритъ: «Убійства иногда бываютъ связаны съ грабежомъ,—этого нельзя отрицать; но почти всегда они являются при совершеніи грабежа случайностью и рѣдко преднамѣренны. Наиболѣе ужасное изъ преступленій—убійство, заранѣе обдуманное.—обыкновенно является результатомъ мести или ревности, или же результатомъ политической или соціальной несправедливости, и его скорѣе можно отнести къ извращенію болѣе благородныхъ сторонъ человѣческой природы, чѣмъ къ жизненнымъ страстямъ и аппетитамъ». (*Leaves from a Prison Diary*, т. I, стр. 17).

ступникамъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, военнымъ судомъ. Она была отмѣнена въ 1753 г., и съ того времени убійцы приговариваются лишь къ каторожнымъ работамъ, на сроки отъ 8 до 20 лѣтъ (отцеубійцы и матереубійцы на всю жизнь), по отбытіи которыхъ они становятся ссыльно-поселенцами и остаются въ Сибири на всю жизнь. Вслѣдствіе этого Восточная Сибирь полна освобожденными убійцами; и несмотря на это, едва ли найдется какая-либо другая страна, въ которой можно жить и путешествовать съ большей безопасностью. Во время моихъ продолжительныхъ путешествій по Сибири я никогда не бралъ съ собой никакого оружія; то же я могу сказать и относительно всѣхъ моихъ друзей; каждому изъ нихъ приходилось, въ общемъ, изъѣздить каждый годъ отъ 10.000 до 15.000 верстъ, по самымъ дикимъ, незаселеннымъ мѣстностямъ. Затѣмъ, какъ уже сказано въ одной изъ предыдущихъ главъ, количество убійствъ, совершаемыхъ въ Сибири освобожденными убійцами и безчисленными бродягами, въ общемъ, чрезвычайно незначительно; между тѣмъ, какъ постоянные грабежи и убійства, на которые жалуются сибиряки, совершаются обыкновенно въ Томскѣ и вообще на пространствѣ Западной Сибири, куда ссылаются менѣе важные уголовные преступники, а не убійцы. Въ болѣе ранніе періоды девятнадцатаго вѣка освобожденные убійцы, со слѣдами каторожныхъ клеймъ, нерѣдко встрѣчались въ Сибири, въ домахъ чиновниковъ, въ качествѣ кучеровъ, и даже нянекъ, при чемъ эти няньки относились къ ввѣряемымъ имъ дѣтямъ съ самою материнской заботливостью. Тѣмъ, которые сдѣлали бы предположеніе, что, можетъ быть, русскіе отличаются большей мягкостью характера, по сравненію съ западно-европейцами, я могу въ отвѣтъ указать на сцены жестокости, происходящія во время усмиренія русскихъ крестьянскихъ бунтовъ. Прибавлю только, что отсутствіе казней и гнусныхъ разговоровъ о подробностяхъ этихъ казней,—разговоровъ, которыми арестанты въ англійскихъ тюрьмахъ очень любятъ заниматься,—способствовало тому, что въ русскихъ арестантахъ не развивалось холоднаго презрѣнія къ человѣческой жизни.

Позорная практика легальныхъ убійствъ, до сихъ поръ имѣющая мѣсто въ Западной Европѣ, позорная практика наниманія за гинею (десять рублей) палача*), для приведенія въ исполненіе приговора, выполнить который самъ судья не имѣетъ смѣлости—эта позорная практика и глубокій душевный развратъ, вносимый ею въ общество, не имѣютъ оправданія даже въ томъ, что этимъ будто-бы предотвращаются убійства. Отмѣна смертной казни нигдѣ не вызвала увеличенія количества убійствъ. Если людей до сихъ поръ казнятъ, то это является просто результатомъ постыднаго страха, соединяемаго съ воспоминаніями о низшей ступени цивилизаціи, когда принципъ „зубъ за зубъ“ проповѣдывался религіей.

Но если космическія причины—прямо или косвенно—оказываютъ столь могущественное вліяніе на годовое количество противу-общественныхъ поступковъ; если физіологическія причины, коренящіяся въ тайникахъ строенія тѣла, являются также могучимъ факторомъ, ведущимъ къ правонарушеніямъ, — что же останется отъ теорій созидателей уголовнаго права, если мы къ вышеуказаннымъ причинамъ тѣхъ явленій, которыя именуются преступленіями, прибавимъ еще соціальныя причины?

Въ древности былъ обычай, согласно которому всякая коммуна (кланъ, марка, община, вервь) считалась, вся, въ ея цѣломъ, отвѣтственной за каждый противу-общественный поступокъ, совершенный кѣмъ бы то ни было изъ ея членовъ. Этотъ древній обычай теперь исчезъ, подобно многимъ хорошимъ пережиткамъ стараго общиннаго строя. Но мы снова возвращаемся къ нему и, переживъ періодъ ничѣмъ не сдерживаемаго индивидуализма, мы снова начинаемъ чувствовать, что все общество въ значительной мѣрѣ отвѣтственно за противу-общественные поступки, совершенные въ его средѣ. Если на насъ ложатся лучи славы геніевъ нашей эпохи, то мы не свободны и отъ пятенъ позора за дѣянія нашихъ убійцъ.

Изъ года въ годъ сотни тысячъ дѣтей выростаютъ

*) Du Cane. Punishment and Prevention of Crime, стр. 23.

въ грязи—матеріальной и моральной—нашихъ большихъ городовъ, ростутъ заброшенными, среди населенія, деморализованнаго неустойчивой жизнью, неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ и такой нищетой, о какой прежнія эпохи не имѣли и представленія. Предоставленные самимъ себѣ и самымъ сквернымъ вліяніямъ улицы, почти лишенные всякаго присмотра со стороны родителей, пригнетенныхъ страшной борьбой за существованіе, эти дѣти чужды даже представленія о счастливой семьѣ; но зато, съ самаго ранняго дѣтства, они впитываютъ въ себя пороки большихъ городовъ. Они вступаютъ въ жизнь, не обладая даже знаніемъ какого-либо ремесла, которое могло бы дать имъ средства къ существованію. Сынъ дикаря учится у отца искусству охоты; его сестра съ дѣтства пріучается къ веденію несложнаго хозяйства. Но дѣти, которыхъ отецъ и мать должны съ ранняго утра покидать свои грязныя логовища въ поискахъ за какой-нибудь работой, чтобы какъ-нибудь пробиться въ теченіе недѣли,—такія дѣти вступаютъ въ жизнь менѣе приспособленными къ ней, чѣмъ дѣти дикарей. Они не знаютъ ремесла; грязная улица замѣняетъ имъ домъ; обученіе, которое они получаютъ на улицахъ, извѣстно тѣмъ, кто посѣщалъ мѣста, гдѣ расположены кабаки бѣдняковъ и мѣста увеселенія болѣе состоятельныхъ классовъ.

Разражаться негодующими рѣчами по поводу склонности къ пьянству этого класса населенія,—нѣтъ ничего легче. Но если бы господа обличители сами выросли въ тѣхъ же условіяхъ, какъ дѣти рабочаго, которому каждое утро приходится пускать въ ходъ кулаки, чтобы занять мѣсто у воротъ лондонскихъ доковъ,—многіе ли изъ нихъ воздержались бы отъ посѣщенія изукрашенныхъ кабаковъ,—этихъ единственныхъ „дворцовъ“, которыми богачи вознаградили дѣйствительныхъ производителей всѣхъ богатствъ.

Глядя на это подростающее населеніе всѣхъ нашихъ крупныхъ мануфактурныхъ центровъ, мы перестаемъ удивляться, что наши большіе города являются главными поставщиками человѣческаго матеріала для тюремъ. Наоборотъ, я всегда удивлялся, что такое срав-

нительно незначительное количество этихъ уличныхъ дѣтей становится ворами и грабителями. Я никогда не переставалъ удивляться тому, насколько глубоко вкоренены соціальныя чувства въ людяхъ девятнадцатаго вѣка, сколько доброты сердца въ обитателяхъ этихъ грязныхъ улицъ; лишь этимъ можно объяснить, что столь немногіе изъ среды выросшихъ въ совершенной заброшенности объявляютъ открытую войну нашимъ общественнымъ учрежденіямъ. Вовсе не „устрашающее вліяніе тюремъ“, а эти добрыя чувства, это отвращеніе къ насилію, эта покорность, позволяющая бѣднякамъ мириться съ горькой судьбой, не выращивая ихъ въ своихъ сердцахъ глубокой ненависти,—лишь они, эти чувства, являются той плотиной, которая предупреждаетъ бѣдняковъ отъ открытаго попранія всѣхъ общественныхъ узъ. Если бы не эти добрыя чувства, давно бы отъ нашихъ современныхъ дворцовъ не оставалось камня на камнѣ.

А въ это же время, на другомъ концѣ общественной лѣстницы, деньги,—этотъ овеществленный человѣческій трудъ, — разбрасываются съ неслыханнымъ легкомысліемъ, часто лишь для удовлетворенія глупаго тщеславія. Когда у стариковъ и работящей молодежи часто не хватаетъ хлѣба, и они изнемогаютъ отъ голода у дверей роскошныхъ магазиновъ, — дворцовъ, въ этихъ магазинахъ богачи тратятъ безумныя деньги на покупку безполезныхъ предметовъ роскоши.

Когда все окружающее насъ—магазины и люди, которыхъ мы встрѣчаемъ на улицахъ, литература послѣдняго времени, обоготвореніе денегъ, которое приходится наблюдать каждый день,—когда все это развиваетъ въ людяхъ ненасытную жажду къ пріобрѣтенію безграничнаго богатства, любовь къ крикливой роскоши, тенденцію глупо швырять деньгами для любой явной, или сохраняемой въ тайнѣ цѣли; когда въ нашихъ городахъ имѣются цѣлые кварталы, каждый домъ которыхъ напоминаетъ намъ, какъ человѣкъ можетъ превращаться въ скота, несмотря на внѣшнія причины, которыми онъ прикрываетъ это скотство; когда девизомъ нашего цивилизованнаго міра можно поставить слова: „Обогащай-

тесь! Сокрушайте все, что вы встрѣтите на вашемъ пути, пуская въ ходъ всѣ средства, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя могутъ привести васъ на скамью подсудимыхъ!"—когда, за немногими исключеніями, всѣхъ, отъ землевладѣльца до ремесленника, учатъ каждый день тысячами путей, что идеалъ жизни—такъ устроить свои дѣла, чтобы другіе работали на васъ; когда тѣлесная работа настолько презирается, что люди, которые рискуютъ заболѣть отъ недостаточнаго тѣлеснаго упражненія, предпочитаютъ прибѣгать къ гимнастикѣ, подражая движеніямъ пильщика или дровосѣка, вмѣсто того, чтобы дѣйствительно заняться распиливаніемъ дровъ или копаніемъ земли; когда загрубѣвшія и почернѣвшія отъ работы руки считаются чѣмъ-то унизительнымъ, а обладаніе шелковымъ платьемъ и умѣнье держать прислугу въ „ежевыхъ рукавицахъ" считается признакомъ „хорошаго тона"; когда литература является гимномъ богатству и относится къ „непрактичнымъ идеалистамъ" съ презрѣніемъ,—зачѣмъ толковать о „врожденной преступности"? Вся эта масса факторовъ нашей жизни вліяетъ въ одномъ направленіи: она подготовляетъ существа, неспособныя къ честному существованію, насквозь пропитанныя противу-общественными чувствами!

Если наше общество съорганизуется такъ, что для каждаго будетъ возможность постоянно работать для общеполезныхъ цѣлей,—для чего, конечно, понадобится полная передѣлка теперешнихъ отношеній между капиталомъ и трудомъ; если мы дадимъ каждому ребенку здоровое воспитаніе, обучивъ его не только наукамъ, но и физическому труду, давъ ему возможность въ теченіи первыхъ двадцати лѣтъ его жизни пріобрѣсть знаніе полезнаго ремесла и привычку къ честной трудовой жизни, — намъ не понадобилось больше ни тюремъ, ни судьей, ни палачей. Человѣкъ является результатомъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ выросъ. Дайте ему возможность—вырости съ навыкомъ къ полезной работѣ; воспитайте его такъ, чтобы онъ съ ранняго дѣтства смотрѣлъ на человѣчество, какъ на одну большую семью, ни одному члену которой не можетъ быть причинено вреда безъ того, чтобы это не почувствовалось

въ широкомъ кругѣ людей, а въ концѣ концовъ и всѣмъ обществомъ; дайте ему возможность воспитать въ себѣ вкусъ къ высшимъ наслажденіямъ, даваемымъ наукой и искусствомъ, — наслажденіямъ болѣе возвышеннымъ и долговременнымъ, по сравненію съ удовлетвореніемъ страстей низшаго порядка,—и мы увѣрены, что обществу не придется наблюдать такого количества нарушеній тѣхъ принциповъ нравственности, съ которыми мы встрѣчаемся теперь.

Двѣ-трети всѣхъ правонарушеній, а именно всѣ такъ-называемыя „преступленія противъ собственности“ или совершенно исчезнутъ, или сведутся къ ничтожному количеству случаевъ, разъ собственность, являющаяся теперь привиллегіей немногихъ, возвратится къ своему дѣйствительному источнику—общинѣ. Что же касается „преступленій, направленныхъ противъ личности“, то число ихъ уже теперь быстро уменьшается, вслѣдствіе роста нравственныхъ и соціальныхъ *привычекъ*, которыя несомнѣнно развиваются въ каждомъ обществѣ и несомнѣнно будутъ возрастать, когда общіе интересы всѣхъ станутъ тѣснѣе.

Конечно, каковы бы ни были экономическія основы общественнаго строя, всегда найдется извѣстное количество существъ, обладающихъ страстями болѣе сильными и менѣе подчиненными контролю, чѣмъ у остальныхъ членовъ общества; всегда найдутся люди, страсти которыхъ могутъ случайно побудить ихъ къ совершенію поступковъ противу-общественнаго характера. Но въ большинствѣ случаевъ страсти людей, ведущія теперь къ правонарушеніямъ, могутъ получить другое направленіе, или же соединенныя усилія окружающихъ могутъ сдѣлать ихъ почти совершенно безвредными. Въ настоящее время, въ городахъ мы живемъ въ черезъчуръ большомъ разъединеніи другъ отъ друга. Каждый заботится лишь о себѣ или, самое большое, о ближайшихъ своихъ родныхъ. Эгоистическій, т.-е. неразумный индивидуализмъ въ матеріальныхъ областяхъ жизни неизбѣжно привелъ насъ къ индивидуализму, столь же эгоистическому и вредоносному, въ области взаимныхъ отношеній между человѣческими существами. Но намъ

извѣстны изъ исторіи, и даже теперь мы можемъ наблюдать сообщества, въ которыхъ люди гораздо болѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ въ нашихъ западноевропейскихъ городахъ. Въ этомъ отношеніи примѣромъ можетъ служитъ Китай. „Недѣленая семья“ до сихъ поръ является въ его исконныхъ областяхъ основой общественнаго строя: всѣ члены „недѣленой семьи“ знаютъ другъ друга въ совершенствѣ; они поддерживаютъ другъ друга, помогаютъ другъ другу—не только въ матеріальныхъ нуждахъ, но и въ скорбяхъ и печаляхъ каждаго изъ нихъ; и количество „преступленій“ противъ собственности и личности стоитъ въ этихъ областяхъ на поразительно низкомъ уровнѣ (мы, конечно, имѣемъ въ виду центральныя провинціи Китая, а не приморскія). Славянскія и швейцарскія земледѣльческія общины являются другимъ примѣромъ. Люди хорошо знаютъ другъ друга въ этихъ небольшихъ общинахъ и во многихъ отношеніяхъ взаимно поддерживаютъ другъ друга. Между тѣмъ въ нашихъ городахъ всѣ связи между его обитателями исчезли. Старая семья, основанная на общемъ происхожденіи, расчленилась. Но люди не могутъ жить въ подобномъ разъединеніи, и элементы новыхъ общественныхъ группъ растутъ. Возникаютъ новыя связи, между обитателями одной и той же мѣстности, между людьми, преслѣдующими какую-нибудь общую цѣль, и т. д. И ростъ такихъ новыхъ группировокъ можетъ быть только ускоренъ, если въ обществѣ произойдутъ измѣненія, ведущія къ болѣе тѣсной взаимной зависимости и къ большему равенству между всѣми.

Не смотря на всѣ эти измѣненія, все-же несомнѣнно останется небольшое число людей, которыхъ противуобщественныя страсти,—результатъ ихъ тѣлесныхъ несовершенствъ и болѣзней—будутъ представлять нѣкоторую опасность для общества. И потому является вопросъ: должно-ли будетъ человѣчество по-прежнему лишать ихъ жизни, или запирать въ тюрьмы?--Въ отвѣтѣ не можетъ быть сомнѣнія. Конечно, оно не прибѣгнетъ къ подобному гнусному разрѣшенію этого затрудненія.

Было время, когда съ умалишенными, которыхъ счи-

тали одержимыми дьяволомъ, обращались самымъ возмутительнымъ образомъ. Закованные, они жили въ стойлахъ, подобно животнымъ, и служили предметомъ ужаса даже для людей, надзиравшихъ за ними. Разбить ихъ цѣпи, освободить ихъ—сочли бы въ то время безумiемъ. Но въ концѣ XVIII-го вѣка явился человѣкъ, Пинель, который осмѣлился снять съ несчастныхъ цѣпи, обратился къ нимъ съ дружественными словами, сталъ смотрѣть на нихъ, какъ на несчастныхъ братьевъ. И тѣ, которыхъ считали способными разорвать на части всякаго, осмѣлившагося приблизиться къ нимъ, собрались вокругъ своего освободителя и доказали своимъ поведенiемъ, что онъ былъ правъ въ своей вѣрѣ въ лучшiе черты человѣческой природы: онѣ не изглаживаются вполнѣ даже у тѣхъ, чей разумъ омраченъ болѣзнью. Съ этого дня гуманность побѣдила. На сумасшедшаго перестали смотрѣть, какъ на дикаго звѣря. Люди признали въ немъ брата.

Цѣпи исчезли, но убѣжища для умалишенныхъ—тѣ же тюрьмы—остались, и за ихъ стѣнами постепенно выросла система, мало чѣмъ отличающаяся отъ той, какая практиковалась въ эпоху цѣпей. Но вотъ крестьяне бельгiйской деревушки, руководимые лишь простымъ, здравымъ смысломъ и сердечной добротой, указали новый путь, возможности котораго ученые изслѣдователи болѣзней мозга даже и не подозрѣвали. Бельгiйскiе крестьяне предоставили умалишеннымъ полную свободу. Они стали брать ихъ въ свои семьи, въ свои бѣдные дома; они дали имъ мѣсто за своимъ скуднымъ обѣденнымъ столомъ и въ своихъ рядахъ во время полевыхъ работъ; они допустили ихъ къ участiю на деревенскихъ праздникахъ и вечеринкахъ. И вскорѣ по всей Европѣ разнеслась слава о „чудесныхъ“ исцѣленiяхъ, виновникомъ которыхъ якобы являлся святой, въ честь котораго построена церковь въ Гелѣ (Gheil). Леченiе, примѣнявшееся крестьянами, отличалось такой простотой, оно было настолько общеизвѣстно съ давняго времени (это было свобода!), что образованные люди предпочли приписать достигнутые результаты божественному влiянiю вмѣсто того, чтобы смотрѣть на совершившееся

просто, безъ предразсудковъ. Но къ счастью, не оказалось недостатка въ честныхъ и добросердечныхъ людяхъ, которые поняли значеніе метода леченія, изобрѣтеннаго Гельскими крестьянами; они стали пропагандировать этотъ методъ и употребили всю энергію, чтобы побороть умственную инерцію, трусость и холодное безразличіе окружающихъ *).

Свобода и братская заботливость оказались наилучшимъ лекарствомъ въ вышеупомянутой обширной промежуточной области „между безумiемъ и преступленіемъ". Онѣ окажутся также, мы въ этомъ увѣрены, лучшимъ лекарствомъ и по ту сторону одной изъ границъ этой области,—тамъ, гдѣ начинается то, что принято называть преступленіемъ. Прогрессъ идетъ въ этомъ направленіи. И все, что способствуетъ ему, приведетъ насъ ближе къ разрѣшенію великаго вопроса,—вопроса о справедливости, который не переставалъ занимать человѣческія общества съ самыхъ отдаленныхъ временъ, но котораго нельзя разрѣшить при помощи тюремъ.

*) Одинъ изъ такихъ людей, д-ръ Артуръ Митчелль, хорошо извѣстенъ въ Шотландіи. См. его «*Insane in Private Dwellings*», Edinburgh, 1864; также «*Care and Treatment of Insane Poor*», въ *Edinburgh Medicall Journal*, 1868.

ПРИЛОЖЕНІЕ А.

Роль ссыльныхъ въ дѣлѣ колонизаціи Сибири.

(Къ стр. 116—121).

При неточности и разбросанности статистическихъ данныхъ относительно Сибири очень трудно опредѣлить, насколько ссыльные способствовали увеличенію населенія Сибири. Слѣдующія достовѣрныя цыфры, сообщенныя въ 1886 году въ оффиціальной „Тобольской газетѣ“ и перепечатанныя въ „Восточномъ Обозрѣніи“ (20 марта), заслуживаютъ вниманія. Въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1875 по 1885 г. въ Тобольскую губернію было выслано 38,577 мужчинъ и 4285 женщинъ. За ними послѣдовало въ ссылку 23,721 свободныхъ женщинъ и дѣтей, въ общемъ такимъ образомъ—66,583 душъ. Въ теченіи тѣхъ же 10 лѣтъ 11,758 ссыльныхъ умерло и 10,094 бѣжало; 4735 были осуждены вновь и высланы или переведены въ другія части Сибири; 1854 были возвращены въ Россію, *и лишь 28,670 были зачислены въ списки крестьянъ и мѣщанъ Тобольской губерніи.* Все ссыльное населеніе Тобольска состояло въ это время изъ 35,100 мужчинъ и около 12,000 женщинъ. Смертность этого населенія включена въ вышеприведенное число 11,758 умершихъ. Но, даже исключивъ вышеуказанную цыфру изъ общей суммы, окажется, что по крайней мѣрѣ 20,000 изъ 66,583 душъ—приблизительно, одна треть—были высланы въ Тобольскую губернію лишь за тѣмъ, чтобы умереть вскорѣ по прибытіи въ Сибирь, или убѣжать. Населеніе Тобольской губерніи въ 1875 году равнялось 1.131,246 душъ и оно увеличилось въ теченіи 10 лѣтъ на 187,626 душъ, между тѣмъ, какъ естественный при-

ростъ населенія долженъ быть менѣе 100,000 душъ. Оказывается, однако, что ссыльные за этотъ періодъ увеличили населеніе не болѣе чѣмъ на 45,000 душъ; дальнѣйшій же приростъ объясняется свободной эмиграціей изъ Россіи.

Что же касается до работоспособности этого ссыльнаго населенія, то о ней лучше всего можно судить по тому, что въ 1875 г. между ссыльными насчитывалось лишь 10,798 домовладѣльцевъ. Въ теченіи 10 лѣтъ 5,588 человѣкъ прибавилось къ вышеуказанному числу, но 3,775 бросили свои дома, такъ что въ 1885 году лишь 12,611 ссыльныхъ обладали постоянными жилищами. Кромѣ того, изъ 20,846, приписанныхъ къ крестьянамъ, въ 1875 году на мѣстахъ приписки не оказалось 8,525 душъ,—они исчезли.

ПРИЛОЖЕНІЕ В.

Выдержки изъ рѣчи г-на Шакѣева, произнесенной въ Петербургскомъ дворянскомъ собраніи 17 февраля 1881 года.

(Къ стр. 130).

Какъ извѣстно, послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ на постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и облеченъ почти диктаторской властью; фактически Александръ II передалъ власть въ его руки. Однимъ изъ первыхъ шаговъ Лорисъ-Меликова было разрѣшеніе губернскимъ земскимъ и дворянскимъ собраніямъ свободно высказывать свои мнѣнія. Они воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, и однимъ изъ первыхъ желаній, высказанныхъ собраніями, было желаніе уничтоженія системы „административной ссылки". Петербургское дворянство было однимъ изъ первыхъ, протестовавшихъ противъ этой возмутительной системы и во время засѣданія 17 февраля 1881 года, оно вотировало резолюцію, въ которой находило необходимымъ подать императору адресъ съ просьбой, чтобы законъ, гаранти-

рующій неприкосновенность личности каждаго гражданина, не былъ нарушаемъ.

Во время обсужденія этой резолюціи Е. А. Шакѣевъ прочелъ рефератъ о системѣ административной ссылки, въ которомъ онъ, между прочимъ, говорилъ слѣдующее:

„Обращаясь къ русскимъ законамъ, мы находимъ, что согласно имъ никакое наказаніе не можетъ быть наложено безъ приговора суда... Казалось бы, что послѣ обнародованія закона 1864 года не можетъ быть болѣе рѣчи о вмѣшательствѣ административныхъ властей въ функціи властей юридическихъ, и что наказаніе можетъ быть лишь результатомъ приговора суда. Наказанія безъ суда разсматривались государственнымъ совѣтомъ, какъ проявленія произвола... Но въ послѣднее время наблюдается нѣчто новое. Права, даваемыя каждому гражданину закономъ, сдѣлались совершенно призрачными. Подъ предлогомъ очистки Россіи отъ людей политически неблагонадежныхъ, администрація начала прибѣгать къ высылкамъ, сначала изрѣдка, но въ послѣдніе годы размѣры высылокъ растутъ все болѣе и болѣе... Въ началѣ общество возмущалось подобными дѣйствіями администраціи, но съ теченіемъ времени оно привыкло къ этимъ проявленіямъ произвола, и внезапное исчезновеніе людей изъ нѣдръ ихъ семействъ перестало казаться чѣмъ-то необычайнымъ".

„Преслѣдованія направлялись главнымъ образомъ противъ молодыхъ людей, юношей и дѣвушекъ, въ большинствѣ случаевъ еще не достигшихъ совершеннолѣтія. *Часто, лишь за знакомство, родство, или даже принадлежность къ какому-нибудь учебному заведенію, пользовавшемуся плохой репутаціей въ глазахъ администраціи, за какое-нибудь выраженіе въ письмѣ, за храненіе фотографіи (какого-либо политическаго ссыльнаго) молодые люди попадали въ ссылку*... Оффиціальный „Правительственный Вѣстникъ" привелъ недавно цыфровыя данныя о лицахъ, сосланныхъ такимъ образомъ (въ Сибирь) лишь по приказаніямъ администраціи, и цыфры эти указываютъ, что количество сосланныхъ колеблется между 250—2500 душъ каждый годъ; но если къ этимъ цыфрамъ прибавить данныя о лицахъ, ссылаемыхъ та-

кимъ же порядкомъ во внутреннія губерніи Европейской Россіи, причемъ о количествѣ такихъ лицъ мы можемъ лишь догадываться, передъ нами получится настоящая гекатомба человѣческихъ существъ".

Г. Шакѣевъ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ подписать вышеупомянутое заявленіе. Его рѣчь часто прерывалась криками: „браво!" „совершенно справедливо!" Предсѣдатель собранія, баронъ П. Л. Корфъ, поддержалъ предложеніе г. Шакѣева, прибавивъ, въ свою очередь, что оно имѣетъ очень глубокое значеніе для всей Россіи.

Собраніе, „принимая во вниманіе, что система административной ссылки не оправдывается закономъ", подписало петицію, которая и была передана императору. Конечно, все осталось по старому. Единственнымъ нововведеніемъ въ этой области явилось назначеніе спеціальнаго комитета, который періодически пересматриваетъ всѣ дѣла объ административной ссылкѣ и періодически набавляетъ по три и по пяти лѣтъ ссылки тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ находитъ опасными. Ссыльнымъ, которымъ разрѣшено возвратиться въ Россію, воспрещается жительство въ какомъ-либо изъ большихъ городовъ, гдѣ они могли бы найти средства къ существованію.

ПРИЛОЖЕНІЕ С.

(Къ стр. 163).

Бунтъ юношей, которыхъ держали въ исправительной колоніи въ Поркероллѣ, послужилъ къ раскрытію того возмутительнаго режима, которому они подвергались. Факты, выясненные передъ судомъ, указали, между прочимъ, что пища, которую имъ давали, была чрезвычайно сквернаго качества и кромѣ того выдавалась въ недостаточномъ количествѣ, такъ что имъ приходилось постоянно голодать. Режимъ въ колоніи былъ поистинѣ ужасенъ. Дама, собственница колоніи, и надзиратели употребляли для наказаній „crapaudine"—средневѣковый инструментъ для пытокъ.

Что же касается колоніи въ Метро, которую часто хотѣли представить, какъ образцовую,—изъ дебатовъ въ французской палатѣ депутатовъ (31 марта 1887 года) оказалось, что обращеніе съ дѣтьми въ этой колоніи также отличалось чрезвычайной жестокостью. Факты, сдѣлавшіеся извѣстными вслѣдствіе вышеупомянутыхъ дебатовъ, совершенно совпадаютъ съ тѣми свѣдѣніями о варварскомъ обращеніи въ этой колоніи, которыя были сообщены мнѣ частными лицами.

ПРИЛОЖЕНІЕ D.

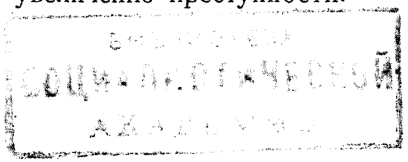
О «неисправимыхъ преступникахъ».

(Къ стр. 211).

Вильямъ Дугласъ Моррисонъ (W. D. Morrison) въ своей работѣ „Малолѣтніе преступники“ („Juvenile offenders“), изданной въ 1897 году, какъ третій томъ серіи „The Criminalogy Series“, далъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, подтверждающихъ сказанное въ текстѣ относительно зловреднаго вліянія тюремъ. — „Всякому ученому, изучающему вопросъ о наказаніяхъ, въ Англіи или на континентѣ“, говоритъ Моррисонъ, „хорошо извѣстно, что пропорція „неисправимыхъ“, сидящихъ въ тюрьмахъ, ежегодно возрастаетъ и никогда не стояла такъ высоко, какъ стоитъ теперь“.—Это подтверждается тюремною статистикою Франціи, Германіи, Италіи, Англіи и другихъ странъ. И Моррисонъ доказываетъ, что „неисправимые“—это тѣ, кто началъ получать тюремное образованіе съ раннихъ лѣтъ. Авторъ приходитъ къ вполнѣ опредѣленному заключенію, а именно: „Что касается, говоритъ онъ, до громаднаго большинства нашего тюремнаго населенія, то по отношенію къ нимъ уголовный законъ и тюремное наказаніе окончательно оказались несостоятельными. Наша система наказаній оказалась несостоятельной въ главной и первой своей цѣли, которая состояла въ томъ, чтобы помѣшать преступнику совершать новыя преступленія. Наоборотъ, она,

повидимому, плодитъ роковымъ образомъ обычнаго эксперта въ противу-общественныхъ поступкахъ".

Заключенія г. Моррисона, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ такого писателя, отличаются крайнею умѣренностью. Но по одному пункту они выражены съ полною опредѣленностью. Единственное дѣйствительное средство, говоритъ онъ, уменьшить число молодыхъ преступниковъ, это—„отстранить условія, общественныя и экономическія, создающія этихъ преступниковъ". Тюрьмы же ни въ какомъ случаѣ этого не достигаютъ. Онѣ ведутъ, напротивъ, къ увеличенію преступности.



М. Горькій:

1. Пѣсня о соколѣ . . . . . 2 к.
2. Человѣкъ . . . . . 2 »
3. Макаръ Чудра. . . . . 3 »
4. О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины . 2 »
5. Емельянъ Пиляй. . . . . 3 »
6. Дѣдъ Архипъ и Ленька . 5 »
7. Челкашъ . . . . . 7 »
8. Старуха Изергиль . . . . . 5 »
9. Однажды осенью. . . . . 3 »
10. Мой спутникъ. . . . . 6 »
11. Дѣло съ застежками . . . . 3 »
12. На плотахъ . . . . . 3 »
13. Болесь . . . . . 2 »
14. Тоска. . . . . 10 »
15. Коноваловъ . . . . . 10 »
16. Ханъ и его сынъ . . . . . 2 »
17. Супруги Орловы . . . . . 12 »
18. Бывшіе люди . . . . . 12 »
19. Озорникъ. . . . . 5 «
20. Варенька Олесова . . . . . — »
21. Товарищи. . . . . 4 »
22. Въ степи . . . . . 3 »
23. Мальва . . . . . 10 »
24. Ярмарка въ Голтвѣ. . . . . 3 »
25. Зазубрина. . . . . 3 »
26. Скуки ради . . . . . 5 »
27. Каинъ и Артемъ. . . . . 6 »
28. Дружки. . . . . 4 »
29. Проходимецъ. . . . . 7 »
30. Кирилка . . . . . 3 »
31. Васька Красный . . . . . 5 »
32. Двадцать шесть и одна . . 5 »
33. Разсказъ Фалиппа Васильев. 5 »
34. Тюрьма . . . . . 8 »

Скиталецъ:

41. Стихотворенія Книга I. . . 5 »
42. Стихотворенія Книга II. . . 6 »
43. Сквозь строй . . . . . 12 »
44. За тюремной стѣной . . . . 5 »
45. Октава. . . . . 12 »
46. Ранняя обѣдня . . . . . 3 »
47. Полевой судъ . . . . . 5 »

Л. Андреевъ:

51. Набатъ . . . . . 2 »
52. Ангелочекъ . . . . . 3 »
53. Молчаніе . . . . . 3 »
54. Валя. . . . . 3 »
55. На рѣкѣ . . . . . 4 «
56. Въ подвалѣ . . . . . 3 »
57. Петька на дачѣ. . . . . 3 »
58. У окна. . . . . 5 »
59. Жили-были . . . . . 5 «
60. Въ темную даль . . . . . 4 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

61. Ометъ . . . . . 3 к
62. Конокрадъ. . . . . 2 »
63. Миша. . . . . 2 »
64. Послѣдній часъ . . . . . 6 »
65. На родину . . . . . 4 »
66. Сквозь преграды . . . . . 2 »
67. Кахетинка. . . . . 3 »
68. Бѣдный приходъ. . . . . 2 »
69. Злой духъ. . . . . 4 »
70. Жалоба . . . . . 5 »

А. Серафимовичъ:

71. Въ камышахъ . . . . . 3 »
72. Месть. . . . . 4 »
73. На льдинѣ . . . . . 4 »
74. Степные люди. . . . . 5 »
75. Ночью . . . . . 3 »
76. Сцѣпщикъ. . . . . 3 »
77. На заводѣ . . . . . 5 »
78. Подъ землей. . . . . 6 »
79. Подъ уклонъ. . . . . 3 »

А. Купринъ:

81. Дознаніе . . . . . 3 »

Н. Телешовъ:

82. Пѣснь о трехъ юношахъ. . 3 »
83. Противъ обычая . . . . . 3 »
84. Домой. . . . . 3 »
85. Хлѣбъ-соль . . . . . 3 »

С. Елпатьевскій:

86. Спирька. . . . . 8 »
87. Пожалѣй меня. . . . . 2 »
88. Присяжнымъ засѣдателемъ . 3 »

Ив. Бунинъ:

89. Стихотворенія. . . . . 4 »

К. Бальмонтъ:

90. Стихотворенія. . . . . 3 »

С. Юшкевичъ:

91. Невинные. . . . . 4 »
92. Убійца . . . . . 3 »
93. Кабатчикъ Гейманъ. . . . . 7 »
94. Ита Гайке. . . . . —
95. Человѣкъ . . . . . —
96. Евреи. . . . . 30 »

А. Черемновъ:

98. Стихотворенія. Книга I. . . —
99. Стихотворенія. Книга II. . . —

Е. Чириковъ:

100. Евреи. . . . . 12 »

С. Гусевъ-Оренбургскій:

111. Въ приходѣ. . . . . 12 »

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

201. **Марксъ и Энгельсъ.** Коммунистическій манифестъ 12
202. **Каутскій.** Эрфуртск. программа —
203. **Бебель.** Женщина и соціализмъ —
204. **Бебель.** Интеллиг. и соціализмъ. 5
205. **Бебель.** Постоянн. армія и народная милиція 15
206. **Каутскій.** Индивид., классовые и общественные интересы... —
207. **Г. Роландъ-Гольстъ.** Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. 70
208. **Вандервельде.** Промышленное развитіе и коллективизмъ . —
209. **Жюль Гедъ.** Общественная служба и соціализмъ . . . . . —
210. **Марксъ.** Къ еврейскому вопросу 10
211. **Бебель.** Профессіон. движеніе и политическія партіи. . . . 5
212. **Каутскій.** Нейтрализація профессіональныхъ союзовъ. . . . —
213. **Штернъ.** Государство будущаго. —
214. **Панекукъ.** Соціализмъ и религія. —
215. **Атлантикусъ.** Государство будущаго 35
216. **Каутскій.** Революціонныя перспективы . . . . . —
217. **Чиготти.** Психологія соціалистическаго движенія . . . . —
218. **Каутскій и Шёнланкъ.** Основные принципы и требованія соціалъ-демократіи . . . . . —
219. **Э. Ферри.** Развитіе экономическое и соціальное . . . . —
220. **Ф. Мерингъ.** Теорія и практика марксизма. . . . . —
221. **П. Лафаргъ и Ж. Гедъ.** Программа рабочей партіи . . . . —
222. **Ф. Энгельсъ.** Теорія научнаго соціализма (Anti-Düring) . . —
231. **Фаньо.** Профессіональное рабочее движеніе въ Англіи . . 12
232. **Г. Фюртъ.** Фабричный трудъ замужней женщины. . . . . —
233. **Кампфмейеръ.** Проституція, какъ общественно-классовое явленіе, и борьба съ нею . . . —
234. **Энгельсъ.** Къ жилищн. вопросу —
235. **Каутскій.** Американскій и русскій рабочій 15
236. **Смайли.** Куда ведетъ экономическое развитіе 12
237. **Бакстъ и Квелчъ.** Новый катехизисъ соціализма . . . . . —
238. **Ванъ-Коль.** Колоніальная политика и соціалъ-демократія . —
261. **Лафаргъ.** Аграрная программа. 5
262. **Каутскій.** Соціализмъ и сельское хозяйство 15
263. **Кржижицкій.** Аграрный вопросъ. 70
271. **Энгельсъ.** Статьи. 12
272. **Марксъ.** Либералы у власти . 8
273. **Марксъ** передъ судомъ присяжныхъ 10
274. **Лиссагарэ.** Исторія парижской коммуны 70
275. **Г. Іэкксъ.** Интернаціоналъ . . . 80
276. **Взятіе Бастиліи** (по Мармонтелю) —
277. **Начало нѣмецкой соціалъ-демократіи.** . . . . . —
278. **Каутскій. Карлъ Марксъ** . . . —
279. **Икарійцы въ Америкѣ.** . . . —
280. **Тюрлянъ.** Популярная исторія парижской коммуны 1871 г. —
286. **Бебель.** Фурье и его ученіе. . —
287. **Каутскій.** Этика и экономическое пониманіе исторіи. 20
288. **Мерингъ.** Легенда о Лессингѣ . —
301. **Ольминскій.** Свобода печати. . 12
302. **Ольминскій.** Права Государственной Думы. 5
303. **С. Михайловичъ.** Что такое рабочая партія. 3
304. **Клейнбортъ.** О партіяхъ и партійности. 5
305. **Финнъ.** Къ аграрному вопросу. —
306. **Сомовъ.** Справедливый налогъ. 12
307. **Сомовъ.** Нужна ли постоянная армія . . . . . —
308. **Рейснеръ.** О царской власти . —
309. **Клейнбортъ.** Русскій имперіализмъ въ Азіи. 8
310. **Клейнбортъ.** Капитализмъ и еврейскій вопросъ 8
311. **Степановъ.** Издалека . . . . —
312. **Гуревичъ.** Радикальная буржуазія и профессіональные союзы —
313. **Клейнбортъ.** Проекты подоходнаго налога . . . . . —

Книги, при которыхъ поставлена цѣна, поступили въ продажу.

ТОВАРИЩЕСТВОМЪ „ЗНАНІЕ“ ИЗДАНА КНИГА

П. Кропоткинъ. ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦІОНЕРА.

Съ предисловіемъ Георга Брандеса. Съ англійскаго. Переводъ Діонео подъ редакціей автора. *Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ.* Цѣна 1 рубль.

Обложка печаталась въ типографіи Н. М. Клобукова. Литовская ул., № 34.